

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮЛЬ

2000

ТАМУЗ

5760

N 7 (99)

УРОКИ РАББИ АКИВЫ

Во всем мире весьма популярна так называемая народная мудрость. Сегодня мне хотелось бы поговорить о пословицах и поговорках, в которых, как принято считать, заложен исторический опыт народа. Однако у нас, евреев, мысли, переданные через поколения, по большей части нельзя назвать народными. Как правило, их автор точно известен. И одним из таких авторов был знаменитый рабби Акива, чья жизнь сама по себе может быть отнесена к народным преданиям. Этот великий знаток Торы заслуживает того, чтобы о нем была написана целая книга. Но сегодня мы обратимся лишь к некоторым его поучениям.

Итак, рабби Акива говорил:

«У того, кто чирикает “Песнь песней” в застолье, превращая ее в любовную песенку, не будет доли в грядущем мире». Рабби Акива убежден, что преступно относиться к книгам Святого Писания как к литературному произведению, пусть даже талантливого писателя. Для нас Тора – это инструкция, указание к жизни на каждый день. Она не нуждается в признании ее бесспорных достоинств, как если бы это был прекрасный, лучший из романов.

«Принимающий хотя бы монетку пожертвований, не испытывая нужды, не покинет этот мир, прежде чем не познает ее в действительности. Повязывающий глаза и чресла, прикидываясь слепым или прокаженным, дождется того, что его ложь обернется правдой». Рабби Акива обращает наше внимание на то, что обмануть можно человека, но никак не Всевышнего, Он все видит и знает.

«Ждущий смерти жены в надежде унаследовать ее имущество или кончины брата, желая жениться на его вдове, будет в конце концов похоронен ими (женой или братом)». Не правда ли – эта мысль рабби Акивы напоминает нам известную поговорку: «Не рой яму другому...» Кстати, не всем, кто вспоминает эту поговорку, известно, что цитируют они Экклезиаст: «Тот, кто копает яму другому, упадет в нее сам». Такова, видимо, связь времен и народов.

А вот пример грустного юмора рабби Акива: «Бедность идет еврею, как красная лента лошади». Недавно один мой знакомый, когда я произнес в его присутствии эту фразу, с гордостью сообщил мне, что знает ее, читал у... Шолом-Алейхема!

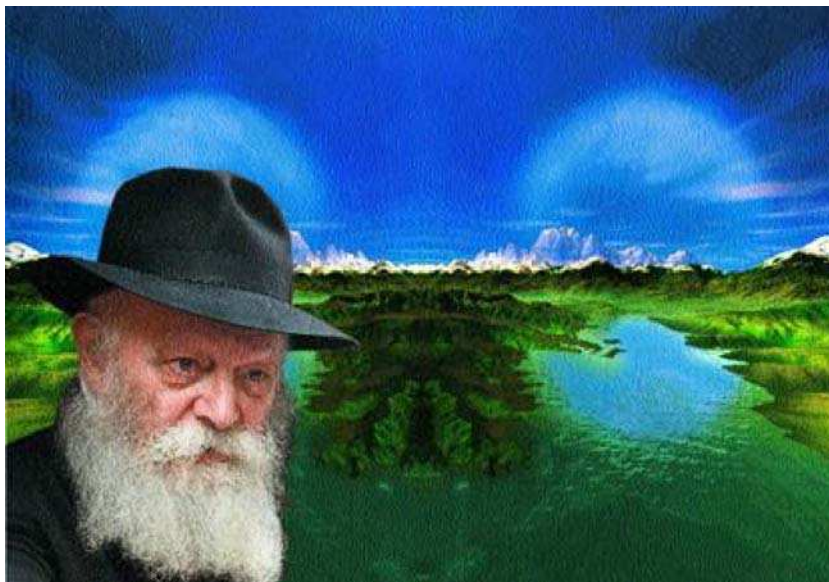
От рабби Акивы до нас дошли и медицинские советы. Один из них гласит: «Питаясь бесполезной пищей, человек совершает сразу три преступления: презирает себя, презирает пищу, произносит на нее пустое благословение».

Предлагая вашему вниманию толику мудрости рабби Акива, я старался охватить разные стороны жизни. В этом и заключается величие Торы и ее мудрецов – в святых книгах заложены уроки и ответы на все вопросы. Советую вам искать их там.

Āšāš ūē šāšēī Dīšēē Ādē Ēšāš

Обретение Неба на Земле

365 размышлений Ребе



ДЕТИ

У Ребе детей не было. Но дети очень много значили для него. Проходя мимо ребенка, он всегда доставал из кармана десятицентовую монету, чтобы тот опустил ее в копилку для цдоки. Немногие из людей его ранга тратили столько времени на обращения к детским съездам, выступления, статьи и письма, касающиеся детей.

Для Ребе важно было не только то, чем дети станут, но и кто они есть сейчас. Он приписывал их молитвам и добрым делам потрясающую мощь, намного превосходящую мощь взрослых.

Ребе рассматривал ребенка как прозрачный хрустальный сосуд, в котором находится Б-г. Он рассказывал, как его собственные мысли стремятся достичь простоты детских. В этой простоте, учил он, можно найти простоту Бесконечного.

Когда стали издавать журнал для детей «Время Мошиаха», Ребе высказал его издателю несколько пожеланий: публикация должна дойти до самых маленьких, в качестве примеров следует приводить реальных людей, а не странных невиданных зверей; количество изображений девочек и мальчиков должно быть одинаковое.

271

Б-г радуется, когда дети прыгают и играют с Его священными книгами. Это вовсе не значит, что следует поощрять использование книг таким образом... Но обеспечить их священными книгами необходимо.

272

Давайте детям игрушки, изображающие не хищных, а мирных животных, например оленей, жирафов. То, что ребенок видит в раннем возрасте, оставляет след в его душе навсегда. Надо помнить, что жизнь человека начинается уже во чреве матери. Пойте зародышу добрые песенки, пусть слышит он слова Торы.

273

Иногда вы не знаете, как поступить, – приласкать ребенка или наказать его. Наказывая ребенка, когда он нуждается в ласке, вы допускаете серьезную ошибку. Если же вы приласкаете его, в то время как он заслуживает наказания, то совершаете дополнительную мицву.

274

Супруги просили у Ребе благословения на то, чтобы их дети вели себя как следует. Ответ может показаться весьма простым, но ни в одной книге для родителей я его не нашел. Иногда самое очевидное является и наименее удобным, и поэтому его избегают.

Ведите себя сами так, чтобы на вашем примере дети естественно захотели поступать, как вы, их родители. Общайтесь с ними постоянно, ежедневно, и вы получите желаемый результат.

275

Когда придет Мошиах, в первых рядах приветствующих его будут те, кто учит маленьких детей.

Создав организацию еврейских детей «Цивос Гашем» – («Армию Б-га»), Ребе сказал ее «солдатам», что словами Торы и добрыми делами они будут воевать с силами Тьмы и ускорят приход Мошиаха.

Дети всегда стремились устроиться поближе к Ребе во время собраний с его участием. Некоторые усаживались под столом у его ног. Рассказывают, однажды из-под стола маленькая ручка потянулась за куском пирога Ребе.

Кто-то из взрослых счел это нарушением приличий и вознамерился выпроводить несколько ребят из помещения. Но Ребе возмутился и спросил у поборника приличий:

– **Вы**, всего лишь штатский, хотите удалить **солдат**?

276

Еще совсем недавно лучшим благословением считалось иметь много детей.

Богатство – не особняк, наполненный серебром и золотом.

Богатство – это дети и внуки, идущие по верному пути.

277

Каждый день уделяйте полчаса мыслям о своих детях, о том, к чему они стремятся. Потом делайте все, что можете, для них.

А потом еще больше.

ВСЕ ДЕТИ НОЯ

278

О падении марксизма

Самая хитроумная социально-экономическая система, созданная самыми блестящими умами, обречена на провал. Подкупленные умы готовы оправдать все. Предлагаемые законы всегда относительно и изменяемы.

Чтобы добиться гармонии человеческого существования, нам следует внять голосу, услышанному Ноем после потопа. Принять за основу абсолютные ценности, установленные Творцом мира, которыми нельзя играть в угоду комфорту. Эти ценности – вне субъективного человеческого разума.

279

Постгуманизм

Некоторые называют меня старомодным за веру в древнее, вневременное учение, веру в Б-га. На самом деле старомодны те, кто до сих пор придерживается идей, отвергнутых уже десятилетия назад.

Век Разума, Просвещения, Гуманизма, когда Знание и Интеллект считались Спасителями Человечества, ушел в небытие, и был погребен после того, как самая цивилизованная и интеллектуальная в мире нация совершила немыслимые злодеяния.

Человек, чтобы выжить, должен принять и чувствовать Того, Кто Над ним, благоговеть перед Ним, соединиться с Ним.

280

Есть безусловный авторитет, основанный не исключительно на власти. Когда вы требуете от ребенка, чтобы он поступал так, иначе последует наказание, у него возникают сомнения: ведь его могут и не уличить, а если уличат, то, как знать, наказание может оказаться не столь суровым.

Ребенок должен знать, что есть око, которое видит, и ухо, которое слышит, есть Высшее Незримое Существо, перед которым он всегда в ответе. Это позволит эффективно бороться с ростом преступности.

В своем стремлении отделить религию от государства, люди сумели удалить из школы понятия сверхъестественного и духовного. В наши дни ребенок вырастает, воображая себя центром мира. И без благоговейного трепета.

281

Я жил в Германии перед войной и утверждаю, что в Америке может произойти то же, что и там, если в американской системе образования не будет уделено больше внимания моральному воспитанию.

282

В начале 60-х годов Ребе много раз повторял:

– Придет время, и Россия не только **позволит** евреям уезжать, но и будет **способствовать** их возвращению на Святую Землю. Это явится знаком того, что Избавление рядом.

283

По поводу инициатив ООН в сфере разоружения (январь 1992 года)

Пророк Исая, говоря о временах, когда «Перекуют мечи на орала», имел в виду конец холодной войны и начало ядерного разоружения. Пророчество только начинает сбываться.

Холодная война окончилась не благодаря торжеству человеческого разума. Война всегда бессмысленна, тем не менее вполне разумные люди тысячелетиями вели войны. Сегодня новым является то, что в наш мир стал пробиваться Свет Мошиаха.

ПРОЕКТ ТВОРЕНИЯ

Основным направлением деятельности Ребе являлось исследование талмудических концепций, законотворческих дискуссий, каббалы, философии – каждого аспекта сокровищницы Торы, анализ всех точек зрения, вопросы, которые никто не решался задавать, и ответы, никому не приходившие в голову.

Верно утверждение, что Ребе руководил международной организацией и сотнями ее представительств во всех уголках мира. Верно и то, что ежедневно он обрабатывал мешки почты, приходящей в его адрес. Он не раз заявлял, что главное – не идеи, а действия. И все-таки основным его занятием всегда оставалось то, о чем он говорил, что писал, над чем проводил нескончаемые часы, – изучение Торы.

Ребе всегда подчеркивал, что изучая Тору, мы познаем мир. Каждая мысль, каждый его вывод становились новым этапом в постижении Вселенной. Любое умозаключение превращалось в его устах в откровение о тайнах времени и пространства.

Такая глубина в изучении сама по себе говорит о многом. За этим стоит простая истина: «То, что вы видите во мне, лишь ничтожная частица моей души, не я сам. Действительная моя сущность – в неразрывной связи с Б-жественным учением, которое над временем и над всем сотворенным».

Только крепко укоренившийся в высших мирах может серьезно повлиять на наш мир.

284

То, что обычно переводят как «Библия» или «Закон», на самом деле означает нечто другое. Тора – это «указание». В каждом ее отрывке вы найдете, **должны** найти указание, совет для себя.

285

Тора – это проект, по которому построен мир. Все существующее можно найти в Торе. Более того, любая ее концепция открывает целый мир.

286

Как утверждает традиция, когда Б-г говорил на горе Синай с Человеком, эха не было.

Тора проникает во все вещи и поглощается ими, поскольку она – их сущность. Нет места, где ее нельзя было бы применить, нет тьмы, которую она не осветила бы, нет ничего, чего бы она не могла оживить. Ничто не может оттолкнуть ее, заявляя: «Тора слишком священна для этого места».

287

Перед Откровением на горе Синай существовала иерархия истин. Египетский первосвященник владел «настоящей» истиной, жрецы – ее тайнами. Их приближенные ученики получали слабые отблески правды. Народ же пребывал в неведении.

На Синае непременно должны были присутствовать все – мужчины, женщины и дети. Все получили одновременно одну и ту же правду.

Когда дело доходит до истины, ее не бывает больше или меньше. Правду можно постичь глубже, более или менее детально, но сущность правды для каждого и везде одна.

Потому что Б-г – везде.

288

Посмотрите ясной ночью, как луна отражается в озере. Затем посмотрите, как та же луна отражается в стакане воды и в капле. Точно так же суть Торы отражается в

каждом человеке, изучающем ее, – от несмышленного ребенка до умудренного опытом старика.

290

Некоторые полагают, что Тора представляет собой собрание законов, обычаев, рассказов с мистической окраской.

Наш народ испытал на горе Синай нечто сверхъестественное. В Торе сказано, что люди видели там гром. Они **видели** то, что обычно слышат, и слышали то, что обычно видят. Духовное предстало реальностью, земное – невесомым предположением, фантазией.

Душа Торы – это прежде всего ее мистическая сторона. Тора без своего внутреннего значения – не более чем тело без души.

291

Не существует двух Тор – одной для мистиков, другой – для юристов. Есть тело Торы, и есть ее душа. Они неразделимы, не могут вступать в противоречие между собой, и в каждом из них можно найти другое.

292

В комментарии, написанном для пятилетнего ребенка, заложены великие тайны Торы. Но только один раз вы понимаете простой комментарий так, как его понимает ребенок.

293

Чтобы целиком отдаться Торе, к ней следует относиться творчески. Для этого необходимо прежде всего запретить свое «я».

294

Иногда Тора говорит вам одно, потом противоречит себе и наконец предлагает третью концепцию, улаживающую противоречие.

Вы не найдете в Торе всех ответов сразу. В первую очередь необходимо впитать одну простую истину и жить с ней. Затем следует найти другую истину, которая покажется противоречащей первой, отрицающей ее. Из этого смятения явится более высокая истина – скрытый свет, находящийся за всем, что было постигнуто прежде.

295

Рабби Зера принял на себя сто постов, чтобы забыть все выученное в Вавилоне, прежде чем приступить к изучению Торы в стране Израиля.

Изучение – это не только приобретение знаний, но и процесс, в котором делается попытка как можно больше «выпрыгнуть» из своего субъективного «я». Неважно, на какой высоте ты находишься, всегда есть ступень еще выше.

Но достижение этой ступени возможно только, если ты понимаешь, что находишься пока внизу.

296

Может возникнуть вопрос: «Зачем учиться? Разве во мне и без того нет правды?» – Правда в вас есть, но она заперта, пребывает в крепком сне. И правда извне разбудит вашу внутреннюю.

297

Изучение Торы отличается от изучения чего-либо другого. Постигая любую другую мудрость, ваш разум растворяется в информации и знании об изучаемом предмете. Если же вы изучаете Тору, ее идеи, оказывается, что в них – Он Сам, и вы с Ним в это время единое целое.

298

Постигая концепцию из Торы, поразмышляйте над ней. Перенесите услышанное из области понимания в область перспективы и реализации. Это должно повлиять на вас так, что вы изменитесь, и ваш обычный день станет уже другим. Тогда концепция окажется вашей.

299

Вы можете жить во дворце, в котором много сокровищ, и оставаться нищим. Чтобы стать богатым, нужно владеть тем, что у вас есть.

Так и с вашим умом. Можно вынашивать блестящие идеи и все знать, но оставаться бедным, пока эти идеи, знания не станут частью вас.

300

Очень важно, как вы строите свой день. Начинайте его с обзора того, что вокруг вас, и только потом постепенно погружайтесь в работу!

Вдохновением на весь день вас зарядит утренняя молитва. После нее приступите к изучению той части Торы, в которой освещаются земные, материальные вопросы. Теперь вы готовы к погружению с головой в тьму – вы уже запаслись светом, который ее будет освещать.

301

Изучающие серьезные тексты в ряде случаев уподобляются либо губкам, впитывающим все без разбора, либо воронкам, у которых оно же входит в одно ухо и выходит в другое. Обязанность учителя предостеречь учащихся от крайностей, и научить их сосредоточиваться на том, что важно, и не задерживаться на том, что может служить лишь фоном.

302

Я не верю в философию. Я верю в идеи, способные изменить людей.

Ребе развернул кампанию за возвращение евреев к традиционному образу жизни. Он призывал их совершать скромные дела, в частности зажигать субботние свечи, ежедневно опускать в копилки для цдоки несколько монет, надевать тфилин.

– Не вступайте в споры, не тоните в философствовании, давайте людям действовать, а говорить будем потом, – повторял он снова и снова.

Многие критиковали кампанию, направленную в основном на действие.

– Люди должны понимать, что они делают, иначе это будет просто ритуал! – утверждали они.

– Людей изменяют не доводы и не философия. Людей изменяет дело. Начните что-то делать, и весь ваш взгляд на мир изменится, — настаивал Ребе.

Делайте добро, а выяснять зачем не так уж важно.

303

Все сотворенное можно рассматривать как взаимодействие солнца и луны.

Солнце всегда светит и греет.

Луна только отражает свет, полученный от солнца.

Так и в нашем мире нет ничего, что только получало бы, не отдавая. Каждое творение должно и получать, и отдавать, быть солнцем так же, как и луной.

304

Солнце неизменно – каждый день тот же огненный шар поднимается над землей. Луна же претерпевает изменения в своих циклах – она то полная, то уменьшается, пока совсем не исчезнет, то обновленная возвращается из небытия.

Точно так же все сотворенное растет и изменяется, как луна, оставаясь неизменным, как солнце.

Растите, изменяйтесь, постоянно учитесь, но всегда сохраняйте стойкость, помните, кто вы.

305

Сосуд определяется своим содержанием. Кувшин воды – водой, ящик яблок – яблоками. И дом определяется тем, что в нем.

Наполните свой дом книгами Торы, и он будет Торой. Установите в доме копилку для цдоки, и он явится источником благотворительности. Посадите тех, кто нуждается в теплом доме, за свой стол, и ваше жилище станет светом во тьме.

Относясь к чему-либо серьезно, вы уделяете этому свое время и не отвлекаетесь на другие дела. И уж, во всяком случае, не на телефонные разговоры.

Духовная сторона вашей жизни – не просто увлечение, не роскошь, а цель существования. Если вы изучаете Тору, молитесь или размышляете, все остальное для вас перестает существовать.

Ваш духовный рост должен заботить вас, по крайней мере, не меньше, чем материальный.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕ РЯЦА

ГЛАВА ПЯТАЯ

В мире размышлений



Поездка в Мазинкас

В последнее время ко мне не было претензий ни со стороны моего поведения, ни со стороны учебы, отец выказывал мне свою близость, и я не был поражен тем, что он захотел взять меня с собой в Мазинкас.

Неудивительно, что и я был рад этой поездке: в эти дни я буду с отцом и к тому еще смогу похвастаться этим перед друзьями, которые уже достигли понимания его духовного положения и образа как человека возвышенного. Сильно огорчало меня то, что мой учитель реб Нисан склонен был препятствовать мне в этом.

Но к моему счастью, в воскресенье за час до поездки меня позвали к отцу, и он сказал мне:

— Сегодня поедешь со мной, если ты хочешь взять с собой какие-то книги, принеси их, положим с моими вещами.

Моя радость была беспредельна. Но я и не подаю вида, боясь, чтобы не случилось что-либо, способное все испортить. Я принес Танах, Мишну, Гемору и Шулхан Орух, которые тогда изучал. Все мои действия были спокойными и с подходящей моему положению покорностью.

До того момента, пока мы не сели в повозку, я не верил, что поеду, и боялся, как бы не возникло вдруг какое-то неожиданное препятствие. Но слава Б-гу, все прошло спокойно, и мы поехали. Я сидел рядом с отцом, легкий ветерок, цветущие поля кругом, беседы возницы Лейбечке, сидящего впереди на возвышении, с его лошадьми, свернутый длинный кнут справа от него – все это покорило меня.

В повозке напротив нас с отцом сидел Шмуэль, у него отец останавливался в городе. Реб Шмуэль, уроженец города Данбурга, в юности, с 5608 до 5611 года, был одним из «обитателей» в Любавиче у Ребе Цемаха Цедека.

Он хорошо разбирался в религиозной литературе, глубоко изучал Гемору и поским – кодификаторов закона, знал наизусть три раздела Мишны, на что получил указание от Ребе Цемаха Цедека, был знатоком «Тойра Ойр» и «Ликутей Тойра», отличался прямоотой характера.

Будучи жителем Любавича, он породнился с богатым евреем из Мазинкаса, знатоком Торы, взявшим его к себе на содержание в течение нескольких лет. Зять, реб Шмуэль, остался в Мазинкасе, занялся традиционным для этих мест делом, лесоторговлей, построил во дворе своего дома постоянный двор для своих работников и для торговцев лесом.

Три года, пока реб Шмуэль жил в Любавиче, он каждый день, а иногда даже и ночь проводил в бейс а-мидраше Ребе Цемаха Цедека. Обучавшиеся тогда в ешиве две группы учеников, отличавшиеся друг от друга порядком учебы и типом служения, находились на содержании у Ребе.

Ешива в Любавиче во времена Ребе Цемаха Цедека

Ешива была основана в 5602 году. Учителями в ней были сын Ребе Цемаха Цедека мой дедушка реб Исроэл-Ноах и зять Цемаха Цедека реб Леви-Ицхок. Каждый из них давал по два урока в неделю. Ученики делились на два класса – один класс маленький, на 25 человек, и второй на 35 человек, а иногда и на 40.

Ученикам первой группы было от 14 до 17 лет, учащимся второй группы – от 17 до 20 лет. Все они были способные и усердные в учебе открытой Торы, Геморы и поским, законодателей, время от времени они учили главы из Тании, изредка какой-либо раздел в Тойра Ойр.

«Обитателями» ешивы считались те, кто занимался только хасидизмом. Это были молодые люди до или только что после свадьбы, молодожены, из них несколько очень талантливых, а также дети богатых родителей, способных содержать их, только бы они учились, и еще «терлись» среди хасидов.

– Поскольку во времена Ребе Цемаха Цедека, – рассказывает реб Шмуэль, – в Любавиче постоянно был кто-нибудь из уважаемых хасидов, старейшин, всегда можно было послужить кому-то из них, наблюдать, как он молится, как учится, как ведет себя, и в ряде случаев это действовало на молодых больше, чем сама учеба.

Сказано нашими мудрецами: «Велико служение Торе, более чем изучение ее». Учеба позволяет ученику лишь понять вещь, интеллектуальную идею, а служение делает его ойведом, служащим Всевышнему, и хасидом.

Я сожалею, что не слушал внимательно беседу отца с реб Шмуэлем, когда мы ехали в повозке, лошадьми которой правил Лейбечке. Я завидовал ему, сидящему наверху и тянущему поводья, эта зависть мешала мне сосредоточиться на том, что говорили отец и реб Шмуэль.

Мы едем среди леса, воздух чист и свеж, поют птицы. Отец просит Лейбечке не торопиться, чтобы не было много пыли и можно было надыхаться прекрасным воздухом. Лейбечке отпускает вожжи и дает своим животным идти медленно, как они хотят.

Отец о чем-то задумался, реб Шмуэль дремлет, а в моих мыслях проносятся воспоминания о минувших днях.

Болезнь отца

В субботу, когда читали главу «Трума», это был 5651 год, отец произнес маймор «И сделайте Мне святилище, и поселюсь я в нем». В ту субботу приехал раввин Меир-Шлоймо, благословенной памяти, из Николаева. В следующую субботу отец произнес маймор: «И сделаешь циц», в эту субботу приехали шойхеты реб Ошер из Николаева, реб Йеошуа и реб Шимон из Херсона, реб Меир-Шломо остался и на эту субботу.

В воскресенье был малый Пурим. После Минхи начался фарбрэнген в доме у бабушки ребецн Ривки, в двенадцать часов прервались на вечернюю молитву, а потом продолжили до утра. На фарбрэнген присутствовал дядя Залман-Арон, и я впервые слышал, как он повторял наизусть маймор «Склони, Г-сподь, ухо Свое и послушай».

Утром отец пошел в микву и там, по-видимому, переохладился, днем у него появился жар. Несколько дней он продержался на ногах, а в пятницу вечером, 19 Адара-І свалился с воспалением легких и пролежал около шести недель в постели.

Из-за болезни он не успел записать маймор «Сделай циц», сказанный им к главе «Тецавэ».

Во время болезни отца, хотя сознание его было ясным, а речь внятной, были дни, когда доктор Богородский и его помощники, врач из Харькова и врач из Витебска, очень за него тревожились и мы вместе с ними.

В понедельник, 22 Адара, в хедер, где я учился, явился реб Мендл, который позвал меламеда реб Нисана к моему отцу. Вернувшийся вскоре учитель сказал, что отец просит, чтобы я, пока он не выздоровеет, был с ним. И почти шесть недель я оставался у постели отца, выслушал много его рассказов. Он вспоминал о том, что видел у дедушки Ребе Шмуэля и у тестя дедушки Йосефа-Иццока, во время пребывания в Любавиче и в Овруче, о своей жизни до и после бар-мицвы. Из каждого рассказа он выводил мораль и наставление относительно Б-гобоязненности и добросердечного поведения.

Зная, как отец постоянно следит за моими занятиями с реб Нисаном, я не мог понять, почему он решил изменить установленный им же распорядок моего дня. Сначала

я подумал, что отец позвал меня, потому что нуждался в моей помощи, но потом увидел, что она ему не нужна.

Реб Нисан каждый день спрашивал меня, о чем говорил со мной отец, и выслушивал мой ответ со слезами на глазах. Меня это удивляло, поскольку то, что я рассказывал, не должно было вызывать слезы.

Лишь много лет спустя я понял, что отец знал, насколько серьезна его болезнь, и спешил передать все, что могло бы научить меня праведности.

Общение с отцом в тот период пробудило во мне особую преданность ему.

Мой любимый меламед объяснил мне, какова значимость рассказов отца. Он говорил со мной не как с одиннадцатилетним мальчиком, а как с женщиной, и мне хотелось им быть.

... С каждым днем отец поправлялся, и наконец 6 Нисана, он вышел из своей комнаты с палочкой в правой руке, а левой держась за меня. В «Великую Субботу» он был вызван к Торе и читал афтору на недельную главу. В этот день отец впервые после его болезни решил проверить мои знания Мишны наизусть. Я хорошо знал тогда трактат «Хала», и мне было велено за три дня до пасхального вечера выучить трактаты «Хала», «Орла» и «Бикурим».

С 18 Нисана, второго дня Хол Амоэд, отец установил обычай каждый день, даже в субботу, изучать со мной книги нравственных поучений «Шаарей тшува» рабейну Йоны, «Харадим», «Орхот цадиким», «Ховот а-левавот», «Рейшис хохма» и т. д.

Отец выбирал темы из книг, которые я должен был учить, и в определенные дни объяснял мне идеи этих тем, часто рассказывал истории на эти темы наших святых отцов, рабеим и старых хасидов.

За два месяца такой учебы в образе моей жизни произошли заметные изменения, что радовало отца и меламеда реб Нисана. Учитель проникся хорошим отношением ко мне и очень меня приближал.

После праздника Швуэс я по указанию отца принялся за изучение «достоинства сокрушенного сердца», учеба продолжалась около трех недель.

В 5651 году отец начал три раза в неделю изучать со мной Танию. Изучали по несколько строчек, в основном рассказы и идеи из Тании.

Как-то отец сказал мне:

– В Мидраше сказано, что во сне душа поднимается наверх и черпает там жизненные силы. Хасиды говорят, что имеется в виду понимание фразы или идеи из Тании.

Он посоветовал мне думать об уроке, который я тогда учил после произнесения благословения перед сном, и засыпать, думая о Тании.

Начало наложения тфилин

В четверг, 10 Тамуза, я встал рано и в одиннадцать часов после молитвы уехал с отцом к святому Оэлю дедушки Ребе Цемаха Цедека и Ребе Шмуэля. Это было в первый раз, когда он взял меня сюда, показал, в каком месте стоять и какой псалом из Тегилим произнести, дал мне написанный его святой рукой «пидьон нефеш» («искупление души»), чтобы я его прочитал, и сказал, что с ним после этого сделать.

В этот же день, 10 Тамуза, когда мы стояли в Оэле, отец благословил меня наложением его святой руки на мою голову. По возвращении домой он разрешил мне закончить пост и попросил никому, даже реб Нисану, не говорить, где мы были.

На следующий день, в пятницу, в семь утра, отец позвал меня в комнату, и, когда я закрыл дверь и приблизился к нему, достал из ящика пару маленьких тфилин.

– Это тфилин моего отца, которые он накладывал утром в «малом чтении Шма», – сказал отец, велел мне накладывать их без благословения и молиться в его комнате.

В этот же день родители привезли меня к бабушке ребецн Ривке для благословения на день рождения. У нас тогда гостила бабушка ребецн Хана, она тоже меня благословила. После них меня благословили отец и мама.

С воскресенья, 13 Тамуза, я каждый день приходил к нему и накладывал тфилин с благословением, шел в синагогу для молитвы в миньяне и потом повторял наизусть Мишну. Отец сказал мне, что об этом никто не должен знать.

В субботу, 12 Тамуза, в день моего рождения, после трапезы отец позвал хасидов реб Ханоха-Генделя, реб Абу, реб Шмуэля-Боруха, реб Меира-Мордехая Чернина на фарбренген и послал слугу реб Мендла за реб Нисаном, чтобы и он пришел. Позднее прибыли шойхет реб Шломо-Хаим, реб Яков-Копл Зеликсон и раввин Довид. Послеобеденную молитву отец произносил с напевом из Симхас Тойро и собрание продолжалось до ночи. Отец много говорил и был в хорошем расположении духа, что всех несколько удивило, но никто не решился спросить, с чем это связано.

Три моих любимых мной человека

В 5651 году передо мной открылся новый мир. Я впервые столкнулся с духовными идеями. Отец начал обучать меня хасидизму Хабада. Я ощутил, что в душе существуют уровни, влияющие на то, чтобы не желать того, чего человек хочет, и желать того, чего он не хочет.

Тогда у меня, кроме родителей, было три самых дорогих, самых любимых человека.

Первый из них – мой учитель реб Нисан. Я полюбил его с первых дней учебы с ним.

Он завоевал мою сущность и простоту моего детского сердца прекрасными объяснениями Геморы, Раши и тойсфейс, доставляющими удовольствие пояснениями слов Агоды, интересом и великим терпением к моим проблемам, радостью и весельем его пылающей души, прекрасным характером и хасидским образом жизни.

Учитель реб Нисан – первый, кто открыл мне глаза на понимание того, что добро и зло в человеке могут присутствовать одновременно, и надо добиваться, чтобы зло стало для тебя отвратительным и ты выбирал бы добро.

Вторым любимым мной человеком был хасид реб Ханох-Гендель из Корениц.

Третьим – хасид реб Меир-Мордехай Чернин из Борисова.

Последним двум я очень благодарен за хорошее влияние, которое они оказали на меня в детстве, когда мне было 7-8 лет.

Помолвка тети Хаи-Мушки

Летом 5651, это было 8 Тамуза, на помолвку моей тети Хаи-Муси собралось много гостей, было большое собрание. Отец говорил об особенностях таланта и способностей «циюр» (к рисованию, образному мышлению и т.д.).

Конечно, в 11 лет я не мог понять все, что говорилось тогда, только слышал отдельные слова, что «циюр» – это талант («хуш» – чувство) и в то же время способности. Помню, дядя Залман-Арон и хасид реб Мордехей-Довид Слоним из Хеврона настаивали на том, что способности и талант далеко не одно и то же, и если рисование – это способность, то оно не талант, а если оно – талант, то не способность.

Отец согласился с тем, что способности и талант – две идеи со своим содержанием, но и тогда «циюр» – это и талант, и способности, так как представление выражается в двух видах – в речи и в письме, «циюр» в речи приходит с помощью чувства, таланта, а «циюр» в письме – от способностей.

Все слушали беседу с большим вниманием. Отец объяснял разницу между талантом и способностями и очень удивил дядю Залмана-Арона, мне никогда раньше не приходилось видеть дядю таким пораженным. Сам я из той беседы мало что понял, но мой учитель реб Нисан и хасиды реб Меир-Мордехай Чернин и реб Шмуэль Мазейкер объяснили мне немного. Летом 5655 отец изложил мне эту идею более подробно, я все понял, и это отложилось в моей памяти.

– Однажды, – рассказывает отец, – я просил своего отца объяснить мне какую-то идею. Он напомнил мне слова Алтер Ребе по поводу спуска души «и оттуда поехала и спустилась», затем рассказал историю царя, который послал своего единственного сына в отдаленное место, к дикарям научить их уму-разуму. Тяжело расставались отец с сыном. Покинувшему отцовский дворец сыну предстояло отказаться от своих привычек, своего окружения – мудрецов, князей и вельмож и оказаться среди дикарей и глупцов, и его душе угрожает опасность. И царь весьма тревожился за сына – не споткнулся бы он, выполнит ли он задание и старался помочь ему.

Однако с течением времени сын царя привык к обычаям глупцов, стал забывать царский дворец и свою прежнюю жизнь. Он уже веселится вместе с дикарями, не вспоминает о своей миссии.

Но неожиданно, без чьего-либо знака, он вспоминает о корнях своих, о своем царском происхождении. Перед ним встает образ отца, открывается ему, кто он сам и с

какой целью послан сюда. Он обещает собственной душе, что не будет больше общаться с глупцами, веселиться вместе с ними, а будет усердствовать в службе, пока не выполнит миссию посланника.

... Отец долго рассказывал мне историю царя и его сына. Мне казалось, что ему хотелось, чтобы его слова проникли в мою душу, чтобы я представил себе, как царь и его сын обнимают друг друга в момент расставания, почувствовал их страдания, муки сына, находящегося среди дикарей.

Еще сегодня я вижу собрание – «зал с лестницей», так называли его в Любавиче. Длинный стол, занимающий всю комнату, и вокруг него люди. Во главе стола стояло кресло, которое никто не занимал, это было место деда, Ребе Шмуэля. С правой стороны стола в кресле, обращенном на восток, сидел отец, напротив него слева лицом на запад расположился дядя Залман-Арон, а я сидел рядом с отцом.

Чтение договора об обязательствах сторон собравшиеся слушали стоя. Читал документ друг нашего дома реб Яков-Мордехай Безпалов из Полтавы. Затем договор положили во главу стола, туда, где стояло пустое кресло, отец и дядя смотрели на кресло глазами, полными слез.

Никогда не забуду как отец рассказывал присутствующим об аудиенции у своего отца. Он встал в полный рост, держась обеими руками за край стола, продолжая смотреть на кресло. Лицо его было белым, только два красных пятна выделялись на его щеках, и слезы падали из его глаз на стол.

Пока отец говорил, все стояли, кроме дяди, который оставался на своем месте и не отрывал глаз от лица своего брата, не переставая плакать, что всех очень удивило.

Закончив свой рассказ, отец поднял стакан с вином и произнес:

– От имени виновника торжества и по указанию говорю «лехаим» невесте и передаю ей святое благословение с уверенностью, что этот договор станет истинным союзом, заключенным на свадьбе в добрый и успешный час на долгие дни и годы, и благословен будет поколением праведных потомков. «Лехаим» виновнику торжества, «лехаим» родителям молодых, «лехаим» друзьям. А теперь давайте танцевать с виновником торжества.

В глазах его все стояли слезы. Дядя Залман-Арон положил руку на плечо отца, и они стали танцевать. Дяде после второго-третьего круга пришлось присесть отдохнуть, а отец с собравшимися продолжали танцевать и танцевали еще долго.

На этом собрании отец и дядя много говорили, это был один из считанных случаев, когда я слышал, как дядя говорит о глубоких, содержательных вещах.

Хасид реб Шмуэль Мазинкер записывал все, что видел и слышал во время пребывания в Любавиче, его книги я читал с его разрешения зимой 5652 года, переписывал все запечатленное им на этом фарбринген.

Тот, кто не знает, не видел, как жили мой отец, хасиды, некоторые жители Любавича, а также его обитатели, не смог бы представить себе, каким был их образ жизни.

Закончив танцевать отец начал свою речь:

– Три вида «циюр», представлений соответствует трем видам одежды души – мысли, речи и действию. «Циюр» силой мысли является наивысшим.

Отец еще долго говорил об этом, а я, конечно, ничего не понимал. Летом 5655 года во время одной из прогулок он пытался объяснить мне эту идею, и в дальнейшем я много раз слышал несколько вариантов ее толкования. Из всего, что мне удалось понять, следовало, что представление мыслью поднимает человека на особую чудесную высоту. Чем больше человек углубляет свой разум в мысленном представлении, тем больше он приближается к представляемому предмету, пока не достигнет полного чувства. И если представляемая идея жизненна, реалистична, то с помощью разума можно ощутить то, что было представлено силой памяти в мысли – в действии и в жизни, так как у представления нет ограничений места и времени, и нет у него деления на части.

Представление в речи – это чувство.

И об этой идее мне в разное время довелось услышать подробные объяснения того, по какой причине представление в речи больше относится к чувствам (таланту), а представление в действиях – к способностям. Но способности и талант дополняют друг друга, не может быть таланта без способности, как и способностей без таланта. Всякий талант раскрывается в действии, которое, в свою очередь, является следствием способностей. Любая способность нуждается в чувстве, таланте. Очевидно, что талант – это духовные силы, потенциал, а способность – проявление этого духовного потенциала, сила, приводящая потенциал в действие. Таким образом, и духовный потенциал, и духовная сила на его реализацию имеют духовную природу, но отличаются друг от друга идеей и образом духовности, местом своего нахождения: талант представления в речи и способность представления в письме.

Отец говорил о силе представления в действии, о том, как вещь описывается в письме, что она должна предстать в виде живой картины во всех ее деталях и идеях.

– У каждой вещи, – подчеркивал отец, – есть мерилло, определяющее ее жизненность, реальность. Жизнь и реальность делают эту вещь истинной. То же по поводу силы «циюр» – и у нее есть мерилло, которое определяет подлинность ее существования, и это реальность. Поскольку существуют три вида представления, установлены и три вида их мерил – представлений в мысли, речи и действии.

Коль скоро мерилло является реальностью, существуют те же три вида жизненности. При этом жизненность представлений в мысли – это то, чем человек живет, в речи – чем посредством речения живет слушающий, в действии – сама вещь жива.



– Будучи за границей, – рассказывает отец, – я видел несколько картин известных художников, подлинных мастеров. Одна картина, очень больших размеров, на которой было изображено сражение, огромное поле и на нем полчища воинов, наводила настоящий ужас. С одной стороны потоки крови и двое людей, жаждущих крови, как дикие звери. По другую сторону – раненые с оторванными ногами и сломанными руками, братья милосердия несут на носилках трех раненых, с ними врач. Вдруг взрывается ядро и разрывает на куски одного из раненых и врача, носилки падают и все, кто был на них, летят в глубокую яму. Среди всего этого скачет всадник на сильном коне, и в них попадает ядро, разрывает человека и лошадь на клочки и разбрасывает вокруг. Тем временем и другой всадник скачет на лошади, в правой руке у него меч, которым он размахивает, а в левой – поводья, рот его открыт – по-видимому, что-то кричит, отдает приказы воюющим, за ним скачут еще несколько всадников. Издалека виднеется отряд всадников, несущихся им навстречу, они еще не сошлись, а уже дым поднимается из окопов между ними.

Эту картину посмотрели тысячи профессионалов, знатоков военного дела, и все, как один, заявили, что она – живая, все в ней как в реальной жизни.

– Рассказывают, – говорит отец, – что известный художник несколько часов рассматривал картину, глубоко вникал в нее и в конце концов потерял сознание. Врач объяснил, что причиной обморока явилась жизненность, реальная сила картины: художник, долго вникающий в происходящее на ней, попал под ее воздействие, он будто сам принял участие в бою и упал в обморок от охватившего его страха.

На другой картине было изображено поле, засеянное зерновыми, одна часть пшеницей, другая – ячменем. Колосья уже поспели, небеса чисты, светит ярко солнце.

По части поля, засеянного ячменем, веет легкий ветерок, и по верхушкам колосьев пробегают как бы волны. На части, отведенной под пшеницу, ветра вовсе не ощущается, колосья неподвижны, на верхушке одного колоска сидит птичка. По краю поля проходит тропинка. В стороне стоит плодовое дерево, на одной из веток которой

уселся черный ворон, под деревом высится муравьиная гора, в нескольких шагах от дерева на солнце греется ящерица.

Когда смотришь на эту картину, кажется, что ты находишься на одном из полей в Щербне, деревне, где жали пшеницу для выпечки мацы.

Так получилось, что картину увидел случайно оказавшийся в музее простой крестьянин. Чуть подумав, он почесал затылок и заявил:

– Трохи (немного) неправда...

Услышав слова крестьянина, его замечание относительно прекрасной картины, творения знаменитого художника, возмущенные работники музея сказали ему с презрением:

– Ты деревенщина, и тебе не дано понять тонкости живописи, как ты можешь говорить подобное о картине, которую написал великий мастер.

Крестьянин же настаивал на своем:

– Все равно неправда.

В это время там проходили высокопоставленный чиновник и с ним группа знатоков и ценителей живописи, пришедших полюбоваться картинами той галереи. Они обратили внимание на работников музея, которые стояли вокруг крестьянина и весело смеялись. Им рассказали о случившемся, и все также от души смеялись над наивностью необразованного человека. Они продолжали смеяться, когда в галерее появилась новая группа посетителей. Эти люди остановились около той самой картины, тот же крестьянин рядом с ними что-то показывает им правой рукой, в левой он держит шляпу, в чем-то их убеждает, и видно, что они согласны с крестьянином. Это заинтересовало высокий чин и группу сопровождающих его знатоков и ценителей. Один из них подумал и сказал:

– По-моему, замечание крестьянина по поводу этой картины вполне справедливое.

Они подошли ближе и услышали, как крестьянин объясняет той новой группе посетителей: поле с ячменем и легкий ветерок, волнующий верхушки колосьев, – все настоящее, как в жизни, и плодовое дерево, и ворон, сидящий на одной из его веток, и ящерица, греющаяся на солнце, – все хорошо, все прекрасно. А вот птичка, балансирующая на стебле пшеницы, – не правдива. Если какое-то время куропатка сидит на стебле, даже если она маленькая и совсем легкая, под весом ее тела стебель должен хотя бы немного согнуться, а на картине колос под птичкой стоит прямо, как и остальные колосья.

Высокий чин и его спутники выслушали слово крестьянина и долго стояли в оцепенении перед чудом способностей и природного таланта самого простого человека.

На третьей картине представлен судебный зал в Риме. Здесь и здания тюрьмы, и камеры, в которой содержатся заключенные, закованные в железные кандалы, судебный зал, места для судей, стойка для подсудимых, здесь прокурор и адвокат, свидетели, народ,

слушающий судебный процесс, среди них родственники обвиняемых, падающие в обморок, слушая речь обвинителя. Там же юноша, он просит судью разрешить ему высказаться, произнести несколько слов в пользу своего отца, которому грозит смертный приговор. Юноша взобрался на стул и распростер руки, правой он указывает на собравшуюся толпу и упорно смотрит на судей, будто хочет сказать:

– Вы должны знать, что за каждое слово, слетевшее с ваших уст, вы понесете ответ перед небесами. Вы должны также прислушаться к мнению присутствующих в здании суда, полагающих, что на моего отца, невиновного в совершении преступления, возведена клевета.

Обвиняемый уронил голову на колени, у адвоката, стоящего с открытым ртом, на лице написана радость, но на глазах его слезы. Обвинитель стоит с гневным выражением лица, глаза его закрыты и весь он обратился в слух. Судьи сидят с раскрытыми ртами, и глаза их полны слез. В зале так тихо, что можно услышать жужжание комара.

– Глядя на эту картину, – говорит отец, – я долго не мог сдвинуться с места. Я нашел кресло, чтобы сидеть в нем до закрытия музея. Три раза я приходил смотреть на картину, которая произвела на меня сильнейшее впечатление.

– Много, очень много, – признается отец, – дала мне картина для службы Всевышнему. Мне в свое время говорил отец, ссылаясь на Баал-Шем-Това, – все, что еврей видит и слышит, – это указание ему на путь службы Всевышнему благословенному.

После подписания договора была трапеза, потом состоялся хасидский фарбренген. Как я уже рассказывал, в моей жизни произошли изменения, теперь меня привлекал любой фарбренген, особенно если на нем присутствовал отец.

На той же встрече один из ее участников дал такое определение хасидизма:

– Это разум, а разум всегда хорош, как перед молитвой, так и во время молитвы, погружение в разум – это замечательно!

Этот человек был знатоком Торы, обладателем больших знаний, глубокий мыслитель с устами, излучавшими алмазы, с добрым сердцем.

Завязалась серьезная беседа, хасиды реб Гершон-Довбер, реб Залман Неймарк из Неверля, реб Аба Парсон и реб Йоэль из Подобранки высказали мысль, что хасидизм заключается прежде всего в «работе» (молитва), каждый из них поведал многое из того, что слышал от старых хасидов.

Реб Гершон-Довбер рассказал о том, что слышал от рабби Илея из Парича и от рабби Ицхока-Айзика из Гомеля, реб Аба Парсон поделился тем, что узнал от отца тестя Велвла Виленкера и его брата реб Мойше Виленкера, реб Йоэль изложил истории, переданные ему реб Пейсахом Маластавкером.

В каждом из рассказов, кроме того, что обсуждались новости Торы хасидизма, которую открыл Алтер Ребе, разница между этим служением и идеей хасидизма, а также

другие важные проблемы, – проглядывалась жизнь и стремления великих мыслителей и великих в служении четырех поколений учения Хабада.

Еще ребенком я обладал способностью «находиться» внутри своей идеи, в каждой вещи, которой жил. Помню, что на том фарбринген, наблюдая присутствующих во всей красоте их лиц и возвышенном, святом расположении духа, говорящих с какой-то медлительностью, мне казалось, что это похоже на то, что уже слышал от меламеда реб Моше-Биньмина: о праведниках, пребывающих в райском саду, наслаждающихся сиянием Шехины.

По прошествии лет я стал осмысливать такие фарбринген, ведь это и есть истинное понимание высказывания мудрецов – «более велико служение ей, Торе, чем изучение».

Алтер Ребе говорил, что велика идея рассказа, если рассказчик точен в описании, подобные истории в буквальном смысле оживляют души.

Отец наслаждался этими рассказами. Между делом «взяли» немного водки и начали пить. Когда фарбринген закончился, он сказал:

– Эту идею, идею того, что «служение» является основным в хасидизме, необходимо понять на основании постижения разумом. Хасидизм – это Б-жественная мудрость, это не только высокий интеллект, но именно Б-жественная мудрость, «величие и великолепие» того, что в разуме. Надразумное, как оно присутствует в разуме, т.е. задача материального мозга ухватить разум, который выше разума, – Б-жественную мудрость.

Однако постижение материальным мозгом Б-жественного разума возможно только с помощью работы, которая в сердце, – молитвой.

Для того, чтобы молитва была истинным служением, требуется подготовка.

Понимания разума, даже наиболее глубокого, но без слез и без пота от исполнения заповеди, недостаточно для того, чтобы служить Всевышнему в молитве.

– Возможно, – говорит отец, – кто-то изучит весьма разумную идею хасидизма и поймет ее хорошо, не только так, что идея будет находиться в нем, а так, что и он будет в ней.

Тогда же отец объяснил выражение из Тании «окружает и окружен», – с этой идеей человек молится красивую вечернюю молитву, проводит «Тикун хацойс», и сон не правит им, так как он погружен в идею, связан с ней и после всей подготовки, миквы и размышления перед молитвой; и сейчас, когда он собирается молиться, он углубляется в удовольствие и наслаждение от разума, который в идее, однако Б-жественность, что в идее, он не чувствует.

Он, знаток Торы хасидизма, знает разницу между ощущением разума и ощущением Б-жественности. Отсутствие ощущения Б-жественности в разумном постижении стоит ему много здоровья, он молит, плачет – и ничего, никакого ощущения Б-жественности.

Перед ним закрыты все двери и ворота, и сверху ему говорят:

– Ты желаешь быть знатоком – будь им, – но света Всевышнего ему не дают.

– Вы понимаете смысл этого? – спрашивает отец собравшихся. – Сверху до него доносится:

– Имеется в виду, что, если хочешь в мудрости своей и в знании своем увидеть лицо Всевышнего, хочешь в разумении почувствовать Б-жественный свет, – уходи отсюда.

– Кто разрешил вам взять Б-жественный разум и топтать его своим грубым материальным, человеческим разумом?

– «Новомесячья ваши и ваши праздники» – новости, которые вы привносите в вашем постижении Торы, делают вас «бодающимися» (игра слов: «моадим» – праздники и «муодим» – животное, нуждающееся в особой охране из-за природы бодаться, вы бодаете один другого, чтобы показать свой интеллект – «ненавидит душа моя», поэтому «даже если умножите молитвы – не буду слушать».

Молитва, работа сердца, нуждается в предварении и в подготовке, в дополнение к подготовке чтения «Шма» перед сном, «тикун хацойс», а также готовность сердца, приходящая через пот исполнения заповеди, через это достигаем «омойтесь и очиститесь».

Омывшись потом и слезами, можно почувствовать Б-жественный свет Б-жественной мудрости хасидизма.

В заключение отец вышел в огненном танце с участниками фарбринген, и все стали как один человек.

НОЕВ ЗАВЕТ В ТОЛКОВАНИИ МИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ КАББАЛЫ

Āi Ā Ad Ōāiēāāēāē

После Всемирного потопа Всевышний установил Союз с Ноем и его сыновьями: «Радугу Мою помещаю Я в облако, и она будет знаком Союза между Мною и между Землею. И будет, когда наведу облако над землею, появится радуга в облаке. И вспомню Я Союз Мой, который между Мною и между вами, и между всяким живым существом во всякой плоти, и вода не сделается более потопом, чтобы губить всякую плоть» (Брейшис, 9:13-15).

Радуга была избрана символом Союза между Б-гом и людьми, знаком Б-жественной Милости, который напоминал бы человеку о его долге перед Создателем.

Но почему именно радуга?

Известно научное объяснение радуги как оптического явления спектрального преломления солнечных лучей в дождевых каплях. Это объяснение пропагандисты атеизма использовали для опровержения «примитивных» и «антинаучных» представлений «библейских авторов». Подвергая критике Книгу, которая является духовным наставником многих поколений, они, как правило, даже не считали нужным ознакомиться с традиционными источниками иудаизма.

Некоторые из комментаторов Торы, в частности, рабби Ниссим Гиронди и Абрабанэль, считают, что до потопа из-за густоты облаков радугу никогда не наблюдали. Непомерная густота паров и осадков на земле сделала потоп физически возможным. Рабби Овадия Сфорно считает, что в результате потопа произошло смещение земной оси, отчего и появилась смена времен года. Вследствие этих радикальных изменений резко сократилась продолжительность жизни человека, исчезли гигантские животные и растения. Современной наукой установлено, что ультрафиолетовые лучи оказывают вредное действие на организмы человека и животных. Они ускоряют старение кожи, могут вызывать рак кожи. До потопа особенно густые облака исключали воздействие солнечных лучей. Этим, возможно, и объясняется, что продолжительность жизни человека достигала многих столетий. Обнаруживаемые скелеты гигантских ящеров, динозавров, свидетельствуют о том, что и животный мир до потопа значительно отличался от нынешнего. После потопа, когда облака стали реже, в них появилась радуга. По мнению комментаторов, радуга явилась символом того, что облака не могут нести миру хаоса и уничтожения.

Так что радуга была избрана в качестве символа Союза между Б-гом и человеком. Следует отметить, что это объяснение было известно на протяжении многих веков только посвященным, поскольку учение каббалы широко не распространялось. Кроме того, само это объяснение требовало значительной подготовки в познании как природы, так и мистики. Однако Священное Писание написано не только для мыслителей, но и для совершенно простых людей, ибо по закону его начинают изучать с детьми уже в пятилетнем возрасте, поэтому необходимо иметь достаточно простое объяснение, понятное даже ребенку.

Мистический смысл радуги нашел свое отражение в Книге пророка Йехезкеля (1:28) «Словно радуга, которая бывает в облаке в день дождя, таково видение сияния кругом – видение подобия Славы Б-жьей». Пророк сравнивает видение Б-жественной Славы с образом радуги. В чем смысл этого сравнения?

Вернемся к рассказу о потопе в Торе. Сказано: «Радугу Мою помещаю Я в облаке...» Почему именно «Мою»?

В Мидраше слово «Кашти» («Моя радуга») истолковывается от корня «экеш» («подобие»). Отсюда Кашти («Моя радуга») – нечто подобное Мне. Но в чем же выражается это подобие?

Написано в Псалмах (81:1): «Солнце и Щит Г-сподь Б-г». Словом «Г-сподь» в библейских переводах, как правило, передается имя Б-га «Авайе», а словом «Б-г» – имя «Элоким», которое указывает на Б-жественный атрибут Суда, Закона, на законы природы. «Солнце, – говорится в Талмуде, – имеет щит, который предохраняет природу от уничтожения солнечными лучами». «Авайе», образно говоря, подобно солнцу, является источником света, Источником Бытия. Но если бы Бесконечный Свет Источника Бытия был осязаем созданиями, не ощущалась бы независимость творения: все существующее было бы лишь продолжением Единого Бытия.

Представим себе мир, в котором нет индивидуального существования вещей. В таком мире не может быть ни личной свободы, ни выбора между добром и злом.

Неограниченный свет, исходящий от «Авайе», будто «уничтожает» все. Зато имя «Элоким», олицетворяющее естественный порядок, законы природы, утаивает свет, исходящий от «Авайе» под оболочкой естественности. Имя «Элоким», правильно переводимое как «Всесильный» или «Всемогущий» и подразумевающее Б-га, как обладателя всеми силами природы, грамматически является также формой множественного числа имени «Элока». Это служит указанием на то, что благодаря преломлению Света Единой Реальности «Авайе» в призме Элоким возможно образование множественности и независимости Бытия.

В свете изложенного можно понять, почему видение Славы Б-жьей в пророчестве Йехезкеля уподоблено явлению радуги. Белый свет солнца обладает способностью разлагаться на множество цветов спектра радуги, преломившись в облаке. Облако является «Щитом», через который проходит свет солнца. Семь цветов радуги олицетворяют семь Сефирот – семь Б-жественных Атрибутов или Семь основных сил, действующих в мире. «Облако» или «Туча» олицетворяет действие имени «Элоким», которое иногда переводится как «судьи» и отражает Б-жественный Суд над преступниками. Конечная цель Б-жественного Суда – не карать преступников, а исправлять их.

Поэтому бывает и помилование, которое предоставляет человеку возможность исправить свой путь. Помилование исходит от «Авайе».

«И будет, когда сгущу Я тучи над землею, покажется радуга в облаке». Согласно толкованию Раши эту фразу следует понимать образно: «Когда сгущу Я тучи над землею», – когда Мой Атрибут Суда будет подсказывать Мне навести на землю тьму и гибель, тогда... «появится радуга в облаке» – Свет «Авайе», свет Милости, пронизывает тучу, Атрибут Суда. «И Я вспомню Союз... вечный Союз между Всесильным и всяким живым существом». Странно то, что Б-г говорит о Себе то в первом лице «Я», то в

третьем «Элоким». Однако и это, как было сказано, становится понятным: напоминание о Союзе (Договоре) между Б-гом и землей требуется только при действии Суда (Элоким), ведь милосердие не карает! Этим объясняется и то, что во всей 9 главе, в которой говорится о Союзе и о знаке радуги, фигурирует только имя «Элоким» и ни разу не употреблено имя «Авайе» как ненужное напоминание о Союзе!

ПОДПИСАНО СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ МИНКУЛЬТОМ И ФЕОР

В Москве 19 июня было подписано соглашение между Министерством культуры и Федерацией еврейских общин России.



Выступая на церемонии подписания соглашения, глава Минкульта Михаил Швыдкой заявил, что соглашение будет служить возрождению духовной жизни российских евреев, укреплению межнациональных отношений, на благо всех народов страны. Министр сообщил, что Министерство культуры имеет соглашения со всеми основными религиозными конфессиями. «Министерство культуры, – отметил г-н Швыдкой, – открыто и плюралистично и должно работать с теми организациями, которые ратуют за духовное возрождение своих народов».

Президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз, в свою очередь, подчеркнул, что «сегодня произошло очень важное событие». По его словам, «у ФЕОР есть большие совместные планы с Министерством культуры». В частности, он указал на совместную подготовку проведения фестиваля еврейских общин.

Присутствовавший на церемонии подписания соглашения главный раввин России Берл Лазар заявил, что «для возрождения еврейской духовной жизни сейчас нужно сделать то, чего не было сделано за последние 80 лет. У людей появляется интерес к своим корням, истории и культуре». Раввин поблагодарил руководство Минкульта, все российские власти за помощь в возрождении духовной еврейской жизни в России.

Соглашение, подписанное сроком на 5 лет, ставит своей целью установление культурно-исторической преемственности жизни еврейского народа в России и осознание значимости «еврейской духовной культуры». В частности, предусматривается проведение совместных мероприятий, посвященных памятным событиям в истории еврейского народа, взаимных действий по созданию системы охраны памятников культового характера, а также книжных фондов, принадлежащих еврейским религиозным общинам.

Будет создана научно-методическая комиссия для наблюдения за качеством реставрации памятников еврейской религиозной культуры, а также осуществлена

передача религиозным еврейским организациям движимых и недвижимых памятников иудаизма в собственность или в пользование.

ДЕА «Іаіно»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

В Белоруссии открылся мемориал жертвам Холокоста



В Минске 10 июля на месте, где располагалось самое крупное в Восточной Европе еврейское гетто (в народе оно получило название «яма») и где 2 марта 1942 года нацисты уничтожили около 5 тысяч узников концлагерей, был установлен памятник. В 1947 году на этом месте был установлен обелиск. В Белоруссии, потерявшей за годы войны четверть населения, фашисты уничтожили более 800 тысяч евреев.

Мемориал жертвам Холокоста создавался в течение восьми лет. В работе над ним принял участие коллектив архитекторов под руководством известного скульптора Леонида Левина, соавтора мемориала «Хатынь», президента еврейских общин Белоруссии. Модель памятника исполнили 83-летняя израильская художница Эльза Полак и минский скульптор Александр Финский.

На открытии памятника присутствовал президент республики Беларусь Александр Лукашенко. Он, в частности, заявил, что общество не вправе забывать о зверствах нацистов над еврейским народом, трагедия которого не останется бесследной в истории Белоруссии. «Мемориал свидетельствует о глубоком уважении к еврейскому народу», – отметил президент республики и призвал политиков не разделять народ на белорусов, евреев и русских.

Послание белорусскому народу, в котором высказывается глубокая благодарность за открытие памятника, прислал президент Израиля. В этом событии израильский президент видит связующее звено между белорусским и еврейским народами.



На церемонию открытия памятника прибыли делегации из нескольких стран мира. Глава российской делегации главный раввин России Берл Лазар сказал, что открытие памятника-мемориала свидетельствует о возрождении еврейской культуры и о внимании белорусского руководства к еврейскому вопросу. Это событие в Минске, по словам Берла Лазара, – свидетельство сохранения традиций и преемственности поколений.

Главный раввин России с удовлетворением отметил, что в Белоруссии, где, как известно, существовало много вопросов с еврейством, сегодня руководство страны повернулось лицом к еврейскому народу.

Во время своего пребывания в Минске Берл Лазар встретился с премьер-министром страны Владимиром Ермошиным. На встрече были обсуждены вопросы развития еврейства в Белоруссии. В частности, в ближайшее время в республике будет построена еврейская школа, одна из самых больших на территории России и Белоруссии. В Минске намечено произвести реконструкцию синагоги. В ходе беседы главного раввина России и премьер-министра Республики Беларусь было принято решение и об активизации деятельности еврейских общин в других белорусских городах.

יְאֹד עִיּוּבָא "וֹבֵא"

ПО СЛЕДАМ АКТА ВАНДАЛИЗМА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ БЕРЛ ЛАЗАР ВРУЧИЛ ДЕНЕЖНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ 15 НИЖЕГОРОДСКИМ МИЛИЦИОНЕРАМ, ЗАДЕРЖАВШИМ ВАНДАЛОВ, КОТОРЫЕ ОСКВЕРНИЛИ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ



12 июля главный раввин России Берл Лазар вручил денежное вознаграждение 15 нижегородским милиционерам, участвовавшим в раскрытии преступления, совершенного на еврейском участке кладбища «Красная этна». Напомним, что в ночь с 4-го на 5-е июня здесь был совершен акт вандализма – разрушено и изуродовано 37 надгробий.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ГУВД Нижегородской области были установлены 8 подозреваемых школьников, которые полностью признали причастность к случившемуся. Главный раввин России выразил благодарность всем сотрудникам милиции, принимавшим участие в раскрытии преступления.

דעא «גאן ישראעל»

ЛАГЕРЬ «ГАН ИСРОЭЛ» В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

В пригороде Екатеринбурга в живописной местности среди соснового бора на берегу большого водоема в июне 2000 года был организован большой оздоровительный лагерь для еврейских детей «Ган Исроэл». Инициатором этого мероприятия явилась екатеринбургская синагога, существующая три года.



150 детей жили в благоустроенном корпусе, в котором круглосуточно дежурила охрана и постоянно находился детский врач.

Дети получали четырехразовое kosher питание, ежедневно тщательно составленное меню включало фрукты, овощи, молочные продукты, яйца, мясные и рыбные блюда, выпечку. Дети научились произносить благословение – броху на каждое кушанье.

Программу отдыха разрабатывали вожатые – педагоги, местные и приглашенные из Израиля.

В день приезда ребята получили в качестве подарка оранжевые футболки и черные бейсболки. В этой нарядной форме они запечатлены на групповой фотографии.

Прекрасная солнечная погода позволяла проводить утреннюю зарядку на свежем воздухе, купаться в пруду под руководством и наблюдением врача.

Увлекательно и разнообразно проходил отдых в лагере. Каждый день менялась тема игр, в процессе которых познавались еврейские традиции.

Дети внимательно слушали истории из жизни нашего народа, рассказы о святой Торе, о еврейских праздниках, которые тут же «проигрывались». Их интересовала жизнь евреев в диаспоре, особенности их быта. Желающие могли узнать дату своего рождения по еврейскому календарю. Отряды, по которым были распределены ребята, имели свои названия по еврейским праздникам: Ханука, Пейсах, Рош а-Шона, Ту Бишват, Лаг Баомер. Каждый отряд имел свою песню. С детьми разучивали еврейские песни и танцы, проводили конкурсы на лучшее их исполнение.

Торжественно, с зажиганием свечей в лагере встречали Субботу, девочки научились выпекать халы к субботнему столу. Проводив Субботу, поздним вечером зажигали костер, пели еврейские песни.



В последний вечер пребывания в лагере состоялся концерт самодеятельности, лучшим исполнителям вручали подарки.

Домой дети повезли свои поделки: менору, копилку для цдоки, мезузу, подсвечники, лучшие из них были отмечены призами.

Довольные, окрепшие и загоревшие, возвращались ребята домой в автобусах, которые без остановок на светофорах, в сопровождении машин ГИБДД мчались в Екатеринбург. А из окон автобусов звучали песни на иврите и на русском языке.

Спонсором организации чудесного отдыха явилась Федерация еврейских общин России.

Родители детей, побывавших в лагере, выражают большую благодарность спонсорам, а также раввину Зелигу Ашкенази и его супруге Хане, директору лагеря и вожатым за подвижнические усилия по организации летнего отдыха и оздоровления детей.

После отъезда детей в лагере состоялся молодежный семинар, организованный центром по работе с молодежью при синагоге под руководством Юлии Крапивнер. Участники семинара, 100 человек, слушали сообщения о еврейской культуре и традициях, познакомились и общались между собой, просто отдыхали.

БЕЗ «БРИС МИЛЫ» НЕТ ВОЗРОЖДЕНИЯ...

Так уж сложилось, что при Общинном центре в городе Волгограде собираются ребята, которых интересуют еврейская традиция и религия. Для многих из них путь к своим корням, истокам, начался с брис милы. На этот раз обряд обрезания решили провести еще два юных еврея. На общем совете было решено отвезти их в Москву, где для этого созданы все необходимые условия. И вот группа из восьми человек во главе с раввином Залманом, набрав кошерной еды, собралась на автовокзале. Родители и сестры, не усидев дома, пришли проводить ребят, пожелать им счастливого пути.



Как только автобус выехал за черту города, все дружно прочли дорожную молитву, а расположившись поудобнее, запели еврейские песни. И только глубокой ночью усталость одолела мальчиков. На следующий день все были уже в Москве, еще немного и вот синагога на Большой Бронной.

Моэл был, как всегда, строг и немногословен. Почти все ребята из нашей группы были уже знакомы с ним, так как ранее исполнили одну из важнейших заповедей – прошли у него обряд обрезания. Теперь через это пройдут еще двое. Все произошло быстро, и вот уже раздается радостное “Мазл Тов”, а гордые мальчики получают еврейские имена. Ночь была необыкновенной, так как никогда еще нам не приходилось ночевать в синагоге. Чтобы успеть на миньян в синагогу “Марьиная роща”, встали пораньше. Кто мог, пошел окунуться в микву. Обрезанные мальчики чувствовали себя великолепно, и веселая компания быстро добралась до места.



Там к чтению свитка Торы были вызваны главные герои этого путешествия. К ним обращались по еврейским именам, что им необыкновенно нравилось. Незабываемое впечатление наши волгоградцы получили от встречи с главным раввином России Берлом Лазаром. После теплых поздравлений и благословений, раввин задал несколько вопросов из Мишны. Но наших застать врасплох оказалось просто невозможно, их ответы были ясными и точными. Уезжали уже не в полном составе. Один из заключивших Союз с Всевышним решил остаться на семинаре, который проводила ешива “Томхей Тмимим”. Возвращались мы поездом и всю дорогу учили Мишну, а также слушали хасидские истории (майсы) – ведь это так интересно! И всем нам было ясно – эта поездка останется яркой и незабываемой страницей в нашей жизни.

וְיָשׁוּבָה אֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

ЛЕТНИЙ СЕМЕЙНЫЙ ЛАГЕРЬ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

С 12 июня по 26 июня 50 человек из владивостокской общины отдыхали в летнем семейном лагере, оздоровительном центре «Ритм».



Программа пребывания в лагере была разнообразной и увлекательной.

Утро начиналось с зарядки. Под известную мелодию «Кан» на утреннюю гимнастику выходили стар и млад. Собирались на живописном берегу моря или в просторном холле (в зависимости от погоды) лагерного корпуса и проводили занятия по плану.

Необычно, оригинально прошел День знакомств в виде игры «Я ищу друга» в ходе которой участники узнали много интересного друг о друге. Полезными и запоминающимися явились уроки игры «Вы говорите на иврите?» (ведущая Саша Зейгерт), и «Еврейская семья» (Инна Аксенова).

После занятий по ознакомлению с еврейской символикой каждой семье было предложено вылепить из пластилина понравившийся ей символ. На выставке поделок из пластилина, организованной в холле, можно было увидеть «Мезузу», «Менору», «Свиток Торы», «Звезду Давида» и многое другое. В теплой душевной атмосфере проходили вечера в музыкальной гостиной. Хозяйка гостиной Ольга Суховецкая разучивала и пела с нами еврейские песни: «Шолом Алейхем», «Осе Шалом», «Кол а-олам куло», и другие.

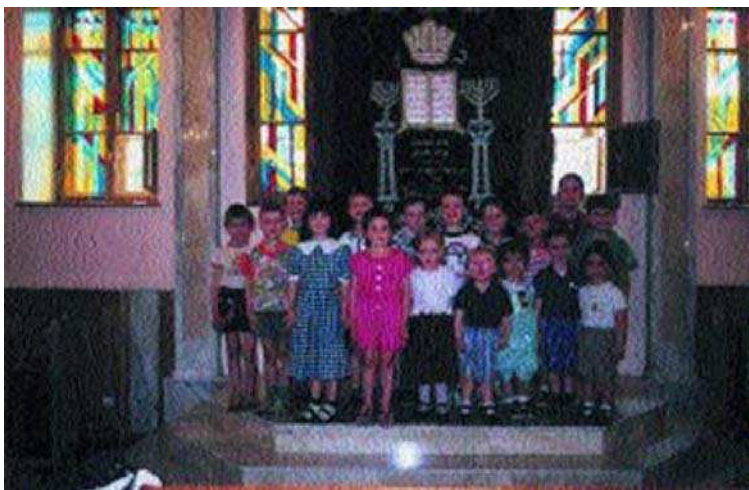
С энтузиазмом все готовились к встрече Субботы. Был проведен праздник с соблюдением всех необходимых традиций и обычаев. Дети поставили небольшой спектакль «Субботний рецепт».

Многие из отдыхающих в лагере впервые прикоснулись к истории и традициям еврейского народа. Они очень охотно и увлеченно участвовали во всех мероприятиях, будь то футбол или час еврейского рассказа, вечерний костер на берегу моря или беседы о кашрусе. Большинство ребят решили, что непременно будут посещать Общинный центр, эстетическую студию и воскресную школу при центре.

עֵינֵינוּ אֵינֵינוּ

ШВУЭС В ДОНЕЦКЕ

В этот день все, взрослые и дети, старые и молодые пришли в донецкую синагогу слушать чтение десяти заповедей. Пришли те, кто бывает здесь постоянно, и те, кто приходит сюда изредка, и те, кто появляется раз в год на Швуэс послушать Десять заповедей.



Слушая праздничные молитвы, глядя на свиток Торы, кто-то задумался о прошлом, кто-то изменил планы на будущее. Даже дети, которых в этот день было немало, даже младенцы на руках у матерей притихли, слушая заповеди.

Однако притихли детишки ненадолго. Через некоторое время веселой ватагой они бросились в свой клуб «Цивос Гашем», где продолжили праздновать Швуэса. Ведь именно благодаря детям, которые являются гарантами соблюдения законов Торы, Б-г даровал нашему народу великую Книгу. И поэтому для них сегодня была особая программа – конкурсы и призы, песни и игры, веселая возня и вкусное молочное угощение.

Угощение, к слову сказать, досталось в этот день не только детворе. Молочное изобилие – кефир и ряженку, сметану, йогурты и просто молоко – получили взрослые, которые после молитвы собрались на праздничную трапезу. Было весело и вкусно.

Собственно, празднование Швуэса началось на день раньше, когда в синагогу на утренник пришли дети из общеобразовательной национальной еврейской школы №99 и детского сада. Они слушали рассказы о даровании Торы, отвечали на вопросы по еврейской традиции, пели и танцевали, угощались полученными за хорошие знания конфетами. А в заключение все сфотографировались у арон а-койдеша.

Éáÿ Áëàç

«ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВАЯ, ПОТОМУ ЧТО Я – ЕВРЕЙКА!»

Песенку с этими словами распевали девочки, отдыхающие в чудесном уголке близ города Истры, одном из благословенных мест Подмосковья, лагере «Ган Исроэл». Лагерь существует в России более десяти лет, а три года назад он наконец обрел свой дом. Ярко-синее небо, ослепительное солнце, зеленые лужайки, кошерное питание – все это создает условия для полноценного детского отдыха. Но самое ценное, чем славится «Ган Исроэл» – это духовная атмосфера, которая в нем царит. Только здесь многие воспитанники впервые осознают, что они – евреи, здесь приобщаются к еврейской традиции. Возвращение к своим корням особенно важно для молодого поколения: за семьдесят лет тоталитарного режима были практически полностью утрачены духовные ценности еврейского народа. Ассимиляция стала самым страшным врагом, способным истребить евреев руками самих евреев.

Такие лагеря были организованы сорок с лишним лет назад по инициативе Любавичского Ребе и получили при своем рождении название «Ган Исроэл» («Сад Израиля»). Ребе считал, что для настоящего еврейского воспитания недостаточно нескольких часов занятий в день. Лучше, если дети будут проводить вместе как можно больше времени, молиться, заниматься, есть, отдыхать вместе. Идеи «Садов Израиля» воплощены в жизнь в современном истринском лагере.



Девять мер красоты

В беседе с Ханой Лазар, директором смены в лагере «Ган Исроэл», часто повторялась цифра «девять». Оказалось, что эта молодая женщина – мать девятерых детей, причем старшей девочке исполнилось девять лет, а самой маленькой – девять недель. Мы разговаривали, а ребяташки непринужденно разъезжали на велосипедах, бегали по траве, играли в песочнице, катались на качелях. Все это усиливало ощущение домашнего тепла, создавало атмосферу добра и спокойствия.

– В эту смену в лагере отдыхают девочки от 7 до 15 лет, – рассказывает Хана. – они попали сюда по объявлению. В основном это дети из обычных московских школ, естественно, еврейские дети. Проект финансируют спонсоры, поэтому родители платят чисто символическую сумму. После девочек сюда приедут мальчики. За первые три недели в лагере отдохнули двести человек, с ними занимались 25 вожатых-мадрихов. Так сложилось, что мадрихов мы приглашаем из-за рубежа – из США, Австралии и даже Южной Африки. К сожалению, в России пока нет специалистов, которые могли бы воспитывать наших детей в духе еврейской традиции. Свои кадры педагогов мы готовим в махоне «Хая-Мушка», педагогическом колледже с отделениями в Москве и Днепропетровске. Так что скоро с девочками будут заниматься и российские воспитатели. Уже сейчас в лагере работают две студентки из этого колледжа.

Большинство мадрихов говорят только на английском языке. И что интересно – это не только не создает проблем в общении с детьми, но играет положительную роль: после смены дети приезжают домой с приличным багажом английских слов. Более того, девочкам нравится общаться с вожатыми-иностранками, для них это что-то новое, необычное.

Раздельный отдых детей отвечает требованиям еврейской традиции, согласно которым воспитанники и воспитанницы не должны общаться, пока не придет время создавать семью.

Впрочем, скучать из-за отсутствия мальчиков или по родительскому дому обитательницам «Ган Исроэл» просто некогда, каждый из 22 дней в лагере заполнен до предела. Они знакомятся с еврейскими праздниками и обычаями, постигают заповеди, прикасаются к еврейской истории. В день моего визита в лагерь темой дня была «Скромность еврейской девушки»: что такое еврейская девочка – это не только скромно одеваться, но и обладать внутренней культурой, соблюдать заповеди, данные Б-гом именно женщине. Обо всем этом в игровой форме вожатые рассказывают детям. Излишне объяснять, почему в наше время разгула вседозволенности и потока псевдоинформации с экранов кино и телевидения нашим девочкам необходимы такие беседы.

В распорядок дня входит молитва, изучение иврита, посещение бассейна и многое другое. А накануне моего приезда в лагерь девочек возили в Москву, где они катались на теплоходе и смотрели цирковое шоу с медведями, акробатами и клоунами. Лучше о своем отдыхе расскажут сами дети.



Самый лучший день?

Все три недели!

Так ответила на вопрос о наиболее ярком впечатлении трехнедельного отдыха 12-летняя девочка Лайма. Она неплохо знает английский, и часто ей приходится «работать» переводчиком. Она в лагере второй раз, через несколько дней сюда приедет ее брат. Лайма рассказала, как в цирке «На Цветном бульваре» акробаты ловко передвигались на палках, а медведи катались на роликах. Сама она очень любит плавать и не возражала бы, чтобы занятий спортом было еще больше.

Ее подруга Рути в лагере впервые. Поначалу ей все казалось непривычным, но потом стало так интересно, что она хотела бы и в будущем году сюда приехать. Рути любит природу, поэтому ей особенно понравились прогулки по лесу, поездка на теплоходе. На палубе теплохода вожатые проводили с девочками занятия, отдаленно напоминающие советские кружки «Умелые руки». Юных любительниц украшений научили плести «фенечки» – яркие браслетики из гибких цветных проволочек.

А для тех, кто постарше, одним из самых ярких впечатлений прошедшей смены стало представление о еврейской свадьбе. Девочки подготовили мини-спектакль: одна из них переоделась в жениха, другая – в невесту. Все было, как обычно на еврейской свадьбе, хупе.

13-летняя Женя заявила со всей решительностью: «Тем, кто не был в этом лагере, советую приехать сюда обязательно! Здесь учат многому интересному, знакомят с еврейской историей, здесь добры и внимательны к детям». В ее семье соблюдают традиции, зажигают субботние свечи, отмечают еврейские праздники. В планах Жени – возвращение на свою историческую родину, учеба в Израиле.

Еще один важный аспект лагерного общения: девочки находят в лагере новых подруг, и связь с ними не обрывается с окончанием смены – подружки переписываются, поддерживают отношения и после летнего отдыха. В этом им помогает и руководство Федерации еврейских общин России. Для тех, кто отдыхал летом в «Ган Исроэл», зимой устраивают встречи субботы, приглашают отметить вместе еврейские праздники.

Таня второй год посещает воскресную еврейскую школу. Было время, когда девочка боялась сказать, что она – еврейка. А сейчас она не только не стесняется своей национальности, но и гордится ею. У Тани есть и еврейские, и русские подружки. Оказалось, что русским девочкам интересно, как евреи отмечают свои праздники, как встречают Субботу, и обо всем этом Таня им охотно рассказывает.

Любе тоже будет о чем рассказать маме и подругам. Хотя бы о том, как она и еще несколько девочек привязали к воздушным шарикам свои заповеди и отпустили шарики в небо. Каждая написала свою мицву: «Соблюдай Субботу», «Измени мир к лучшему», «Давай цдоку». «Этими заповедями мы на один шаг приближаем приход Мошиаха» – считает Люба.

Отдыхая и занимаясь в лагере, девочки «зарабатывают» себе баллы – бусинки. Отличившиеся в занятиях в конце смены обменивают бусинки на призы-подарки: сувениры, книжки, мягкие игрушки. Эти подарки они сохраняют как память о пребывании в «Саду Израиля».

На вечере памяти Ребе девочки написали письма, которые вожатые из США отвезут на его могилу.

Не могу не упомянуть о самых маленьких 7-8-летних обитательницах «Ган Исроэл», веселых, жизнерадостных, без следа тоски по дому и маме на лицах.

Сонечка, ей всего семь лет, освоила водные просторы лагерного бассейна для взрослых, прыжки в воду с небольшой вышки. Она отважилась рассказать мне в присутствии всей группы страшилку из тех, которыми обычно перед сном пугает друг друга малышня. Но страшилка оказалась совсем не страшная, и все дружно смеялись.

Ева окончила первый класс престижной московской школы для будущих гениев-математиков. Она и в лагере времени даром не теряла, очень серьезно учила иврит. Маленькая Мария по достоинству оценила местную кухню, особенно ей пришлось по вкусу блюда субботних трапез.



В будущем году – в «Ган Исроэл»!

Голда Клейнберг, которая с Ханой Лазар руководит сменой девочек, выросла в нерелигиозной семье. Будучи студенткой Киевского педагогического института, она в 1991 году участвовала в работе семинара, организованного «Хабад-Любавич», Программа семинара для 300 студенток практически не отличалась от той, по которой сегодня занимаются девочки в «Ган-Исроэл». В 19 лет началась ее жизнь настоящей еврейской женщины. Родители Голды были против ее нового мировоззрения, но со временем поняли, что дочь выбрала правильный путь. Девушка вышла замуж, уехала в Америку, а потом по благословию Любавичского Ребе вернулась в Россию, чтобы возродить еврейскую жизнь.

– Мы постоянно совершенствуем нашу программу, – рассказала Голда. – В этом году мы впервые создали клуб «Бас-мицва», где 11-летних девочек готовят к совершеннолетию. Клуб будет работать весь год. К будущему летнему сезону мы собираемся отремонтировать еще одно здание, так что в следующем году сможем принять в лагерь 350–400 девочек. А начинали десять лет назад с группы в 45 человек!

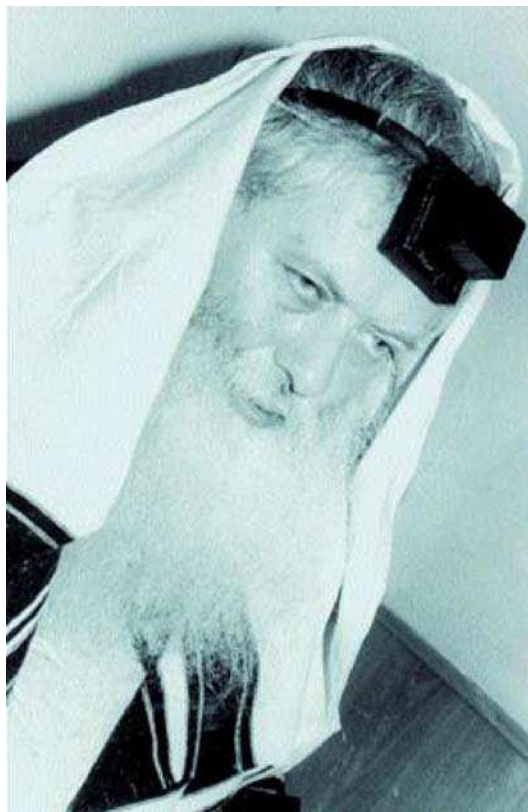
...Скоро хозяевами в «Ган Исроэл» станут мальчики. Из опыта прошлых лет известно, что за смену несколько десятков мальчиков изъявляют желание сделать обрезание, конечно, с согласия родителей. Брис-милу выполняет опытный профессиональный моэль.

А уезжала я из «Сада Израиля», напевая песенку «Очень счастливая, потому что я – еврейка». До встречи в будущем году в «Ган Исроэл»!

Éàdèrā Ōī éàdī

ЗЕЕВ ВАГНЕР – МОСКОВСКИЙ ЕВРЕЙ

Израильский гражданин и российский академик



Зеев Вагнер – один из пионеров еврейского религиозного движения в России в 70-е годы. Участвовал в издании самиздатского журнала «Гарбут», одной из задач которого было религиозное просвещение.

С 1976 года в Израиле. Основал ешиву. Редактировал религиозно-философский журнал «Возрождение». сотрудничал в «Шамире» – ведущем издательстве, издающем религиозную литературу на русском языке. С 1989 года, с момента, когда это стало возможно, много времени проводит в Москве, где руководит рядом религиозных и культурных проектов. Зеев Вагнер – президент научного фонда «Еврейская энциклопедия», заместитель главного редактора «Российской Еврейской Энциклопедии», иностранный член Российской академии естественных наук.

– Господин Вагнер, вы ведь, насколько я знаю, коренной москвич?

– Да, я родился в Москве, прожил здесь значительную часть жизни, уехал отсюда, когда мне было 25 лет. Да и уже будучи израильтянином, провожу здесь достаточно много времени.

– У вас были проблемы в школе?

– Как вам сказать. Я был единственный еврей и, кажется, единственный ученик из интеллигентной семьи на всю школу. Да еще заикался. Так что сами понимаете...

– **Родителям жаловались?**

– Никогда. Свои проблемы я решал самостоятельно. А вот на меня жаловались. Однажды я рассказал девочке-однокласснице такой стишок, даже не стишок, а скорее уж, считалку:

Ты – картина, я портрет.

Ты – скотина, а я нет.

Я вовсе не хотел ее обидеть, просто мне понравилась эта считалка, Она показалась мне ужасно смешной. И то, что девочка обиделась, и то, что затем произошло, было для меня полной неожиданностью. Девочка пожаловалась учительнице, а та написала родителям совершенно нелепую записку, в которой было сказано, что я «надругался над честью русской девочки». Сейчас мне, конечно, смешно, а тогда было не очень.

– **Ну и что родители?**

– Мама пошла в школу и спросила, при чем тут национальность!

– **А учительница?**

– Согласилась с мамой. И даже как-то так потом не впрямую сказала мне, что была не права.

– **Это уже представляется совершенно неправдоподобным.**

– Тем не менее.

– **Значит, обсуждали только национальную составляющую. А надругательство над девичьей честью?**

– А вот это не запомнилось.

– **На каком языке говорили с вами в детстве родители?**

– Со мной и с сестрой по-русски, а между собой на идише. А когда приходили родственники, тоже на идише. Наши родственники жили на Соколе, с давних пор это был еврейский район. Я прекрасно помню стоявшие там одноэтажные деревянные дома. В 50-е и даже 60-е годы на улицах еще можно было услышать еврейскую речь. Мои двоюродные братья знали идиш, и я им очень завидовал.

– **Когда вы впервые попали в синагогу?**

– Совсем маленьким, на руках у папы.

– **Ваш отец ходил в синагогу по субботам?**

– Вы забываете, что до 1967 года суббота была рабочим днем. Напомню вам старый анекдот. Армянское радио спрашивают: «Какой подарок сделала советская власть евреям ко дню 50-летия революции?» Армянское радио отвечает: «Подарила субботу». Так что до 67-го года ходить в синагогу в субботу было весьма затруднительно. А чтобы иметь возможность молиться в синагоге по праздникам, мой отец обычно брал больничный лист. Кстати, когда я вырос и у меня возникла та же проблема, я решал ее так же, как и отец. У меня перед глазами был очень позитивный пример. Благодаря отцу я знал все еврейские праздники, посещал синагогу. Между прочим, она была в те времена по праздникам переполнена: и большой, и малый зал, и еще на улице сколько народу было.

– Что ж, сколько народа уехало.

– Дело не только в этом. Вот смотрите, кто ходил в синагогу, скажем, в 60-м году? Главным образом, пенсионеры. Когда работали, они боялись – на пенсии они уже могли себе это позволить. Это были люди 1900 года рождения и старше. Синагога – мир их детства, и советская жизнь не могла до конца из них это вытравить. Теперь возьмем тех, кто выходит на пенсию в этом году. Они родились в 40-м. Советское поколение. Синагога для них – совершенно чужой мир.

– Кроме тех, кто учился в последние годы.

– Такие люди есть. Но, во-первых, их мало, а во-вторых, они уезжают. Во времена моего детства и юности уехать было практически невозможно, а знающих людей было много.

– В еврейский мир вас ввел отец?

– Он был главным моим источником религиозных знаний, а сионистские уроки мне преподавал мой дядя. Он был давнишний и убежденный сионист – вот только выбраться из СССР у него никакой возможности не было. Я любил с ним беседовать, он много знал, у него была хорошая по тем временам еврейская библиотека, и я мог ею пользоваться.

– Когда вы включились в еврейское движение?

– Еще в школьные годы. У нас была хорошая еврейская компания. Мы писали листовки и распространяли их около синагоги.

– Какого содержания?

– Объясняли смысл праздников. Или вот, помню, была листовка с фрагментом из «Декларации прав человека» о том, что каждый человек имеет право жить там, где он хочет.

– А кроме листовок?

– Сионистские песни сочиняли и пели. Очень приятно было услышать их потом по «Голосу Израиля».

– При такой жизни как вам удалось избежать знакомства с КГБ? Не может быть, чтобы никто не стукнул.

– Ну, конечно, этого избежать не удалось. Они заслали к нам информатора, и он регулярно стучал. Естественно, у нас возникли проблемы.

– И как они разрешились?

– Исключением из комсомола и института.

– Могло быть и хуже. А потом?

– Потом много чего было. Я стал учить иврит. Алфавиту меня научил отец. Дальше я пытался заниматься по самоучителю, но скоро понял, что это невозможно; в конце концов я попал в одну из групп и стал заниматься систематически и помногу. Разумеется, тогда это было нелегально. У меня на квартире был организован семинар по изучению Торы.

– Вы знаете, что это упоминается в Краткой еврейской энциклопедии?

– Да, в статье «Советский Союз». Но ведь это был далеко не единственный семинар. Я занимался еще у Димы Каждана – он сейчас профессор математики в Бостоне, там уже был совсем другой уровень, там изучали Талмуд и философию хасидизма. Вообще было такое бурное и веселое время, общественная жизнь кипела. А ведь я работал, и дочь у меня родилась.

– Вы ведь издавали журнал?

– Да, «Тарбут». В переводе на русский «Культура». Мы занимались национальным просвещением. Уровень знаний о еврейской истории, культуре, религии – он и сейчас-то, при нынешней свободе, при нынешних возможностях, не слишком высок, а тогда вовсе был крайне низок. Люди вообще ничего не знали, но хотели знать. Кроме того, журнал способствовал национальному самоуважению, в чем люди очень нуждались. Я редактировал журнал, писал статьи, причем не только в «Тарбут», но и в журнал «Евреи в СССР» – был и такой. Кстати, там была опубликована моя статья «Евреи в Москве. Хронология с XV века до наших дней».

– Вы не боялись заниматься вещами, за которые можно было вполне оказаться в лагере?

– Знаете, абсолютно бесстрашными бывают только сумасшедшие. Конечно, бывало страшно. Ну так что? Это нормально. Человек преодолевает страх и делает то, что положено. Во время Ливанской войны я об этом часто размышлял. Впрочем, к опасности, как и ко всему прочему, привыкаешь.

– А в каком качестве вы принимали участие в Ливанской войне?

– Солдатом.

– Иудаизм накладывает на жизнь «соблюдающего» еврея специфические ограничения. Вы же ходили на советскую службу, и это не могло не бросаться в глаза. Как на все это смотрели русские люди?

– Естественно, по разному. На работе у меня возникали забавные проблемы в связи с тем, что я постоянно носил головной убор, предпочитал дармовому некошерному

коньяку магазинную водку (на кондитерской фабрике, где я работал, водился коньячок), не ходил на субботники, зимой под разными предложениями по пятницам исчезал с работы засветло, а по праздникам «заболевал».

Помню, как все были поражены, когда я предпочел три дня работать на овощной базе вместо того, чтобы два часа в субботу помахать метлой, сметая листья на бульваре. Овощную базу потом отменили, и я неожиданно остался в выигрыше.

Из-за субботника меня в конце концов выгнали с работы. Эта история всеми обсуждалась, и я стал своего рода знаменитостью. Однажды на фабричном дворе ко мне подошла пожилая русская женщина, что называется из простых. Евреи – неевреи, соблюдение Субботы – от нее все это было бесконечно далеко. И вот она ко мне подошла и сказала неожиданные теплые слова, которые я помню до сих пор: «Мы знаем, что тебя за субботу выгоняют. Держись, сынок!»

Ī ēōāēē Āīōāēēē

БЕРЛ ЛАЗАР:

«НАДО СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ, ПРИ КОТОРЫХ ЕВРЕИ НЕ СТРЕМИЛИСЬ БЫ УЕЗЖАТЬ ИЗ РОССИИ...»

На съезде еврейских религиозных общин, состоявшемся в Москве 12–13 июня, главным раввином России был избран выдвинутый Федерацией еврейских общин России (ФЕОР) р. Берл Лазар.

Вскоре после съезда именно с ФЕОР подписало соглашение о сотрудничестве Министерство культуры РФ.

Могут ли власти считать ФЕОР авторитетным собеседником, представляющим большинство российских евреев? Чего намерена добиваться от властей эта организация, и что она, в свою очередь, предлагает? Что собой представляет новый главный раввин России? С этими вопросами корреспондент РИА «Новости» обратился к раввину Берлу Лазару.



– Некоторые ваши оппоненты считают, что любавичский хасидизм, которого вы придерживаетесь, – не традиционное для России направление иудаизма.

– Этот аргумент не выдерживает критики. Хасидизм – самое распространенное течение в восточноевропейском иудаизме. Зародилось оно в XVIII веке в Украине, в Подолье, где жил его основатель рабби Исроэл Баал-Шем-Тов, или, как его называли, Бешт. Через многочисленных учеников Бешта идеи хасидизма распространились во всех странах Восточной Европы, в том числе в России. Центром хасидов стало местечко Любавич, расположенное в сотне километров от Смоленска. Любавичский центр был одним из самых авторитетных, и именно в России, в западных и особенно юго-западных губерниях, это течение укоренилось и получило значительное развитие.

Как после революции 1917 года относилась советская власть к верующим, и к евреям в частности, объяснять не надо. Кампания травли завершилась тем, что в 20-е годы духовный глава хасидов рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон вынужден был эмигрировать. Центр любавичских хасидов находится сейчас в Нью-Йорке, но разве это может служить основанием для того, чтобы считать хасидизм чуждым для России религиозным

течением? Связи между нью-йоркским центром и российскими евреями не прерывались никогда.

– А что такое хасидизм в идейном плане?

– Для евреев, которые на протяжении веков подвергались гонениям, это учение было откликом на острейшую потребность в ободряющей, оптимистичной вере. Идея хасидизма была очень простая. Баал-Шем-Тов считал, что истинная религиозность не в талмудической учености и не в формальном выполнении обрядов, а в искренней молитве, когда раскрывается душа человека. Неискушенный в вопросах веры еврей – если его молитва идет от сердца – может быть ближе к Б-гу и более угоден Ему, чем раввин, прекрасно знающий Закон. Так что хасидизм – не секта для узкого круга избранных. Это учение не разделяет, а объединяет евреев.

И еще, как учил основатель хасидизма, никакие невзгоды не должны повергать еврея в уныние, при всех обстоятельствах надо сохранять бодрость духа и не отступать перед трудностями.

– Много ли хасидов среди российских евреев?

– Официальной статистики на этот счет, разумеется, не существует. Но можно утверждать, что из религиозных евреев немалое число составляют хасиды. Во всяком случае, по складу характера – оптимизм, готовность делать добро и помогать другим, стремление к сохранению традиций – многие российские евреи истинные хасиды. Впрочем, не стоит, по-видимому, делить евреев на течения, тем более что границы между ними в российском еврействе размыты. Надо, чтобы евреи верили в Тору, и тогда все они друг другу братья и сестры. Быть единой семьей – вот главное, и эта цель именно в духе хасидизма.

– В чем суть разногласий между ФЕОР и Конгрессом еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР)?

– Определенные противоречия вызваны тем, что общины, которые входят в ФЕОР, исповедуют ортодоксальный иудаизм, тогда как КЕРООР практикуют иудаизм «обновленный». Но главное все же не в этом, а в личной активности. Было время, когда Конгресс объединял большинство общин, но у него явно не хватало активности в их поддержке, и постепенно он утратил влияние. Сейчас КЕРООР объединяет 20–25 общин, причем не самых крупных, тогда как в ФЕОР их почти 90, в том числе московская, петербургская и другие самые многочисленные.

Эти общины и люди, которые возглавляют их, настроены на активную деятельность. Приведу пример. Не так давно ко мне приезжал человек из маленького периферийного городка, который сообщил, что два года назад в их общине было всего 19 человек, а сейчас уже 250. Раньше не было и речи об открытии там синагоги, ведь для чтения Торы и молитвы нужно присутствие не менее 10 мужчин. Теперь – другое дело: там открыли синагогу – добились-таки от городских властей возвращения здания, некогда принадлежавшего общине. Появилась в этой общине и школа, где дети изучают азы религии.

Когда я говорю об активной работе общин и ФЕОР, то имею в виду не только молитвенную жизнь. Это и благотворительные организации, и гуманитарная помощь, содержание столовых, школ, клубов и т.д. Поразительно, с каким энтузиазмом

занимаются этим люди 60–70 лет. Их примеру следует и молодежь. Надо учесть, что плодами этой работы пользуются не только евреи. Если, например, община оказывает благотворительную помощь местной больнице, то она распространяется на всех пациентов. Когда в стране возникают трудности, а сейчас их множество – в здравоохранении, образовании, науке, культуре – последствия этого ощущают все, независимо от национальности и вероисповедания. И, сталкиваясь с этими общими проблемами, люди должны объединять усилия. Мы в этом убеждены.

– Вы упомянули о передаче одной из общин старого здания синагоги. Это единичный факт? Как в целом складываются отношения еврейских организаций с официальными властями?

– Разумеется, не единичный! В последнее время и правительство, и местные власти, в частности, московские, много делают для развития еврейской жизни в России. Государство возвращает нам синагоги, дает возможность открывать школы, культурные центры. Вот и моя подопечная община Марьиной рощи строит сейчас Общинный центр – в большом здании будут размещены библиотека, театральная сцена и все необходимое для досуга и общения людей. Приходить туда смогут не только евреи, но и все, кто интересуется еврейской жизнью, нашими традициями. В России сейчас уже 16 таких центров, и их должно быть как можно больше. Возможности для их открытия есть практически во всех городах – надо только желать и уметь работать.

Не обходится, конечно, без трудностей. Сталкиваемся мы порой и с антисемитскими выпадами. Недавно в Нижнем Новгороде вандалы осквернили еврейское кладбище, учинили на нем погром. Да и нашу синагогу взрывали дважды. Нередки, к сожалению, проявления бытового антисемитизма. Впрочем, такое случается во всех странах. Но о государственном антисемитизме говорить сейчас не приходится – его в России нет. Так, как помогает нам сейчас государство, пожалуй, не помогают евреям ни в одной стране мира. Поинтересуйтесь в любой общине, будь то в Москве или на периферии, везде вам скажут, что отношение со стороны официальных властей к евреям и еврейским организациям безусловно доброжелательное.

– Как все-таки получилось, что вы, гражданин США, приехали в Москву и стали раввином еврейской общины Марьиной рощи? Недовольные вашим избранием на пост главного раввина России подчеркивают, что вы – иностранец, и стало быть, не можете хорошо знать проблемы российских евреев.

– Действительно, я гражданин США и одновременно России. Но ведь отметка в паспорте – лишь формальная сторона дела. А главное то, что я живу в России вот уже 10 лет и чувствую себя российским евреем. До этого я жил в Италии, и в США, но нигде не испытывал такой духовной близости с людьми, как здесь.

В Россию, точнее Советский Союз, я попал в 1988 году, сразу после окончания ешивы – раввинского колледжа в Нью-Йорке, где получил диплом и сан раввина. Мне тогда предложили 2-месячную поездку в СССР по приглашению московской еврейской общины. В те времена это официально называлось «культурным обменом», а на самом деле речь шла об обучении российских евреев, интересующихся своими корнями, историей народа. Интерес был очень большой, а информации у них, по сути дела, не было никакой. Кое-что можно было узнать из радиопередач, и тех, кто их регулярно слушал, называли эфирниками. Наряду с «эфирниками» и так называемыми отказниками, среди моих слушателей было много евреев, далеких и от религии, и от политики, которые просто интересовались жизнью соплеменников за рубежом.

С этими людьми я и проводил занятия – сидели с утра до ночи. Их знания о еврействе были весьма скудные, но тяга к знаниям и готовность преодолевать их были огромные. Но ведь все тогда находилось под запретом, нельзя было учить детей ивриту, делать обрезание, выпускать книги. Мы переснимали на фото пленку страницу за страницей необходимые нам книги, изготавливали фотографии и по ним учились. В Америке это считалось бы подвигом, а у российских евреев даже не вызывало удивления. Были люди, которые вопреки запретам соблюдали все заповеди. Эти люди, которые считали, что преодоление препятствий и есть путь служения Б-гу, производили на меня огромное впечатление. Я приехал сюда, чтобы учить их религии, но в моральном плане получал от них больше, чем давал. Думается, что и без глубоких религиозных познаний они были ближе к Всевышнему, чем многие начитанные и религиозные американские евреи.

Таких поездок в СССР, каждая по 2 месяца, у меня было три. По существовавшим в ту пору законам в Москве мне разрешалось оставаться максимум две недели, в других городах – по 3–5 дней. Я переезжал из города в город и так объехал едва ли не всю Россию. А в 1990 году меня пригласила община Марьиной рощи, раввином которой я стал. Здесь я живу уже 10 лет, так что, мне кажется, не правы те, кто утверждает, будто я совсем не знаю жизни и проблем российских евреев. Конечно, жизнь не стоит на месте, надо постоянно следить за происходящими изменениями. Поэтому я решил регулярно посещать общины, и никто не сможет сказать, что главный раввин России тяжел на подъем. Это я могу твердо обещать.

– В США вы учились в раввинском колледже, который принадлежит любавичским хасидам, а какова «итальянская страница» вашей биографии?

Я родился в 1964 году в Италии, до 16 лет жил в Милане, где учился в еврейской школе, а потом продолжил образование в США. Чтобы все было понятно – немного о родителях. Они родом из Австрии, в Америку попали детьми, во время войны их семьи бежали от нацистов. В США отец примкнул к хасидскому движению, закончил ешиву, получил сан раввина. Его пригласили в Италию, где он стал раввином города Милана. Это обычная практика – в нью-йоркский центр хасидов стекаются такие приглашения от еврейских религиозных общин всех стран мира. Сейчас примерно в двух тысячах общин работают раввины из Америки, и в России их немало. Я, по сути, повторяю жизненный путь своего отца. Его в свое время нью-йоркский центр направил в Милан, меня позднее – в Москву. Я вполне удовлетворен, мне нравится работать здесь, да и жена тоже считает, что нам повезло, поскольку и ей нашлось занятие по душе.

– Она тоже работает в еврейской общине?

– Да, она руководит детским садом и начальной школой. Она американка, а родители ее выходцы из России. Известно, что многие американские евреи имеют российские корни. А сейчас и я, и жена чувствуем себя русскими евреями. Язык наших детей русский. Они ходят в еврейскую школу, где общеобразовательная программа полностью как в обычной школе, в том числе есть уроки русского языка. Но в дополнение к этому полтора часа в день там преподают еврейские предметы – иврит, еврейскую историю, религию, традиции. Мы заинтересованы в том, чтобы в школе были самые лучшие учителя и вовсе не обязательно евреи, главное, чтобы они любили детей, были преданы работе и стремились добиться наилучших результатов.

– Иногда можно услышать, что еврейская школа является инструментом для подготовки молодежи к эмиграции. Лучшие учителя – значит, лучшие знания у

выпускников. Плюс знание иврита и еврейских традиций. Так что по окончании школы, а потом института – прямая дорога в Израиль.

– Конечно, если молодой человек уедет в Израиль, хорошее образование и знание иврита позволят ему легче интегрироваться в израильское общество, найти там лучшую работу. Но точно так же можно сказать, что знание английского, немецкого или французского языка побуждает к отъезду в США, Германию, Францию. Следуя этой логике, лучший способ остановить эмиграцию – не давать россиянам никакого образования. Вот тогда они действительно нигде не будут востребованы и останутся дома. Но что это тогда будет за страна? Очевидно, что это порочная логика. Еврейская школа способствует эмиграции не больше, чем любая другая хорошая общеобразовательная школа, где директор подбирает достойные преподавательские кадры.

А что касается эмиграции интеллигенции из России, то ситуация на самом деле сейчас складывается трагическая – уезжают лучшие молодые ученые. Мне говорили, что в Академгородке под Новосибирском раньше жили 65 тысяч ученых, сейчас их там 35 тысяч. Парадоксально, но факт: в СССР была создана едва ли не лучшая система образования. Такого количества инженеров и врачей, преимущественно экстракласса, не было нигде в мире. И вот теперь это сыграло против России. Плодами системы образования, в которую были вложены колоссальные средства, пользуется не Россия, а другие страны.

Думаю, правительство обязано сделать сейчас все возможное и невозможное, чтобы поднять статус преподавателя, ученого. Надо найти на это средства во что бы то ни стало. Потому что если рухнут наука и культура, стране уже никогда не подняться. И еще, как мне кажется, для поддержки науки и культуры нужны не только деньги, но и внимание. Когда людям оказывают внимание, они это понимают и ценят зачастую превыше денег.

Работа ФЕОР, входящих в нее еврейских общин, никогда не была направлена на развитие эмиграции. Нам хотелось бы, чтобы евреи могли спокойно жить в России, чувствовали бы себя здесь комфортно и страну, где они родились, считали своей родиной. Мы, со своей стороны, делаем все для этого. Строительство Общинного центра, которое нами сейчас ведется, – часть этой работы. Московские власти во всем нам помогают.

Но есть организации, а при них школы, курсы и информационные центры, которые занимаются подготовкой молодых людей к отъезду в Израиль. Среди них агентство Сохнут, пользующееся поддержкой израильского правительства. Мы не против их деятельности – кто хочет, пусть уезжает, нельзя препятствовать этому. Человек должен иметь право выбора, право жить там, где он хочет.

– Какие наиболее сложные вопросы вам как раввину приходится решать?

– Люди обращаются ко мне с разными вопросами, не только богословскими. К сожалению, сегодня много проблем внутри семей – и между супругами, главным образом из-за недостатка денег в семьях, и в основном между поколениями. Порой это отсутствие контакта между родителями и детьми, еще меньше взаимопонимания между детьми и их бабушками и дедушками. Молодое поколение, надо признать, теряет моральные ориентиры. Человек перестает понимать, что жизнь дана ему не только для того, чтобы зарабатывать деньги и тратить их на себя, шеголять перед другими – какой он богатый, умный и сильный. А ведь по-настоящему достоин уважения не тот, кто богаче и сильнее, а тот, кто работает не только на себя, кто помогает другим.

Однажды ко мне пришли молодые люди, почти полностью утратившие представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. Я говорю «почти», потому что они все же пришли, а значит их нельзя считать вовсе пропащими. Они пришли, чтобы поговорить со мной и до конца убедиться, что все зло в России – от евреев. Это были очень агрессивные ребята, связанные с нацистами, с группой Баркашова. Ну что ж, я постарался им доходчиво объяснить, что к чему. Вроде бы, они со мной согласились. Однако, какой они выберут путь, неизвестно.

Не только молодежь, пожалуй все общество теряет моральный компас. Раньше в России господствовала очень сильная идеология – коммунизм, и, можно констатировать, многое декларировалось правильно. Дружба между людьми разных национальностей, коллективизм, взаимопомощь, стремление делать людям добро – разве это плохо? И разве раввин или православный священник на проповедях учили другому? Зачем коммунистам понадобилось искоренять религию?! Думаю, это была большая глупость. Сегодня официальной идеологии нет, вместо нее – вакуум, и заполняется он отнюдь не лучшими идеями. Ведь спускаться по лестнице куда легче, чем подниматься по ней.

– Найдена ли развязка в споре между хасидами и Российской Государственной (Ленинской) библиотекой, где хранится знаменитый фонд библиотеки, Шнеерсона?

Это очень сложный вопрос, и занимался им не я...

– Но теперь, когда вы стали главным раввином России, придется вникнуть и в это дело!

Да, разумеется. У меня еще не было возможности разобраться в деталях этого дела. Но если вы настаиваете, то вот вам мое мнение, сугубо личное, неофициальное.

Я думаю, что отобранные у народа культурные ценности надо вернуть. Фонд Шнеерсона – это более 10 тысяч книг, в том числе уникальные старинные фолианты. Хасиды собирали эту библиотеку 200 лет, и она представляет для них огромную ценность, святыню. Отобрана она была силой, а сила – не тот путь, которому надо следовать. Слава Б-гу, в мире все больше начинают это понимать. Насколько я знаю, было судебное заседание, которое постановило вернуть книги их законным владельцам. Было распоряжение президента Ельцина – вернуть. Но воз и ныне там.

С другой стороны, могу понять точку зрения властей. Они, может быть и даже наверняка, хотели бы вернуть библиотеку, но боятся создать прецедент. Одно только совершенно ясно: шумные акции не помогают его решению, а загоняют проблему в тупик.

– Есть ли у вас досуг, если работы – моральное исправление общества – немерено?

– Ну, решить эту грандиозную задачу я и не берусь, а просто стараюсь каждый день сделать хотя бы маленький шаг в этом направлении. Но досуга практически нет. Я люблю спорт, многие его виды – футбол, баскетбол, плавание, лыжи, водные лыжи. И я занимаюсь спортом – для поддержания здоровья. Священные книги говорят, что человек должен быть здоровым, должен заботиться о своем здоровье. К тому же спорт – это радость, а Б-г радуется нашей радости. Иудаизм – не аскетическая религия, у нас много радостных праздников – может быть, именно потому, что жизнь евреев на протяжении веков была не сладкая.

Есть три вещи, которые я неукоснительно делаю каждый день. Первая – это молитва. День я всегда начинаю с молитвы и прошу, чтобы Б-г направил меня и дал мне силы. Второе – учеба: чтение священных книг. Относящихся к иудаизму философских трудов – горы. Ведь наша религия – одна из древнейших. И третье – общение с детьми. Как бы я ни был занят, обязательно выкраиваю время, чтобы поинтересоваться их делами, узнать, как прошел день в школе, и т.д. Если я знаю, что вернусь домой поздно – встречи, переговоры, обязательно днем хотя бы на полчаса загляну домой, чтобы поговорить с детьми. Дети – это самая большая радость в жизни, которую дает нам Б-г, и больно видеть бездетные семьи. А сейчас таких в России все больше – из-за моральных и материальных проблем. Но я думаю, что даже бедные семьи не должны бояться заводить детей. Б-г подскажет, как их прокормить, для Б-га это не проблема, надо только искренне верить в Него, и Он поможет.

– Сейчас люди перестают читать книги, их больше привлекает телевизор. Как вы к этому относитесь?

А вот телевизор я совершенно не выношу. Человеку нельзя отказываться от чтения, надо читать и думать, самостоятельно вырабатывать собственную точку зрения. Телевизор отучает думать, он вкладывает человеку в голову готовую мысль, причем в безапелляционной форме: поступай только так, а не иначе. У меня дома телевизора нет. Не потому, что нет денег для его приобретения, а потому, что я считаю его вредным. Бывают, разумеется, хорошие, умные передачи, но прежде чем такую отыщешь, наткнешься на пять сцен изнасилования и десять сцен убийства. Найти хорошую передачу – все равно, что иголку в стоге сена. Почему растет преступность? Телевизор – не последний в этом виновник. Можно, вы скажете, покупать видеокассеты и смотреть только хорошие фильмы, а детям показывать добрые мультфильмы? Нет, когда в доме есть телевизор, дети будут смотреть все подряд, а это вредно с моральной точки зрения, а еще огромная потеря времени.

Раньше у меня был относительно строгий распорядок дня, но он все больше становится «плавающим» – заботы обступают со всех сторон. У людей много проблем, и никому нельзя отказать во внимании. Вы, например, долго добивались встречи со мной?

– Минут пять, просто позвонил вашему секретарю, и тот ответил, что раввин сможет уделить мне минутку.

– Вот видите, я вполне доступен. Это американский стиль. Когда меня спрашивают: когда?, я чаще всего отвечаю: сейчас!

– Правда, минутка эта растянулась на час с лишним.

– Ну что поделаешь! Там, куда я уже опаздываю, сошлюсь на итальянские привычки.

– Раз вы торопитесь, то вот последний вопрос: любите ли вы еврейские анекдоты?

– Очень люблю! Особенно, если их рассказывают сами евреи. Тот же самый анекдот, рассказанный неевреем, звучит порой обидно. Отличительная черта еврейского анекдота – не игра слов, не двусмысленность ситуаций, а парадокс. Евреи вообще отличаются парадоксальным мышлением.

– Тогда ваш любимый еврейский анекдот?

Их так много, трудно выбрать! Впрочем, вот, пожалуй, типичный, основанный на парадоксе.

Богатый еврей объявил, что выдает свою дочь замуж и дает за нее в приданое миллион. Женихов – видимо-невидимо, и все под стать невесте, не бедные. Приходит бедный молодой еврей:

– Послушайте, ребе, у меня к вам дело – мы оба можем мгновенно заработать по 500 тысяч!

– Что за дело? Очень интересно, я уже почти согласен!

– Я готов жениться на вашей дочери и взять у вас только половину обещанного приданого!

Или вот другой анекдот, я ведь говорил, что настоящий еврей не должен унывать и умеет находить радость даже в неприятностях. Идет по улице пожилой еврей и стонет:

– Ой как больно! Нет больше сил терпеть!

Навстречу ему другой:

– Послушай, Ицик, почему ты стонешь, что случилось?

– Обычно я ношу ботинки 43-го размера, а сейчас купил 41-го.

– Так в чем дело? Пойди поменяй!

– Нет, как ты не понимаешь?! У меня дома сплошные неприятности. Жена, теща, дочь день и ночь меня пилят, все им не так. Хоть домой не возвращайся!

– А при чем здесь ботинки?

– Когда я все же доберусь до дома – больше мне идти некуда – они наверняка опять обрушатся на меня с упреками. И тогда я сниму ботинки – то-то будет блаженство!

ВЕА «Гайнэ»

КОНВЕЙЕР ИЗВИНЕНИЙ

Ai den Eai eai

Следуя примеру папы римского, руководители католической церкви в Литве накануне Пасхи публично просили прощения... у Б-га. Основанием для раскаяния служили не крестовые походы, инквизиция, преследование женщин или национальных групп – Литва к этому не приложила руки. Главным мотивом акта явилось отношение к Холокосту, и выражено это было витиевато: «... у части детей церкви в годы второй мировой войны не хватало любви к преследуемым евреям».

Как же было встречено это извинение? Наряду с общей положительной оценкой прозвучали очень характерные принципиальные мнения, например: «Надо назвать конкретные действия и выяснить причины, по которым они произошли».

На самом деле, вина церкви была велика, и заключалась она в попустительстве широко распространяемых антиеврейских настроений и призывов в Литве как до, так и после вторжения Германии в республику. Деятельность «Фронта литовских активистов» (LAF), штаб-квартира которой находился в Берлине, не нуждается в комментариях. Так, они готовы были прощать грехи даже коммунистам, если они «докажут, что ликвидировали хотя бы одного еврея».

22 июня 1941 года LAF призывал: «Навеки освободим Литву от еврейского ярма! Предоставленное во времена Витаутаса Великого старое право пребывания евреев в Литве полностью и окончательно отменяется».



Массовое убийство евреев литовцами в Ковенском депо (бульвар Витаутаса).

После оккупации Литвы немцами церковь никак не реагировала на пропаганду, которая чуть ли не в каждом номере газет «К свободе», «Новая Литва» и т. д. разжигала зоологическую ненависть к евреям. В своих передовых статьях эти газеты писали: «Необходимо как можно быстрее вырезать еврейский гриб. Новая Литва будет красива, счастлива без евреев».

Позиция Временного правительства Литвы, восхваление им Гитлера и его планов практически стимулировали жестокие и мстительные юдофобские выпады. В первые дни своей деятельности оно постановило образовать литовский батальон и оборудовать концлагерь для своих граждан—евреев, рекомендуя при этом «избегать публичных еврейских экзекуций». А католическая церковь хранила молчание.

Тогда же серией законов правительство лишает евреев их недвижимого имущества, пенсии, закрывает школы, детские сады. Начальникам уездов и бургомистрам было дано указание не выдавать евреям каких-либо документов. Постановление «Основы положения евреев» практически регламентировало «окончательное решение еврейского вопроса» начиная с их изоляции, обязанности носить желтый знак с буквой «J», арестов... Юридически граждане еврейской национальности оказались абсолютно бесправными. Какой же была реакция церкви? Некоторое время спустя она будет обсуждать вопрос как порядочным католикам поступать с оставшимся (награбленным) имуществом.

Печать, призывы LAF, Временного правительства и некоторых других литовских организаций помогли отбросить в сторону любые гуманистические и национальные христианские барьеры («Не убий!»). Литва стала первым экспериментальным, успешно действующим (94%) и дешевым полигоном тотального истребления евреев. Всех их в чужой стране невозможно было бы распознать, арестовать и уничтожить без активной помощи множества местных пособников, без равнодушия церкви.

В некоторых населенных пунктах немцы не появлялись вовсе. Авторитетный еврейский деятель Берл Каган, непосредственный свидетель происходивших событий, писал, что во время войны тысячи литовцев были сообщниками немцев, охотно исполняли их приказы. Они сами, по собственной инициативе, в литовской провинции убили десятки тысяч евреев. Евреев убивали и в первые дни войны, когда они пытались уйти на Восток, и даже после отступления немецкой армии в 1944 году убивали тех, кто чудом пережил оккупацию или вернулся в родные места.



«Иди неcome!» («Еврей, отомстите!»). Надпись на стене в квартире евреев, убитых 26 июня 1941 года во время погрома в Слободке.

Известно, что в Литве, как и во всей Европе, судьбу еврейского народа определила антисемитская политика руководства гитлеровской Германии. Однако известно и то, что потери еврейского народа могли быть значительно меньше, если бы иерархи католиков осудили гитлеровскую расовую теорию и осуществляемое тотальное истребление евреев, если бы влиятельные политические и общественные силы не были бы сами настроены против евреев, если бы тем или иным способом пытались помочь обреченным.

Сегодня роль литовских институций в политическом, моральном и физическом «вычеркивании» евреев в лучшем случае преуменьшается. Упомянутые выше настроения и стереотипы мышления сохранились до сих пор и находят выражения в таких высказываниях: «Не понимаю, за что нашему духовенству следует извиняться», «Пришла очередь извиняться евреям за ими совершенные преступления», «Евреи нанесли обиды нашей вере, они и Бога распяли».

Аналогичные настроения подпитываются многими источниками, в том числе передачами католической «Малой студии» по республиканскому радио, когда ведущий читает в монологе слова Христа, обращенные к евреям: «Хотите меня убить?»

Едва ли не ежедневно перед большей или меньшей аудиторией звучит сильнее или слабее замаскированная антисемитская пропаганда, и остается согласиться еще с одним распространенным мнением: «Это не настоящее и достаточно запоздалое извинение, я не верю этому извинению». Наверное, надо учитывать, что у церкви, как и у общества, есть не только прошлое, но и настоящее, и будущее. И ответственность на себя надо брать не только за прошлое.

КРЫЛАТЫЙ БОГАТЫРЬ

עֵלָא אֶעֱאֵר אִי

В 1940 году в Советском Союзе было всего четыре человека, дважды удостоенных звания Героя Советского Союза. Это были участники боев в Испании, Китае, на Халхин-Голе и в советско-финской войне: Сергей Иванович Грицевец (1909–1939) – погиб при исполнении служебных обязанностей; Сергей Прокофьевич Денисов (1909–1971);

Григорий Пантелеймонович Кравченко (1912–1943) – погиб в воздушном бою под Ленинградом; Яков Владимирович Смушкевич (1902–1941) – расстрелян в октябре 1941 года.

Автору этих строк довелось в феврале 1941 года быть на приеме у Я.В. Смушкевича. Впоследствии я прослужил много лет в военно-воздушных силах, встречался с летчиками, которые воевали вместе со Смушкевичем и охотно рассказывали о героических подвигах этого мужественного человека.



Яков Смушкевич с семьей. 1940 год.

В начале Великой Отечественной войны журнал “Люфтваффе”, официальный орган военно-воздушных сил гитлеровской Германии, писал о том, что во время военных действий в Испании (1936—1939 годы) контрразведка третьего рейха потратила много сил и средств на то, чтобы убрать генерала “Дугласа”.

Фюрер авиации Геринг посулил тогда награду в миллион марок летчику, который его собьет. Журнал ликовал по поводу того, что генерал не участвует в

нынешней войне – это было равносильно разгрому по меньшей мере пяти вражеских дивизий.

... События в Испании вышли за рамки гражданской войны и превратились в национальную революционную войну не только против испанского, но и мирового фашизма.

Советские волонтеры, их было до 3000 человек, хорошо подготовленных командиров, летчиков, артиллеристов, танкистов, с согласия советского правительства отправились в Испанию. В числе советских добровольцев в качестве советника по авиации был командир 201-й Витебской авиационной бригады, комбриг Яков Владимирович Смушкевич, тот самый генерал Дуглас (это был псевдоним Смушкевича). На аэродроме в городе под Мадридом встретились командующий военно-воздушными силами республики Игнасио Сиснерос с Дугласом.

Сиснерос внимательно оглядывал мужественного человека с шапкой черных волос и веселыми глазами на смуглом лице. Так началась дружба двух смелых и сильных борцов с фашизмом. За три дня советник побывал на всех аэродромах республиканцев, познакомился с личным составом частей. Не прошло и недели, как генерал Дуглас на самолете “Бреге-19” вылетел на первое боевое задание. Самолеты пошли на Мадрид. В разных местах города они увидели клубы дыма – это фашистские “Юнкерсы” бомбили военные объекты. Добраться до таких высот на “Бреге-19” было невозможно. Дуглас покачал крыльями, давая сигнал истребителям “делай, как я” и повел самолет на штурмовку автоколонны. Сам он участвовал в составе групп в нескольких полетах и показывал летчикам, как надо скрытно подходить к цели. Это позволило уничтожить значительное количество вражеских самолетов, боевой техники и живой силы противника.

В конце октября 1936 года на пароходах (в разобранном виде) прибыли советские самолеты: скоростной бомбардировщик “СБ”, легкий бомбардировщик “Р-5”, истребители “И-15” и “И-16”. Советские летчики с первых дней проявили себя героически.

Наступил 1937 год. Указом Президиума Верховного Совета 17 воинам–танкистам и летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза. Впервые это высокое звание присваивалось за боевые заслуги. В эти дни в Витебске отмечали десятилетие 201-й авиабригады. На торжественном собрании выступил командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, который рассказал, как командир бригады далеко от родины создал крепко спаянный боевой коллектив и творит там чудеса. “Помните, – спрашивал командующий, – нашего самоучку, бывшего грузчика Якова Смушкевича? Теперь этот скромный Яша вместе со своими боевыми товарищами прославляет на весь мир нашу авиацию”.

Во время полетов Дуглас всегда находился на летном поле, он покидал аэродром только для того, чтобы самому сесть в самолет и лететь на боевое задание. В 1937 году, когда отмечали победу над Гвадалахарой, генерал Лукач (Мате Залка) поднял тост за первого героя Гвадалахары генерала Дугласа. Когда вставали из-за стола Хемингуэй пожал руку Дугласу и тихо сказал Михаилу Кольцову: “Какая сила! Такие, как Дуглас, сражаются за чистое дело”.

В июне 1937 года группа летчиков покидала Испанию, на смену им приходили другие добровольцы. Талант летчика и военачальника Дугласа полностью проявил себя в

боях за Испанию. В летной книжке Смушкевича, полученной им в штабе, было записано, что за восемь месяцев комбриг освоил полеты на четырех типах самолетов иностранных марок: “Дракон”, “Потез”, “Дуглас”, “Фиат”. Общий налет его за это время составил 223 часа, из них 115 на истребителях И-15. Он летал больше всех советских летчиков, воевавших в Испании.

21 июня 1937 года Смушкевичу присваиваются звание Героя Советского Союза и комкора, его назначают на должность заместителя начальника военно-воздушных сил СССР.

... Май 1939 года. У наркома обороны Советского Союза собралась группа авиационных командиров, здесь присутствовали участники боев в Испании и Китае. Маршал сообщил, что в Монголии советские наземные войска теснят захватчиков, но в воздухе пока перевес на стороне вражеской авиации. Решено срочно послать на Халхин-Гол наиболее опытных летчиков. В списке желающих отправиться в район Монголии Смушкевича не было: он еще не поправился после тяжелых травм, полученных в авиакатастрофе. Однако по просьбе летчиков нарком разрешил лететь и ему.

Над монгольскими степями одновременно в воздух поднимались по 400 самолетов. Все десять дней, пока шло генеральное сражение на Халхин-Голе, советские летчики выполняли по 8-10 боевых вылетов в день. На каждую сбитую советскую машину приходилось 10 японских.

26 августа Смушкевич продиктовал очередную сводку в Москву: “... Наши героические истребители, не имея никаких потерь, сбили 41 японский истребитель и 7 бомбардировщиков. 81 наших бомбардировщика бомбили скопление вражеских войск...”

После победы на Халхин-Голе телеграф передал из Москвы, что впервые награждены второй Золотой Звездой Сергей Грицевец и Григорий Кравченко. Яков Смушкевич был удостоен этой высокой награды 15 ноября 1939 года. Через три дня его назначили начальником военно-воздушных сил страны. По возвращении из Халхин-Гола летчиков принимали в Кремле. В разгар приема поднялся один молодой летчик: “Комкор Смушкевич был для нас отцом родным. Предлагаю выпить за нашего авиационного Батю”.

В марте 1940 года, после окончания финской войны, героев снова принимали в Кремле. Когда прием закончился, Смушкевич, опираясь на свой костыль и палку, направился к выходу. Летчики окружили его, подняли на руки и бережно снесли по лестнице к машине.

... 7 июня 1941 года за легендарным летчиком, дважды Героем Советского Союза захлопнулась окованная железом дверь тюремной камеры. А в темную октябрьскую ночь этого же года на обрыве заснеженного волжского оврага 25 человек, в том числе Я.В. Смушкевич и Г.М. Штерн и еще семь евреев, были расстреляны... Все примерно полтора десятка лет спустя реабилитированы.

Советские летчики старшего поколения помнят и любят Якова Михайловича Смушкевича. Они знают, что в каждой воздушной победе, одержанной в годы Великой Отечественной войны, была доля его неутомимого труда, его пытливой мысли и страстного сердца.

В литовском городе Ракишки, на родине Якова Смушкевича, в 1968 году установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза.

СУДЬБА СОЛДАТА

Все меньше и меньше остается среди нас евреев-ветеранов, участников войны с нацистами. Жизнь этих людей пришлось на исторический период существования Советского Союза от его возникновения до распада.

Они победили и, таким образом, выжили в той страшной войне, на них отразились все события послевоенного времени.

Мы беседуем с одним из ветеранов войны Григорием Александровичем Пустынниковым, родившимся в 1921 году в маленьком местечке на Украине.



Григорий Александрович Пустынников.

Вообще-то его фамилия Пустыльник, а имя и отчество – Гедалий Абрамович. В октябре 1941 года дивизия, в которой он воевал после долгого отступления под Ростовом-на-Дону, оказалась в окружении и большая ее часть попала в плен.

В первый же день немцы, построив пленных, приказали коммунистам и евреям выйти из строя. Их тут же на глазах у всех расстреляли. Гедалий, высокий голубоглазый юноша, внешне не очень похожий на еврея, остался в строю. Он избежал гибели, назвав новую фамилию, имя и отчество. Его никто не выдал.

Из одного лагеря в другой, из Большого Токмака на Украине – в Ченстохов в Польше, потом в немецкий Вупперталь перегоняли немцы пленных, заставляя их выполнять непосильную черную работу. Ослабленные голодом, холодом, болезнями и издевательствами, многие погибли. Летом 42-го оставшихся вывезли в Бельгию на угольные шахты провинции Лимбург. Кормили плохо: при 12 часовой работе 375-граммовая пайка хлеба да черпак бурды. Спасибо бельгийским шахтерам, украдкой подкармливавшим пленных. Шахтер Морис Жакке каждый день приносил Григорию бутерброд, хотя семья его под немецкой оккупацией жила тяжело. Никогда не забудет Пустынников этого человека.

В июле 44-го Григорию и еще нескольким пленным удалось бежать к партизанам. Их приняли в отряд “Бритте бригада”, совершавший набеги на немецкие части, а когда открылся второй фронт, отряд охранял мосты через Альберт-канал, не давая

фашистам взорвать их при отступлении. Так и продолжал воевать в бельгийском партизанском отряде Гедалий Пустыльник.

Еще до того как Бельгию полностью освободили от немцев, российских партизан стали возвращать на родину. Не знал Григорий, что случилось с родными в оккупированном местечке и с надеждами на лучшее возвращался домой. В апреле 45-го через Марсель он приехал в Одессу. Но особой радости не испытал: всех бывших пленных посадили в лагерь за колючую проволоку для проверки органами “СМЕРШ”. Там и встретил он День Победы, а в июле его отправили в проверочно-фильтрационный лагерь (ПФЛ) в Киргизию, на урановые рудники в поселок Майлису. Ему повезло: определили на работу не в шахту, а в отдел главного механика на монтаж дизельных электростанций наземной службы, до войны Григорий закончил Ленинградский машиностроительный техникум.

Лагерники жили в глинобитных бараках по 500 человек в каждом, спали на двухэтажных нарах с хлопковыми матрацами, кишевшими клопами. Те, кто работал в шахте, часто болели, чахли и умирали. Не знал никто от чего умирали товарищи: то ли от тяжелой работы, то ли и от недоедания, кормили здесь почти, как в плену. А может быть, и от длительного изнурительного труда в недавнем прошлом.

В лагере оказалось еще 9 евреев, тоже бывших в плену и скрывших от немцев свою национальность. Их имена Григорий никогда не забудет: Саша Богомольный из Винницкой области, Арон Домниц из Белоруссии, Семен Хапниц, Арон Ваншельбойт, Борис Потешман – все из Украины, Иосиф Бандель из Рахова в Закарпатье, Яков Сендерук и Дима Видерман – бакинцы, Яша Рохлин из Казахстана. Они подружились и скоро узнали все друг о друге. Яша Рохлин был ему особенно близок. В плену он, владевший татарским языком, назвался Якубом Рахматуллиным. Григорию стало известно, что Яков женат, имеет сына и дочку, по которым очень тоскует, и если суждено ему выжить, отправится в Казахстан. Рохлин работал в шахте и как-то в разговоре с Пустыльником признался, что еле держится на ногах и попросил замолвить за него словечко перед начальством – может, переведут на наземную работу, а то ведь “загнется”. Якова перевели на кухню подсобником, и он стал поправляться.

В 1946 году сначала Григория, а потом и Якова освободили из ПФЛ, и они разъехались. Григорий, узнав, что его родителей расстреляли немцы, поехал к родственникам в Москву, а Яков, как и намеревался, – в Казахстан.

Как-то в 90-х годах попался Григорию портрет генерала Рохлина, отказавшегося от звания Героя России во время первой чеченской войны. Посмотрел и увидел в нем друга своего, Якова, – одно лицо! А когда выяснилось, что Лев Рохлин родился в 1947 году, предположил, что тот Лев – сын Якова.

Следует отметить, что версий того, кто был отцом знаменитого генерала, несколько. Одна из них – Пустынникова. В интервью Рохлина, которое мы с Майей Немировской получили в 1997 году, когда он был председателем комитета по обороне Госдумы, Лев Яковлевич очень неохотно говорил об отце. Ограничился тем, что тот оставил семью, когда ему было всего 8 месяцев. Расспрашивать генерала об отце показалось неудобным. А если Яков, друг Григория, действительно был отцом Льва Рохлина, значит, сын при поступлении в военное училище скрыл, что отец был в плену, иначе молодому человеку лейтенантских погон не видать бы. Но был ли Яков Рохлин отцом генерала, так и неизвестно.

... С освобождением из ПФЛ страдания Григория не кончились. Из-за печати в документах о том, что он был в плену, его не прописывали, а человек без прописки не мог устроиться на работу. Через какое-то время ему удалось прописаться под Москвой и получить работу волочильщика, грязную и тяжелую. Только после смерти Сталина Григорий почувствовал себя снова человеком, он стал преподавателем ПТУ и смог поехать в Бельгию проведать своего друга, встретиться с его родными, которых знал.

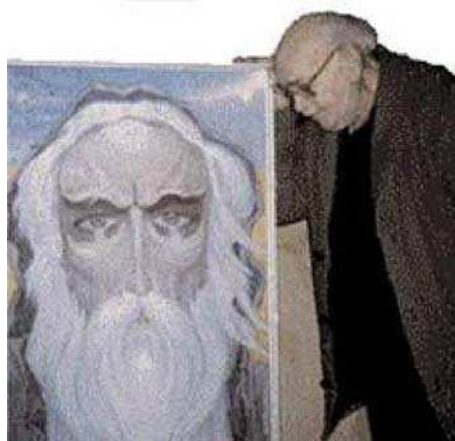
Сейчас Григорий Пустынников уважаемый человек, окруженный женой, детьми, внуками. Он состоит в Союзе евреев-инвалидов и ветеранов войны, участвует в его работе. В будущем году ему исполнится 80 лет.

Ááññó çàí èñë Áëàëèñáá Øí èöáð

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

И аеу І аі еді аеу

Виктор Корецкий, заслуженный художник России, лауреат двух Государственных премий СССР, никогда не был ни дерзким разведчиком, ни отважным партизаном, ни армейским командиром, Однако Гитлер считал его злейшим врагом третьего рейха и назначил большую награду за голову ненавистного еврея, метко сражавшегося с нацизмом с помощью плаката.



Поколение, пережившее Великую Отечественную, помнит работы Корецкого, одного из старейших мастеров фотомонтажного плаката. Наиболее известен его плакат “Воин Красной Армии, спаси!”: женщина, прижав к себе ребенка, готова грудью, жизнью своей защитить дочь от окровавленного штыка фашистской винтовки. Изданный 14-миллионным тиражом, он висел во время войны в штабах, в блиндажах и землянках, на стенах домов, а в виде листовки – в танках, кабинах самолетов. Фронттовики видели в этой гневной, непокорившейся женщине свою мать, жену, сестру, в испуганной беззащитной девчужке – дочку, сестру, залитую кровью Родину, ее будущее. Обобщающая сила художественного образа возмущала сердце, звала на смертельный бой с ненавистным врагом.

Потом появились плакаты “Боец, спаси меня от рабства!”, “Смерть детоубийцам!”, “Кто такой Гитлер?” и многие другие. А позже, когда Красная Армия уже была врага на его земле, – “Я больше не могу!” – агония фашистского убийцы, дни которого сочтены.



«Самед на смерть идет, чтоб не погиб Семен, собою жертвует Семен за жизнь Самеда», 1943 год.

... Виктор Борисович Корецкий родился в 1909 году в Киеве в семье оперного певца. В 20-х годах переехал с семьей в Москву, поступил в художественный техникум. Общался с известными авангардистами 30-х годов – Малевичем, Кандинским и Лебланом, учеником которого себя считал, но к авангардному искусству душа его не лежала, реализм был ему ближе. Определяющим жанром творчества на долгие годы стал плакат. Он и принес художнику славу, мировую известность, награды. Его плакат “Партизанская колыбельная”, младенец в люльке из пулеметной ленты, висящей на безлистом суке сожженного пламенем дерева, приобрела Дрезденская галерея. Корецкий создал около семисот работ, но самая дорогая и памятная “Воин Красной Армии, спаси!” Внутренняя сила и динамика плаката вели солдат в сражение с фашистами, порой увереннее командирского приказа. Однажды в мастерскую художника пришел убеленный сединами полковник с рядами планок боевых наград на груди. Увидев на стене оригинал этого плаката, он опустился на колени, и скупая мужская слеза медленно потекла по его лицу.



«Наши силы неисчислимы!», 1941 год.

Последнее десятилетие своей жизни Корецкий не работал над плакатом, в России этот жанр почти забыт. Но художник не расставался с кистью и мольбертом. Он возвратился к художественным замыслам своей молодости, создал целую галерею изумительных по красоте и мастерству исполнения полотен. В 1997 году французские кинематографисты сняли фильм о Корецком, его живопись близка по духу их традиционной школе. В 1998 году в Москве состоялась его персональная выставка.



«Смерть детоубийцам!», 1942 год.

Незадолго до кончины (4 июля 1998 года) Виктор Борисович познакомил автора этого небольшого очерка с последней своей работой: пророк Моисей на берегу Красного моря. Мудрый старец, провозвестник всех гуманных организационных начал человеческого общества, смотрит на мир, на нас, потомков, испытующе-требовательным взглядом.



«Боец, спаси меня от рабства!», 1943 год.

– Я шел к этой работе всю жизнь, – негромко, словно опасаясь вторгнуться в тайный ход мыслей пророка, сказал художник. – Всю свою долгую жизнь... – И неожиданно спросил: – Знаете, о чем я мечтаю? Я стар и болен, мне не суждено увидеть

землю моих предков. Мечтаю, чтобы эта картина продолжила жизнь в Израиле. Чтобы написанный на ней моими руками, моим сердцем пророк принес ему мир и благоденствие.



«Родина не забудет героических дел своих сынов!», 1947 год.

Мечта художника не сбылась и по сей день. Иностранцы пытались приобрести это замечательное полотно, предлагали за него большие деньги. Художник не согласился, но ни одна еврейская организация не проявила к картине достаточного интереса, и Виктор Корецкий, уже тяжело больной, передал ее в числе 41 своих картин в дар Москве. Теперь она хранится в запасниках Государственного выставочного зала «Малый Манеж», а могла бы занимать достойное место в Израильском Центре искусств в Тель-Авиве, стать художественным достоянием евреев всего мира.



«Воин Красной Армии, спаси!», 1942 год.



«Я больше не могу!», 1944 год.



«Поработал на славу!», 1944 год.

Я ЖИЗНЬ ПРОВЕЛ В ПРЕДОЩУЩЕНЬЕ ЧУДА

Î àò àáé Ááéçáð

Марк Шагал, один из величайших художников не только XX столетия, но и всей истории живописи, прожил жизнь длиною почти в целый век. Но уместно ли понятие возраста применительно к истинному художнику — он остается современником не только своего поколения, но и многих будущих. Шагал — художник феерической, высокой и трагической судьбы. Точно и выразительно об этом написал выдающийся французский поэт, друг художника Луи Арагон в своей поэме «Величие Марка Шагала...»:

...Òááÿ á ááí ü ì îðíçí úé ÿ æáð

Î à áóéíááðáð, ááá áðí í çí áíé

Óéúáááòíÿ Áíáëü ò ááá

Áí í áí ò ááò ð í ò éðí àòíÿ,

Ðáíí áðí àò íáíð áááðü æÿ ò ááÿ.

À í à ñò áí áð áá - ò áí è ò ðáíé è íí ÿòü

Áð, èáéíé ááðí èíáæ, áðóçíÿ ì í è,

Èáéíé ááðí èíáæ!..

Ëðáè ñéáçàèè á ò í ááá,

Î áíéíéüéí ò ú ááðáí áúé ñááá ñáí í ì ó

È ñáíáé ñò ðáí á, è èáé ò ú ëðáéè áá

Áóáóò æáèáòü í ííéí ò í áð

Î ðí í ááøèð ò áí èð

Çà ì í ðÿí è ñ çáçááì è.

Èáé ëðáéè ò ú áá, ñáíð çáí ëð,

Áíéé áóóíé, áíéé ñèéíé áóóè!

(Î ááááá Î. Óáò èéí á)



Семья Марка Шагала. 1906 год.

Легко догадаться, что речь идет о тех годах, когда Шагал вместе с Грановским и Михоэлсом создавали первый спектакль, незабываемый и обессмертивший Московский еврейский театр, – о «Вечере Шолом-Алейхема». И еще в этих строках угадывается вовсе не счастливая судьба картин Шагала в России.

Мастер, чьи работы выставлялись в лучших картинных галереях мира, был отвергнут идеологами страны, в которой родился и которую любил до последнего вздоха:

Î òá-áñòáî î íáâ î íâé áóóá

Âú îííÿèè?

Áõîæó á í áá ááç âèçú...

Судьба творений Шагала, да и его имени, складывалась в СССР парадоксально. В первом издании БСЭ о Шагале сказано: «...Современный русский живописец и график; происходит из мелкобуржуазной еврейской среды г. Витебска». У самого Шагала его «буржуазное происхождение» вызывает недоумение: «Ведь я же выходец из бедного народа. Я помню слишком мозоли моего отца и безнадежность его жизни и труда» (из письма к А.Н. Бенуа, 1940 год). В своей автобиографии «Моя жизнь» он уточняет: отец его был рассыльным у торговца селедкой. «Конечно, в рассыльных отец не остался. Но за 32 года не пошел дальше рабочего».

С конца 30-х годов и до периода, названного оттепелью, имя Шагала в «стране победившего социализма» почти не упоминалось, полотна его упрятаны в запасники. В энциклопедических изданиях 70-80-х годов он значится уже не русским, а французским живописцем. Но не оставляет сомнений, что становление Шагала как художника, состоялось в России. Его учителями были выдающиеся русские живописцы Рерих, Чистяков, Бакст, Добужинский. И живопись его немыслима без России, без Витебска, где прошло его детство, где остались могилы его родных и близких. «Здесь моя душа. Здесь и ищите меня, вот я, мои картины, мои истоки».



Дом, в котором вырос Марк Шагал.

Чей ты родом...

Многое в биографии Шагала может показаться сюрреалистичным и почти невероятным. Он родился в местечке Лиозно, под Витебском, в тот вечер, когда весь город был охвачен пожаром. «Но главное, родился я мертвым... В общем, я мертворожденный. Пусть только психологи не делают из этого каких-нибудь нелепых выводов», – рассказывает художник в своей автобиографии. Шагал любил свое детство, он жил им до глубокой старости (впрочем, возможен ли без этого чувства истинный художник?). Он был шаловливым ребенком, не хотел посещать хедер, любил игры на улице. И еще он очень любил субботу за неповторимое торжество этого дня, за то, что день этот вселял веру в будущее. Родители Марка хотели, чтобы сын приобрел ремесло, ну а уж если повезет – стал бы бухгалтером или, на худой конец, приказчиком. Мальчик же мечтал о более романтичном – он видел себя во взрослой жизни скрипачом, либо танцором. Но однажды, гуляя по Витебску, увидел надпись «Школа художника Пэна» и заявил маме, что хочет быть художником: «Спаси меня, мамочка. Пойдем со мной. Ну, пойдем! В городе есть такое заведение, если я туда поступлю, пройду курс, то стану настоящим художником и буду так счастлив». Слова эти были сказаны, когда мама пекла хлеб. Услышав их, она уронила длинную лопату, на которой сажала хлеб в печку, и воскликнула: «Что? Художником? Да ты спятил. Пусти, не мешай мне ставить хлеб».



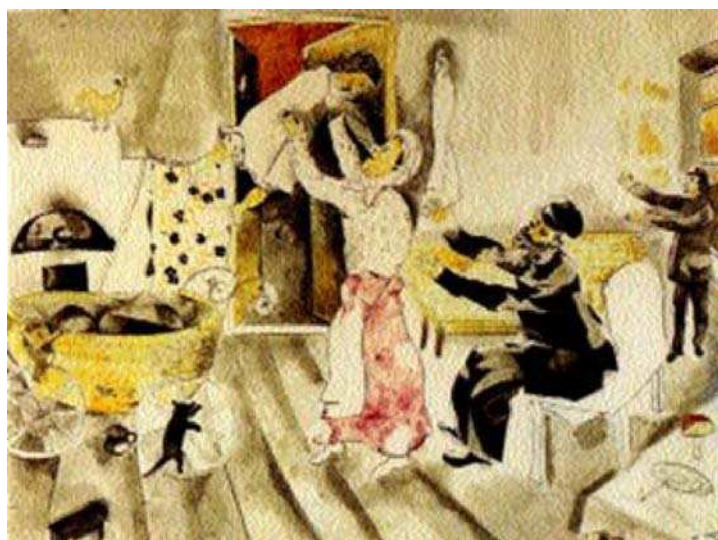
Портрет отца. 1907 год.

Однако любящее материнское сердце пошло на поводу у сына. На следующий день она отвела Марка в эту самую «Школу живописи Пэна». Оглядевшись по сторонам,

при виде многочисленных статуй и картин мать сказала сыну: «Сам видишь, тебе так никогда не сумеешь. Пошли домой». По настоянию Марка они дождались Иегуду Моисеевича Пэна. Витебский мэтр отнесся к очередному ученику довольно прохладно. Просмотрев его работы, он с откровенным безразличием все же отметил: «Некоторая предрасположенность проглядывает».

Новый ученик был так не похож на остальных своим пристрастием к фиолетовым тонам и ярким цветам вообще, что не воспринимался своим учителем всерьез. Вскоре Иегуда Моисеевич перевел нового ученика на бесплатное обучение, дабы не быть ответственным за его успехи. Взрослый Шагал, вспоминая своего первого учителя живописи, напишет: «Пэн мне мил. В моей памяти он живет рядом с отцом».

Потом была учеба у фотографа в Витебске. Этот учитель прочил своему ученику светлое будущее местечкового фотографа, замечая при этом, что живопись никуда от Шагала не денется, да и нужна ли она кому-то в Витебске? А сам ученик признается позже, что ненавидел работу ретушера – глупейшее, по его мнению, занятие.



«Визит к дедушке и бабушке». 1915 год.

Из Витебска в Петербург

В 1907 году художник отправляется в Петербург. Что могло ждать его там? Для права жить в столице еврей должен был иметь вид на жительство, которое никак не светило юноше из Витебска. Но юношу манила другая жизнь...

Поначалу Шагал пытался поступить в Училище технического рисования. Не получилось. Поступил на третий курс в школу Общества поощрения художников. Работал до изнеможения и вскоре стал получать стипендию. Ему оказывал поддержку скульптор И. Гинцбург,

друживший с Л. Толстым, В. Стасовым, И. Репиным, Ф. Шаляпиным. Во многом помогал юному Шагалу адвокат Гольдберг. Тем не менее жизнь художника в Петербурге была далеко не легкой. Как-то его, вернувшегося после каникул в Петербург, за отсутствие пропуска арестовал урядник. «Для начала подержите его в кутузке, – дал он указание своим подчиненным, – а там переведем в тюрьму». Со свойственным ему юмором Шагал будет вспоминать: «Нигде мне не было так вольготно, как в камере... Мне нравился цветистый жаргон воров и проституток. И они не задирали, не обижали меня!

Напротив, относились с уважением». И хотя на новом месте он не мог ни читать, ни рисовать, зато впервые в Петербурге всласть выпался на отдельной кровати.



«Отец, мать и я». 1911 год.

Выйдя на свободу, Шагал стал помышлять о том, как бы ему получить ремесло, дающее право на жительство в столице. Он поступил учеником в мастерскую, где изготавливали вывески. Вскоре на петербургских рынках появились его «работы». Но Шагал понял, что не его это дело, и снова пошел в ученики в школу художницы Е. Званцевой, где преподавали в ту пору М. Добужинский и Л. Бакст. Посмотрев рисунки Шагала, Лев Самуилович Бакст произнес: «Испорчен, но не окончательно». И принял участие в новом своем ученике. Шагал помогает Баксту в работе над декорациями к балету «Нарцисс». Шагал признается ему, что хочет ехать учиться в Париж. «Он не советовал мне ехать в Париж, – будет вспоминать Шагал, – пугал, что я умру там с голоду, и предупреждал, чтобы ни в коем случае не рассчитывал на него». Учеником Бакста Шагал не стал, а может быть, он никогда не был ничьим учеником – всегда следовал собственному восприятию жизни и своей интуиции.

Итак, Петербург не пришелся по душе юному художнику – он решил уехать в Париж, заведомо зная, что возможности для этого у него практически нет, родители не одобряют этот его шаг, да и, по его собственному признанию, Париж в ту пору не очень привлекал Шагала. Для него не было тайной, что не сотни, а тысячи таких же искателей славы со всего мира уже поселились в этой Мекке мировой живописи. Но он знал и другое: таких лишений и оскорблений, как те, что он познал в Петербурге только за то, что родился евреем, в Париже он не встретит.



Автопортрет. 1909 год.

МОЙ ВТОРОЙ ВИТЕБСК

Оказавшись на перроне парижского вокзала, Шагал больше всего мечтал о каком-то чуде, которое могло бы вернуть его в Витебск. Но стоило ему несколько дней походить по залам Лувра – и печальных мыслей как не бывало. Вот что приходило ему на ум тогда: «Россия представилась мне теперь корзиной, болтающейся под воздушным шаром... Как будто русское искусство обречено тащиться на буксире у Запада...»

В Париже для Шагала началась совсем иная жизнь. Он всему, и прежде всего живописи, учится заново, делает для себя ряд интересных открытий, а главное, чувствует себя прекрасно. Он поселился в одной из мастерских, в «улье» на Монпарнасе, где нашли себе убежище многие художники-иностранцы, искатели счастья в Париже. Знакомится с поэтами Г. Аполлинером, писателем М. Жакобом, его замечают и одаривают своей дружбой художники П. Пикассо, Ф. Леже, А. Модильяни, Ж. Брак. Вспоминая это время, Шагал напишет: «Париж! Само название звучало для меня как музыка. Легче всего мне дышалось в Лувре. Меня окружали там давно ушедшие друзья. Их молитвы сливались с моими. Их картины освещали мою младенческую физиономию».

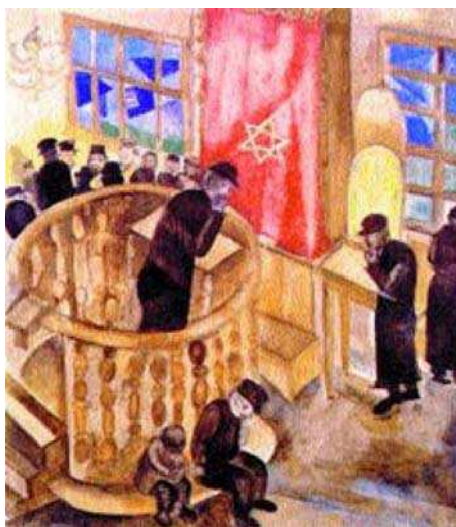
Здесь он встретил и многих знакомых по Петербургу, среди них и Л. Бакста. Увидев новые работы Шагала, Бакст сказал: «Теперь ваши краски поют». Вспомнил ли тогда Лев Самуилович, как отговаривал он Шагала от поездки в Париж?



М. Шагал. 1908 год.

Решение Шагала уехать в Париж было несомненно правильным выбором. Свидетельством тому признания самого художника о том, что, вырвавшись из гетто, только в Париже, во Франции, в Европе он стал человеком. «Я очень люблю Россию... Но разве я обязан сидеть в России? Там с малых лет я постоянно чувствовал – мне постоянно напоминали! – что я еврей».

Однако нельзя утверждать, что в Париже у него не было проблем. Чтобы заработать на жизнь, он занимался разными работами, далекими от живописи. Но он посещал училище на Монпарнасе, писал картины для очередных Салонов. На выставках он почувствовал, осознал свое отличие от традиционной французской живописи того времени. «Мне было всего двадцать лет, а я уже научился остерегаться людей...» Но Париж подарил ему и настоящих друзей: «Приходил поэт Рубинер, приходил Сандрар, его блестящие глаза дарили мне утешение». В ту пору в Париже он подружился с Аполлинером, встречался со знаменитыми художниками, творившими в Париже в начале XX века. И неожиданно для себя пришел к выводу, что ему чужды импрессионизм, кубизм и другие модные течения. «По-моему, искусство – это прежде всего состояние души... Душа свободна, у нее свой разум, своя логика». Шагал проводил много времени в Люксембургском саду, на Монпарнасе. И однажды, глядя на Париж сверху, воскликнул: «Подо мной Париж! Мой второй Витебск!..»



«Синагога». 1917 год.

Но вот началась первая мировая война. Для Шагала вновь возник вопрос: что делать дальше? Сердце его оставалось в Витебске: «Витебск – это место особое. Бедный, захолустный городишко... Это только мой город, куда я опять возвращался. И с каким волнением!»

ЗНАК СУДЬБЫ: ВСТРЕЧА С ЛЮБАВИЧСКИМ РЕБЕ

Случилось так, что вернувшись в 1914 году в Витебск, Шагал со своей женой Беллой оказался в местечке Любавич, где жил в ту пору великий Ребе Шолом-Бер Шнеерсон. К нему за советом, что делать дальше, и обратился Шагал. Вот фрагмент их беседы:

– Так ты хочешь ехать в Петроград? – спрашивает Ребе. – Думаешь, там тебе будет лучше? Что ж, я благословляю тебя, поезжай.

– Но, Ребе, мне больше хочется остаться в Витебске, – говорит Шагал. – Там живут мои родители, родители моей жены. Там...

– Ну что ж, если тебе больше нравится в Витебске, благословляю тебя, оставайся.

«Г-споди! Велика мудрость Ребе Шнеерсона!» – восклицает в своих воспоминаниях Шагал.



«Дом в деревне Лиозно». 1914 год.

Шагалу действительно хотелось остаться в Витебске: «Я бы сидел в синагоге и смотрел в окно. Просто сидел бы и смотрел. Или на скамейке у реки, или ходил бы в гости. И писал, писал бы картины, которые, может быть, поразят мир». Но жена его настояла на переезде в Петроград. В столице он работал в военной конторе, где многому научился «и даже мог сострять докладную». Был счастлив, если удавалось вечером хоть немного рисовать. Изредка даже удавалось продавать картину. Время было трудное, голодное, страшное. Повсюду лозунги, сменяющие друг друга: одни во здравие Думы, другие – за Учредительное собрание, третьи за Временное правительство. Здесь уж совсем не до живописи. И Шагал, опять-таки по совету жены, возвращается в Витебск. В 1918 году по указанию Луначарского Шагала назначают комиссаром по делам искусств Витебска. Он создает свою художественную школу. Если упомянуть восторженность, с которой художник воспринял октябрьскую революцию, то логика этого назначения станет ясной. «Все в столице, а я – в Витебске... Но вместо того, чтобы спокойно писать, я

открываю Школу Искусств и становлюсь ее директором, или, если угодно, председателем».

Жена отнеслась к этой деятельности как к очередному безумию Шагала. «К сожалению, жена всегда права! Когда я научусь ее слушаться? Не послушался и на сей раз». Получив полномочия от Луначарского, новоиспеченный комиссар по делам искусств в канун первой годовщины революции собрал всех маляров и мастеров города, повелел им закрыть свои мастерские и все работы производить по заданию руководимой им школы. В первую годовщину Октября все улицы Витебска были увешаны полотнами, на которых зеленые коровы и лошади летели по небу, мелькали странные люди, ничего общего с революцией не имеющие. Мимо этих полотен проходили рабочие и вдохновенно пели «Интернационал».



«Витебск». 1914 год.

Художественное училище, детище Шагала в Витебске, «Свободная мастерская живописи», привлекло к себе многих выдающихся художников того времени –

И. Пэна, М. Добужинского, И. Пуни, К. Малевича, Эля Лисицкого.

Но вскоре витебский комиссар оказывается в подмосковной Малаховке, где работает воспитателем в приюте для беспризорных, здесь-то и нашел его А. Эфрос, который предложил художнику работу в Еврейском камерном театре, еще только тогда находившемся на пути к ГОСЕТу. Его оформление спектакля «Вечер Шолом-Алейхема» сразу же стало заметным явлением в декораторском театральном искусстве того времени. С этого начинается дружба Шагала с Михоэлсом. Работа над спектаклем, показавшая, что они были истинными единомышленниками, оставила глубокий след в их душах, сделала их навсегда близкими людьми. Они были почти ровесниками – художник родился в 1887 году, актер – в 1890-м.

И все же советская действительность чем-то напугала, оттолкнула Шагала. Он уехал из России в 1922 году – сначала в Каунас, оттуда в Берлин, а в 1923 году во Францию. Незадолго до этого он в отчаянии восклицал: «Уеду куда угодно: в Голландию, на юг Италии, в Прованс, и скажу, разрывая на себе одежды – родные мои! Вы же видели,

я к вам вернулся. Но мне здесь плохо. Единственное мое желание – работать, писать картины. Ни царской, ни советской России я не нужен».

На последней странице его блистательной исповеди «Моя жизнь» написано: «Теперь, во времена РСФСР, я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включают ток? И не оправдываются ли мои предчувствия: мы ведь в полном смысле слова висим в воздухе, всем нам не хватает опоры? Последние пять лет жгут мою душу» (Москва, 1922 год).



Марк Шагал и Александр Ром в Париже. 1911 год.

Уже спустя годы, в Париже, он напишет: «Здесь, в Лувре, перед полотнами Мане, Милле и других, я понял, почему никак не мог вписаться в русское искусство. Почему моим соотечественникам остался чужд мой язык. Почему мне не верили. Почему отторгали меня художественные круги. Почему в России я всегда был пятым колесом в телеге... Почему, все, что делаю я, русским кажется странным, а мне кажется надуманным все, что делают они. Так почему же?

Не могу больше об этом говорить. Я слишком люблю Россию...»

Россией на протяжении всей жизни для него оставалось местечко Лиозно под Витебском, где он родился, и сам Витебск, где прошли его детство и юность, где вместе со своими братьями и сестрами (в семье было девять детей) он познал еврейские обычаи, хасидские истории и легенды. Без них не было бы таких полотен Шагала, как «Над городом», «Прогулка», «Скрипач на крыше».



М. Шагалв Париже. 1911 год. Ш

ЖИВОПИСЬ И ПОЭЗИЯ

Через год в парижской галерее Барбазанж состоялась персональная выставка работ Шагала. Его связи с Россией остаются живыми, он создает офорты к «Мертвым душам» Гоголя и в 1927 году передает их в дар Третьяковской галерее. К нему пришло мировое признание. Выставки его работ проходят в лучших галереях мира. В письме к своему брату Э. Фальку (октябрь 1932 года) художник Роберт Фальк пишет: «Ты спрашиваешь о Шагале и Альтмане. Первый устроен замечательно... Он имел годовые контракты... Владеет большой виллой и является собственником богатой квартиры». Но в этом же письме есть настораживающие слова о Шагале: «Пишет он сейчас несравненно хуже, чем прежде». Мне же всегда казалось, что лучшие свои полотна, возвысившие Шагала до гениального художника XX века, он создал в Витебске с 1914 по 1918 год. Успех в Париже Фальк объясняет тем, что именно ему, Шагалу, выпало первому ввести экзотику еврейских местечек России в художественные круги Парижа и тем самым завоевать художественный рынок этого города. Присматриваясь к его ранним картинам, удивляешься, как уловил юный художник, что живопись не соотносится с реальностью в общепринятом смысле слова. И вовсе не удивительно, что в течение всей жизни Шагал писал стихи, которые являются продолжением его полотен, а может быть, наоборот:

Âî ì íá ðáñò óó çáéáí úá ñááú,

Í àõí òéáí í úá, ñéí ðáí úá çááí ðú,

È í áðáóééè òýí óòíý éðéáíá..

Задолго до Шагала другой художник, гений средневековья Леонардо да Винчи заметил: «Живопись – это поэзия, которую мы видим. А поэзия – это живопись, которую слышим». Стихи Шагала неотделимы от его живописи и – наоборот.



«Большое колесо». Париж, 1911 год.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ ЛАНДЫШИ ШАГАЛА

А теперь о моей встрече с великим художником. Этому, быть может, самому знаменательному в моей жизни событию, я обязан А.П. Потоцкой, вдове Михоэлса.

Ранним утром 9 июня 1973 года, это был день моего рождения, Анастасия Павловна позвонила мне, поздравила и сказала, что какие бы подарки ни сулил мне сегодняшний день, все блекнут перед тем, что преподнесет мне она: «В 16 часов я еду в гостиницу “Россия” к Марку Захаровичу, моим кавалером на сегодня будете вы. Я предупредила его об этом. Заезжайте за мной не позднее 15 часов».

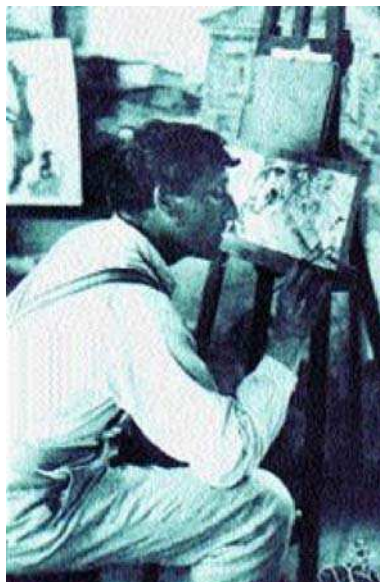
Я знал, что в Москве, в Третьяковской галерее, открылась выставка литографий Шагала, хотел побывать на этой выставке, но мысль о том, что могу встретиться с великим мастером, даже не приходила мне в голову.

Ровно в 16 часов мы с Анастасией Павловной были уже в номере гостиницы, где остановился Шагал. Никогда не забуду его изумительной красоты лицо, которую не могла затмить глубокая старость (ему тогда уже было за 85). Седая голова, лоб, изборожденный частыми морщинами, расположенными глубокими кривыми линиями, повторяющими очень выразительный рисунок темных густых бровей. Пожалуй, больше всего поражали глаза, очень грустные и внимательные, в какой-то момент показавшиеся мне даже отрешенными. Но это, наверное, от усталости, а не от возраста – слишком много людей хотели повидать Шагала и со многими хотел повидаться он.



М. Шагал с учителями художественной школы Витебска. 1919 год.

Войдя в комнату с Анастасией Павловной, я не сумел скрыть ни своей растерянности, ни своего восторга. Марк Захарович заговорил с гостьей по-французски, не предполагая, видимо, что спутник графини Потоцкой может не знать этого языка. Но она тут же предложила перейти на русский «Во-первых, мой кавалер не учился французскому языку в гимназии моей мамы, во-вторых, – она обвела глазами стены, – те, кто захочет узнать, о чем мы здесь говорим, поймут нас на любом языке». Марк Захарович улыбнулся своей замечательной детской улыбкой. Мне показалось, что с Анастасией Павловной он видится в тот день впервые. Вероятно, желая уточнить ее возраст, он с юмором сказал: «Когда я расстался с Соломоном Михайловичем, вас, Анастасия Павловна, по-видимому, еще не было на свете». И вновь добрая, непосредственная, детская улыбка появилась на лице Шагала, когда он узнал, что Анастасии Павловне уже тогда было больше десяти лет и она была наслышана о гениальном художнике из Витебска, работающем в Еврейском театре. Разумеется, все это была игра взрослых людей, которых мгновенно сблизила общая любовь к Соломону Михоэлсу. Шаггал рассказывал о своих встречах с Михоэлсом в 1928 или 1929 году в Париже. Незаметно перешел снова на французский, обращаясь за «свидетельскими показаниями» к своим спутницам, сопровождающим его в поездке. Потом достал фотографии, на которых он был запечатлен с Михоэлсом в 1943 году во время их встречи в США, вспоминал детали бесед, обещал когда-нибудь написать о них.



М. Шаггал пишет эскиз для Еврейского театра. 1919 год.

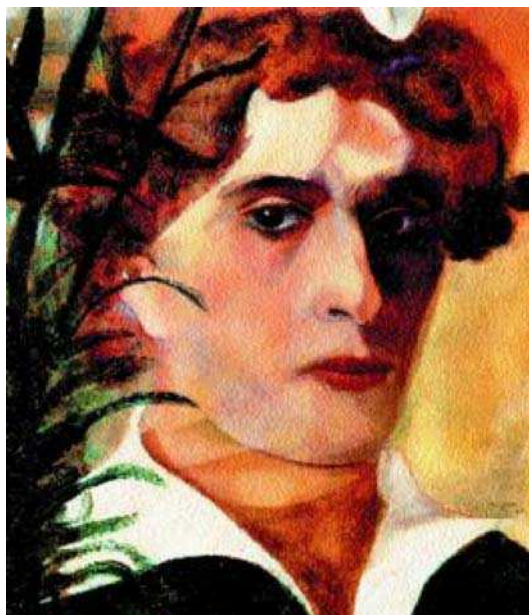
Анастасия Павловна подарила Шаггалу сборник «Михоэлс (Статьи, речи, воспоминания)» в замечательном оформлении художника Тышлера. Поблагодарив за подаренные фотографии, она пообещала, если ей удастся переиздать книгу о Михоэлсе, непременно их опубликовать.

В свою очередь, Анастасия Павловна подарила Шаггалу много хранившихся у нее фотографий. Рассматривая одну из них, Марк Захарович вдруг разрыдался, да так громко, что все в комнате растерялись. Он рыдал, причитал, всхлипывал, как ребенок, потерявший что-то самое дорогое и невозвратное: «Белочка, Белочка!» Какие-то секунды или минуты прошли буквально в гробовом молчании, которое нарушила Анастасия Павловна. Улыбнувшись, она прочла знаменитые ахматовские стихи: «Здесь не Темник, не Шуя»:

Áĩōĩä i äðēĩä è çäë.

Í î òááŷ ĩ ĩ èøóŷ,

Êäë ñĩé Äè òááĩē - Øääē.



Автопортрет. 1914 год.

Эти строки Ахматовой, которую Шагал любил бесконечно, как-то его успокоили. Он сказал, что в Витебск больше никогда не поедет – город этот навсегда остался в его сердце и на его полотнах.

Анастасия Павловна попрощалась с Шагалом, вскоре мы уже были на пути домой. Я спросил Анастасию Павловну, почему так плакал Шагал. Она показала мне фотографию – такую же получил в подарок от нее Шагал, на которой рядом с Михоэлсом, положив руку на его плечо, была незнакомая мне женщина. «Это Белла Шагал. Помните, мы с вами у коллекционера Костаки видели картину “Ландыши”? Ее Шагал написал в 1916 году, когда Белла родила ему дочь. Марк посетил жену в роддоме. На столе рядом с кроватью стоял букет ландышей. Белла ласково поглядывала то на дочь, ее назвали Идой, то на мужа, то на цветы. Глаза ее были наполнены слезами радости и счастья. «Как жаль, что красота эта такая хрупкая и мгновенная», – сказала Белла, имея в виду красоту цветов. «Дай Б-г, чтобы наша Идочка прожила столько, сколько просуществует эта красота», – ответил Марк и на следующий день принес Белле картину “Ландыши”. После отъезда Шагала из России картина эта побывала у разных коллекционеров... В настоящее время она находится в Третьяковской галерее».



М. Шагал со своими учениками в колонии для сирот в Малаховке. 1920 год.

Давно уже нет Беллы, она умерла в Нью-Йорке в 1944 году. В 1995 году умерла Ида Шагал. А картина «Ландыши» продолжает жить. «Теперь вы поняли, почему так рыдал Марк Захарович? – спросила меня Анастасия Павловна. – Напишите когда-нибудь об этом. Даже если это легенда или семейное предание, все равно – напишите!»

Я читал, что после смерти Беллы Шагал долго не мог рисовать. Он перечитывал записки Беллы, ее стихи, и только после того, как ему сообщили, что картина «Ландыши» «жива» и находится в России, он вернулся к активной деятельности. Издал книгу, посвященную памяти Беллы, снова стал рисовать.

Книга Шагала «Моя жизнь» вышла в России совсем недавно. Отрывки из нее печатались в конце 80-х в журнале «Театр». Из этой замечательной, воистину исповедальной книги мы узнали, что еще в юности Шагал «...Имел успех у женщин. Но не умел им воспользоваться». Каждая новая любовь казалась ему единственной и последней. Ему шел 22-й год, когда он, увлекшись дочерью витебского врача Теей, решил, что «якорь брошен». Но, как нередко это случается, «в один прекрасный день» к Тее пришла ее подруга. «Эта некстати явившаяся подруга, ее мелодичный, как будто из другого мира голос отчего-то волнует меня. Кто она? Право, мне страшно... С ней, не с Теей, а с ней должен я быть – вдруг озаряет меня! Она молчит, я тоже. Она смотрит – о, ее глаза! Я тоже. Как будто мы давным-давно знакомы и она знает обо мне все... Я видел ее в первый раз. И я понял: это моя жена».



Марк и Белла Шагал с дочерью Идой в их парижской квартире. 1924 год.

Марк Шагал и Белла Розенфельд поженились через семь лет после их первой встречи в 1909 году.

Недавно, перечитывая свои записи бесед с Анастасией Павловной Потоцкой, материалы о Шагале и Михоэлсе, я встретил стихи поэта М. Цетлина:

...В аадр -

Аі іаі іаеааò İ èöŷëñè Øääë

Â õŷëŷäí îî äŷçäóä ñòðäí ú ì íáé,

Í á í ó æ í î

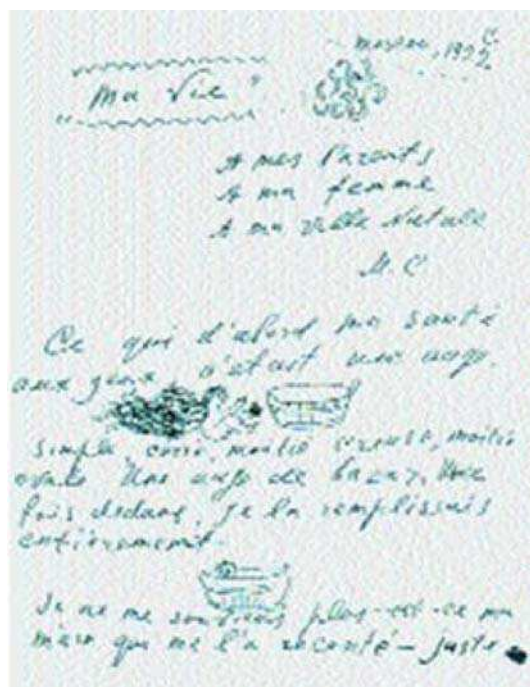
Æäñòŷëŷé, í î èðáèì íé äŷ èŷíòä



«Бабушка». Иллюстрация к автобиографии М. Шагала «Моя жизнь». Москва, 1922 год.

Михоэлс, как известно, погиб, убит в Минске в январе 1948 года. Марк Шагал прислал тогда в Москву телеграмму: «Еврейскому театру выражаю свои чувства скорби и боли по поводу постигшего Н А С несчастья – смерти нашего дорогого друга Михоэлса. Он был самой блестящей фигурой в нашем еврейском искусстве. Преданный Вам Марк Шагал»

В советской прессе, уделившей много внимания смерти и похоронам Михоэлса, для этой телеграммы, стоящей всех некрологов, вместе взятых, увы, не нашлось места.



Ч Первая страница рукописи автобиографии М. Шагала «Моя жизнь». Москва.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

Есть в великой книге «Экклезиаст» мысль о том, что все, что суждено, приходит ровно в срок.

После отъезда из России в Витебске Шагал так и не побывал. В его сердце, в его разуме возникла новая любовь – Иерусалим. Он много раз бывал в Израиле, в конце 60-х годов создал там множество мозаичных и гобеленовых работ во многих залах Иерусалима, являющихся символами Государства Израиль. В израильском кнессете есть зал, оформленный Шагалом.



Эскиз костюма для Еврейского театра. 1919 год.

Как уже сообщалось выше, Шагал посетил Москву в связи с организованной в июне 1973 года в Третьяковской галерее выставкой его литографий. Большую часть времени художник провел в залах Третьяковки и долго не мог отойти от работ Андрея Рублева. Говорят, что в зале Рублева он произнес фразу: «Я бы остался здесь жить навсегда». Многие полагали, что во время этой поездки он обязательно побывает в Витебске. Во время нашей с Анастасией Павловной Потоцкой встречи с художником в гостинице «Россия» вдова Михоэlsa обратилась к нему с просьбой: «Марк Захарович, если вы поедете в Витебск, возьмите меня с собой». – «Моего Витебска уже нет на земле, – ответил Шагал. – Его полностью уничтожил Гитлер. По приказу Геббельса мои картины сжигали в Мангейме, уничтожали их в других городах Германии. Но, к счастью, сожгли не все. Мой Витебск остался на моих полотнах, в моем сердце».



Иллюстрация к «Мертвым душам». 1927 год.

К столетию художника в 1987 году произошло настоящее воскресение Шагала в России – большая выставка его работ была представлена в залах Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина.

Свершилось чудо, которое Шагал предощущал всю жизнь.



Марк Шагал и Соломон Михоэлс. 1927 год.



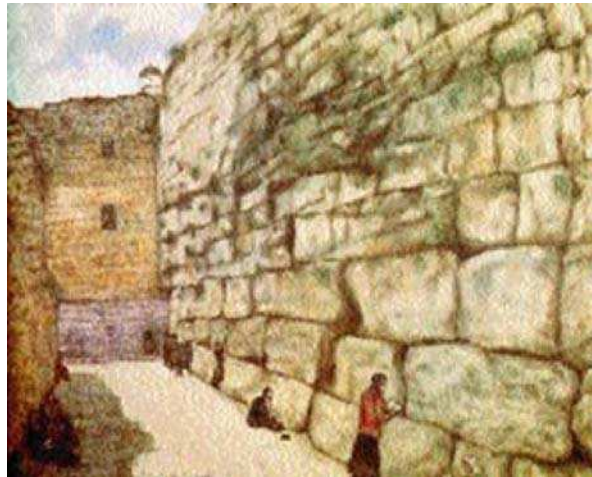
Ч Марк Шагал за работой, 1933 год.



Марк и Белла, 1934 год.



Марк Шагал в Москве. 1973 год.



«Стена Плача». 1932 год.



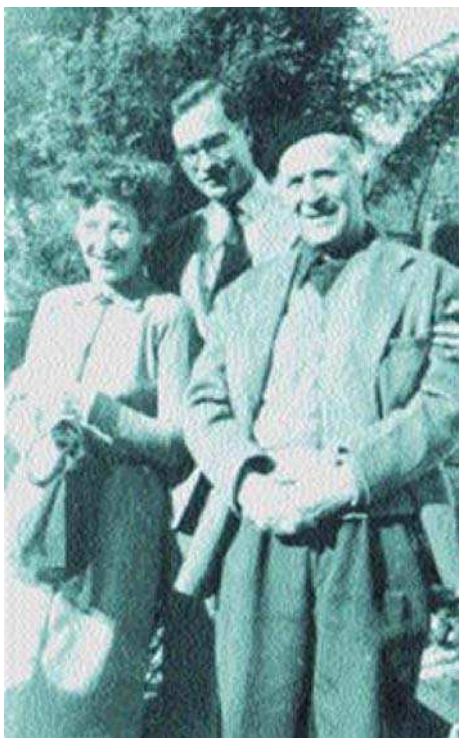
«Революция». 1937 год. Ш



Марк Шагал пишет портрет дочери Иды. 1945 год.



«Ландыши». 1916 год.



Ч. М. Шагал с дочерью Идой и ее мужем Францем Меером. 1952 год.



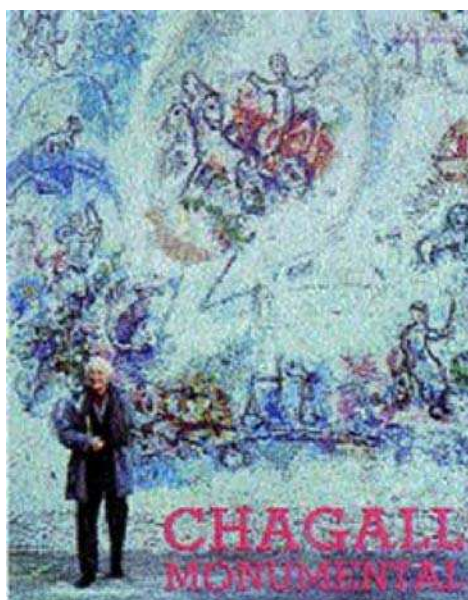
П. Пикассо и М. Шагал работают над керамикой в Мадуре Вало́рис, (Франция). 1952 год.



М.Шагал со второй женой, Валентиной Бродской. 1962 год.



Президент З. Шазар, М. Шагал , премьер- министр Голда Меир на презентации «зала Шагала» в израильском кнессете. 1969 год. Ш



Марк Шагал ,1971 год.



Фрагмент мозаики «Четыре времени года». 1974 год. Ш



М. Шагал перед мозаикой в своем доме на Сант-Поль-де-Венс. 1975 год.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ЗДОРОВО ПОВЕЗЛО

Аידען אױען יא

Речь пойдет о Борисе Михайловиче Волине. За семьдесят лет, прожитых им на белом свете, он не однажды попадал в ситуации, которые у других, но не у него, добром не кончались. Трудно сказать, было ли это результатом простого везения, благоприятного для него расположения звезд, – не берусь судить. Вероятнее всего, было это следствие умения Бориса Михайловича разбираться в обстановке, понимать суть происходящих событий, чувствовать откуда и куда дует ветер, была у него интуиция, позволявшая ему вовремя «перестроиться». Так, например, в начале 20-х годов в своей книжке «12 биографий» он писал о Троцком, что «благодаря его гениальному руководству, Красная Армия разгромила белогвардейцев и вышвырнула из страны интервентов», а уже в 1925 году круто изменил свою точку зрения и на деятельность Троцкого смотрел уже другими глазами. Мне запомнилось торжественное собрание в Большом театре, посвященное двадцатилетию революции 1905 года. Мы оказались с Борисом Михайловичем в одной ложе. С докладом о событиях 1905 года выступал Троцкий, выступал, как всегда, образно, эффектно. Закончив речь, он уходил со сцены под аплодисменты зала. И тогда Волин очень громко произнес:

– Приветствуют уход Троцкого. И правильно делают.

Можно предположить, что такая «перестройка» во взглядах Бориса Волина, известного партийного публициста, большевика с 1904 года, была по вкусу товарищу Сталину.



В своем вышедшем огромным тиражом учебнике «Политграмота» Волин уже с абсолютной уверенностью сообщает, что подлинным организатором Красной Армии

является товарищ Сталин, под руководством которого Советская Россия отстояла свою свободу и независимость. Из этого учебника мы узнаем, что «Сталин – общепризнанный вождь нашей большевистской партии... Сталин – самый близкий, самый лучший ученик Ленина, наиболее опытный пролетарский революционер, лучший теоретик нашей партии. Сталин усвоил глубочайшие основы учения Маркса-Ленина и развил его дальше. Сталина любят, Сталиным гордятся, к Сталину прислушиваются весь международный пролетариат и угнетенные массы мира».

Разумеется, не один Волин восхвалял Сталина, великого и мудрого «Вождя и Учителя», продолжателя дела Ленина и т. п. Должны были об этом писать поневоле многие старые большевики, в том числе и раскаявшиеся оппозиционеры. Но это редко кого из них спасало от ареста, ссылки, расстрела. Волина же никакие беды не коснулись, ему выпал счастливый жребий. Правда, в страшном тридцать седьмом году у него, как и у многих других видных деятелей партии, была заготовлена сумка с теплыми вещами на случай прихода незваных ночных гостей...

... Впервые я увидел Бориса Волина в 1920 году в Харькове на многолюдном митинге в цирке «Миссури». Он был тогда председателем харьковского губревкома. Его яркая, сильная речь, призывавшая к борьбе с врагами, защите Советской Республики, поразила меня. Я встречал его и в последующие годы в Москве, где он стал личностью, весьма известной и популярной. В нем сочетались прекрасный литератор-публицист, деловой и компетентный редактор, энергичный администратор.

Мое личное знакомство с Волиным состоялось в редакции «Известий», когда он пришел туда в качестве заместителя нового редактора И.И. Скворцова-Степанова. Не раз Борис Михайлович принимал и подписывал к печати мои рисунки, но более близких отношений у меня с ним не было до тех пор, пока...

Как-то мы с женой были в театре, и в антракте я увидел Волина с супругой. К моему удивлению, Борис Михайлович поздоровался с моей женой и с какой-то шутливой интонацией спросил ее:

- Как поживает твоя мама?
- Спасибо, – сухо ответила она. – Здорова.

На этом их разговор окончился, супруги Волины отошли, и я, заинтригованный, заметил:

- Ты, оказывается, знакома с Борисом Волиным?

– Да. Знакома, – подтвердила жена. – Это мой родной брат, – и сердито повторила: – Как поживает твоя мама?! Какая свинья! Еще спрашивает... Сам он месяцами не удосуживается заехать ее проведать!

Возможно, Борис Михайлович действительно был не слишком внимательным сыном, но братом он показал себя достаточно заботливым. Ленин знал Волина, о чем между прочим, свидетельствует известная фотография, на которой они стоят рядом вместе со Свердловым. По ходатайству брата его сестра устроилась на работу в секретариат Совнаркома одним из технических секретарей, и неоднократно ей доводилось печатать на машинке под диктовку Владимира Ильича. Сам Волин в это время был направлен на Украину, где занимал преимущественно руководящие посты, был председателем

губисполкомов в нескольких городах. Вернувшись в Москву в 1921 году, он занялся партийно-публицистической деятельностью, в частности редактировал столичную газету «Рабочая Москва», журнал «На посту». Это дало мне повод изобразить его в дружеском шарже в виде часового, стоящего «на посту» с игрушечным ружьем на плече. Шарж не только позабавил, но и несколько озадачил Волина:

– Что это вы нарисовали меня каким-то толстым буржуем?

В 1924 году Волина направляют на дипломатическую работу. Он был назначен секретарем советского полпредства (посольства) в Париже. И тут тоже дала о себе знать братская забота: моя будущая жена поехала в Париж для работы в советском торгпредстве. Во Франции Борис Михайлович пробыл недолго. Будучи человеком темпераментным, обладая боевым характером, он выступает с яркой пропагандистской речью на рабочем митинге, организованном французской коммунистической партией, что никак не совмещалось с его дипломатическим статусом. Разразился крупный скандал, Волин был объявлен «персоной нон грата», вынужден был расстаться с Парижем.

В Москве Волин занимает ряд ответственных постов. Выше упоминался его приход в «Известия» в качестве заместителя главного редактора. И снова работа за рубежом: заведующим отделением ТАСС в Вене. Четыре года он работает заведующим отделом печати Наркоминдела. Несколько лет – начальником Главлита. На этом посту Волин проявляет строгую партийную бдительность, вплоть до того, что не дает разрешения на выпуск в свет романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», о котором он отозвался как «о похождениях жулика в стране дураков». С точки зрения главного партийно-литературного цензора он правильно уловил смысл романа – беспощадной и острой сатиры на советский быт и нравы, на всю советскую систему. Тем не менее роман со многими купюрами вышел в свет и, кстати сказать, по сей день – это талантливейшее произведение нашей сатиры, а его герой Остап Бендер стал нарицательной фигурой наряду с такими классическими персонажами, как Хлестаков или Чичиков.

После Главлита Борис Михайлович занимал пост первого заместителя народного комиссара просвещения РСФСР. И здесь сказывается его крутой нрав, он требует, чтобы его подпись на официальных бумагах – первый заместитель – обозначалась обязательно римской цифрой, в связи с чем за ним прочно укрепилось прозвище «Первый Римский».

Не изменило везение Волину и в 1937 году. Тогда была арестована вся коллегия Наркомпроса, включая наркома Андрея Бубнова. Избежали ареста только вдова Ленина Надежда Константиновна Крупская и Борис Волин.

Счастливая звезда Бориса Михайловича сыграла свою роль и в суровых событиях Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года он был направлен на фронт с чтением лекций. В районе города Дорогобужа воинская часть, в которой он находился, попала в окружение. Город был занят немецкими войсками, и Волину, советскому пропагандисту и видному члену партии, да еще еврею, грозила верная смерть. Но Борис Михайлович, обладавший незаурядным самообладанием и находчивостью, выдал себя за профессора МГУ Новицкого, проводившего отпуск в деревне под Дорогобужем. Этой легенде соответствовал его пожилой возраст и отращенная седая борода. Свой партийный билет он где-то закопал. Немцы не тронули профессора, а он быстро наладил связь с местными партизанами и организовал подпольную партгруппу. Военные действия на этом участке фронта продолжались, наши войска на короткое время освободили Дорогобуж, и Волин получил возможность вернуться в Москву, к счастью до того, как в Дорогобуже

появились гестаповцы, которые, несомненно, быстро разоблачили бы мнимого «профессора Новицкого» и его связь с партизанами. Борису Михайловичу повезло не только в этом. Дело в том, что люди, вернувшиеся из окружения или плена, неизменно вызывали к себе подозрение и зачастую отправлялись за колючую проволоку. Волин избежал подобной участи, получил новый партбилет и даже почетную награду – Партизанскую медаль 1-й степени.

После войны Борис Михайлович посвятил себя партийно-исторической работе, стал научным сотрудником Института Маркса-Энгельса-Ленина. В эти годы мы с женой часто бывали у Волиных в их огромной квартире в известном престижном Доме на набережной, любовались собранной Борисом Михайловичем богатой библиотекой редких книг. Помню, какой радостью было для него рождение внучки Катеньки, которую он обожал. Я как-то присутствовал при забавной сцене, когда Борис Михайлович с умилением протягивал крохотную девочку ее деду со стороны отца художнику Василию Яковлеву:

– Василий Николаевич! Хотите поддержать на руках эту прелесть?

А Яковлев с испугом отмахивался:

– Нет, нет. Ради Б-га, Борис Михайлович, не надо! Я их боюсь...

Волин смотрел на Яковлева с искренним недоумением. Подобное прохладное отношение деда к внучке было для него, видимо, чем-то противоестественным. Он был настоящий, искренний, любящий семьянин. И можно себе представить, каким ударом была для него неожиданная кончина Дины Давыдовны, его жены. Он недолго прожил после нее.



Мне кажется, что очерк о Борисе Волине будет неполным, если не рассказать о семье, в которой он родился и вырос. То была многодетная семья скромного служащего Михаила Фрадкина, счетовода на мельнице в Екатеринославе. В семье было шестеро

детей, три брата и столько же сестер. Самым старшим был Борис. Следующая сестра, Ася, была в большой дружбе со старшим братом, который вовлек ее в революционное движение. Во время гражданской войны она стала членом большевистской партии и погибла в дни известного григорьевского мятежа. Младший брат Аси, Александр, в годы гражданской войны военный летчик, впоследствии работал в коллективе А. Н. Туполева, затем в органах военной разведки, а в 1937 году был арестован и расстрелян. На два года моложе Александра – моя будущая жена Раиса. Наконец, брат Герман, как и его братья, правоверный коммунист, работал в НКВД, но после ареста брата был немедленно оттуда изгнан. В первые дни войны вступил в народное ополчение, участвовал в боях под Москвой. Естественно, бдительные органы обнаружили, что у него брат – «враг народа», уволили его из армии, чем, по сути дела, спасли ему жизнь, поскольку ополчение почти целиком полегло в первые же месяцы войны. В послевоенное время он увлекся кинематографией, написал несколько сценариев для документального кино – «Рукописи Ленина», «Плюс электрификация» и др. Был отмечен Государственной премией СССР и другими наградами. Самая младшая в семье – Софья, жизнь которой сложилась тоже достаточно сложно. Тут и два неудачных брака, и работа в «органах», откуда ее изгнали после того, как ее второй муж, следователь НКВД, покончил с собой, когда пришли его арестовать, выбросился с балкона восьмого этажа на глазах у жены. Об этом я писал ранее (см. «Лехаим», №4 за 2000 год, с. 48).

Как сам Борис Волин, так и его братья и сестры, принадлежали к поколению, искренне верившему в идеалы коммунизма, в «заветы Ленина», в принципы советского строя и потом тяжело переживали жестокости сталинского террора.

... Сложной, богатой событиями и радостными, и суровыми испытаниями была жизнь Бориса Михайловича Волина. Как и многие другие, он был человеком своего времени.

«...ЗА ГРАФУ – ЗА ПЯТУЮ»

Еврейская тема в творчестве Владимира Высоцкого

ÀèèòíðĪīīā

Ó Ī ĀÑ āāāī ī īīōēēāīī ī āā -

Ā Ñò ðāī ā ÷ āāīī - īīāòēēāē...

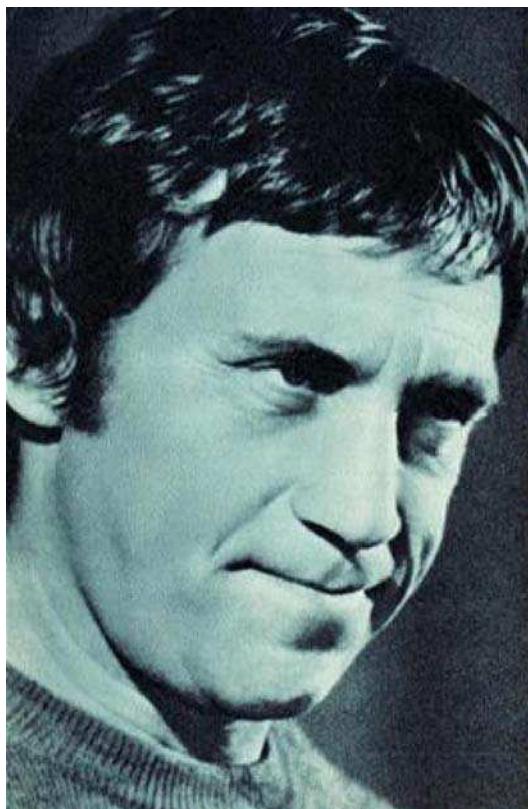
Ā. Āūīōēēē

Ī óūĀĒĀÑÒBÛÈĒ Ī ĀØ - īī āō

ē çāīāēā,

Āīò ē āāīī ŷ āīīō āēāīī ūō āāīī āī...

Ā. Āūīōēēē



В публикациях о Высоцком уже много раз говорилось о бесконечном разнообразии тематики в его песнях. Но, кажется, никто еще не обратил наше внимание на то, что была в его поэтико-музыкальном творчестве тема еврейская. Как-то не принято было в нашем литературоведении, в филологии советской рассуждать об этом скользком

предмете. Тема эта, быть может, не магистральная, не дежурная, но так или иначе она присутствует, видимо, в творчестве почти каждого русского поэта, писателя.

Хотя оговорюсь. А разве сегодня не существуют возникшие из-за непомерных амбиций многих наших бездарных политиков «темы» – грузинская, чеченская, ингушская, казахская, украинская, белорусская, да русская, в конце концов? Какие-то из них давно, другие объявились совсем недавно...

Обращение поэтов и писателей к еврейской теме вполне естественно. Любой серьезный поэт, который «отражает СВОЕ время», считает себя не вправе пройти мимо этой довольно щекотливой и часто болезненной для общества темы, проблемы которой, похоже, существовали во все времена и во всех государствах.

Саша Черный в 1909 году написал «проблемное» стихотворение, «Еврейский вопрос», где сразу в первой же строке заостряет эту проблему: «Не один, а четыре еврейских вопроса!..», а потом, как вывод, пишет

Äëý äññ, èòí íññò èì ý :äéíäéä,

Äíí ðññ äññáí îò äññä è íà äññ -

Í àò èóüüý, òéííà, í äññà, äññä,

Äññü òíéüéí :äéíäéä

Есть у Иосифа Уткина стихотворная «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блохе», которую Маяковский назвал шедевром. Осип Мандельштам, Михаил Светлов, Самуил Маршак, Борис Слуцкий, Михаил Матусовский... (список этот бесконечен) так или иначе освещали еврейскую тему в своем творчестве. Даже узбекский поэт Гафур Гулям написал в 1943 году поэму под «вызывающим» заглавием: «Я – еврей». В этом же длинном ряду стоят поэма в песнях Александра Галича «Кадиш», трагическое стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр». ...Ну а стихи еврейских поэтов переводили на русский многие (назовем их по-старому) советские поэты: Анна Ахматова, Елена Благинина, Евгений Евтушенко, Борис Пастернак, Давид Самойлов и др.

И в музыкальном искусстве, и в кино также постоянно присутствует тема страданий еврейского народа.

Во времена Брежнева ходил анекдот, возникший из жизни.

– Леонид Ильич, мы открыли в Москве Камерный еврейский театр.

– Да? А на сколько камер?

Действительно, в 1970-е в Москве был создан Камерный еврейский музыкальный театр, вскоре прекративший свое существование.

Тема страданий еврейского народа многократно отражена в камерных и симфонических произведениях Дмитрия Шостаковича, которые, увы, не звучали на советской сцене. На два десятка лет был «положен на полку», т.е. отправлен в своеобразный ГУЛАГ для произведений киноискусства, замечательный фильм режиссера

Александра Аскольдова «Комиссар» (1967 год, в главных ролях Нонна Мордюкова и Ролан Быков). Советский фильм о гражданской войне, о природе зла, фильм, где блюстители чистоты коммунистической идеологии, коммунистической морали увидели антисоветские настроения. Именно в конце 60-х – начале 70-х, в связи с массовым выездом евреев из СССР, еврейская тема стала крайне нежелательна в советском искусстве и в советской прессе.

О другой войне в Европе, о массовом насилии и о страдальческой судьбе евреев жестоко и жестко рассказал выдающийся фильм американского режиссера Стивена Спилберга «Список Шиндлера», который вышел на российские экраны в 1994 году.

Настоящие художники – писатели, поэты – всегда прозорливее правителей, ангажированных ими политиков, а также их защищающих, оправдывающих и подпирающих идеологов, философов.

Евреи – страдательная фигура в контексте и российской, и мировой истории человечества. Судьба евреев – весьма существенная во все времена и болезненная часть жизни цивилизованного, казалось бы, общества. В жизни еврейского народа больше серых, черных будней, чем светлых, радужных праздников. Далеко не счастливого, но плодovitого на таланты во всех сферах человеческой деятельности – в науках, искусствах – народа, стремящегося умом, трудолюбием из бедных, обижаемых «выбиться в люди». Тут и вековая печаль, некая национальная ущемленность без вины виноватых – вечно гонимого еврейского народа.

Так существует ли еврейская тема, еврейский вопрос в России? Безусловно. А в чем тут проблема? Вспомним крылатое выражение из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова: «У нас евреи – есть, а вопроса – нет». Умолчание – удобная позиция.

Ну кто же санкционирует в насквозь процenzурованном государстве такие вот убийственно разящие строчки:

Ἰῆϋοῦ σῖεῖται ἡ οὐδὴ ἦεῖ

Ἐὸ ἀδῆϊ ἰδῖαι ἀεὸ ἡ

Ἀαὸ ἀδῆε εἰς Δῖνῆε.

Ἄ δῖνῆεῖ - εἰ εὐαῖ ἀαεὸ ἡ?

Молва приписывает авторство Геннадию Шпаликову, человеку трагической судьбы. Тут только в четырех строках, не только еврейская, но и русская тема поднята! Конечно, можно это и не печатать. Но ведь проблемы-то существуют, и от них невозможно отмахнуться запретами и умолчаниями.

Я не говорю об эмиграции в эпоху перелома 20-х годов в нашей стране. И не только евреев. Там это, видимо, можно объяснить. Но за все 70 лет советской власти сколько же покинуло нашу страну людей творчества – музыкантов, скульпторов, художников, писателей! Почему? Да потому что им не давали говорить честно, так, как им велела их гражданская совесть, совесть патриотов-художников. Все эти переезды за границу я расцениваю именно как политический протест, когда ничего другого Художнику не остается, как покинуть Родину, где творить свободно не дадут.

Антисемитизм в России существовал и на государственном уровне, и на уровне бытовом: с дискриминацией гласной и негласной, с вынужденными переменаами фамилий, с вынужденными выездами евреев из страны... На бытовом уровне – это погромы, избияния, поджоги, в крайнем выражении – убийства. С антисемитизмом в России вроде бы боролись, но только формально, декларативно. На деле он существовал на уровне непровозглашенной государственной политики в виде негласных запретов на возможность занимать некоторые должности, поступать в какие-то вузы, были указания не брать на некоторые работы, в так называемые «почтовые ящики» и т.д. Случались еврейские погромы, формально не санкционированные, конечно же, властями, но при их молчаливом одобрении и согласии.

Гонения на евреев в России были и в самом начале XX века, и в середине, и на его исходе.

Во время второй мировой войны немцы повсеместно в Европе разбудили антисемитизм, провоцировали и поощряли его, мотивируя тем, что евреи, якобы, стремились к мировому господству (?!). После войны, в 1948 году, Госбезопасность уничтожила в Минске Соломона Михоэlsa, инсценировав автомобильную аварию. В 1953 году возникло знаменитое дело врачей.

Проблемы еврейского вопроса во многом происходят от предрассудков в обществе, нередко на религиозной почве.

К слову, о перемене евреями фамилий. Этот процесс начался в благословенной России уже давно. Еще соратники Ленина это практиковали. В самом начале XX века мало кому известный Лейб Бронштейн превратил себя в Льва Троцкого и под этим именем приобрел всемирную известность. И Яков Михайлович Свердлов был сначала Янкелем Мовшевичем.

В свете всех этих рассуждений весьма симптоматичным является следующий факт, раскрытый журналистами недавно. История повторилась уже в самом конце века.

В 1998 году не один месяц вся страна и весь мир следили за тем, как российский президент упорно сквозь Госдуму проталкивал Сергея Кириенко в кресло премьер-министра страны. И добился своего. Зато оппоненты докопались до того, что Кириенко – не Кириенко вовсе, а Израитель по отцу, чью очень выразительную фамилию он поменял когда-то на фамилию матери, более благозвучную, не вызывающую отрицательных эмоций. Значит, ЕСТЬ вопрос? Значит, БЫЛИ к тому веские основания? Может, и нет государственного антисемитизма сейчас у нас в стране, но, видимо, евреи могут в любой момент оказаться (при очередной заварушке) козлами отпущения. И это осознается правителями даже на самом высшем уровне. Надо отдать должное Борису Николаевичу Ельцину в этой ситуации: он наверняка знал о таком факте в биографии недолго оставшегося премьер-министром Кириенко.

В настоящее время в стране издается более 150 антисемитских изданий. Среди них оказались и московские журналы «Наш современник», «Молодая гвардия»... В Германии сегодня невозможно, говорят, напечатать что-либо антисемитское, фашистское – за этим следит государственная машина. Чего требуют сегодняшние антисемиты, «патриоты»? Ни много, ни мало: «Покончить с еврейской оккупацией России!»

Вспомните известные дебаты в Российской Госдуме в октябре–ноябре 1998 года, когда некоторые депутаты от коммунистов и либерально-демократической партии России выступили с откровенно антисемитскими призывами. Видимо, все эти издержки нынешней российской демократии, больше похожей на анархию.

Короче говоря, весь XX век снискал себе сомнительную славу зловещего антисемитского века.

Êîããà í àøè óñò îè óðí àññèá
Ðàçì àèà ðàáíéþèý á í ðàõ, -
Àèèè à Ðèì á ááðàè Áúñóèèá
Í àèçàññò í úá á áúñøèð èðúãã

Â. Áúñóèèé

... òí ò ù ááðàé, í î - òí òí øèé!

Â. Áàèè÷

Владимир Высоцкий – русский поэт XX века. И не семитский, и не антисемитский, но интернациональный художник слова, чуткий к проблемам современного ему общества. Проблемы еврейского народа (как и других народов) в его творчестве – к счастью, не пережитые, не испытанные им на себе – он услышал и увидел в окружающей его жизни.

Еврейская тема у Высоцкого – сквозная, она проходит через все его песенно-поэтическое творчество, с начала 1960-х до 1980 года.

Очень чуткий к проблемам советского общества, Высоцкий сочинил в 1972 году и спел нам ядовито-сатирическую песню «Мишка Шифман башковит...», герой которой

... ãáñðèð, ÷ ò í çà ãñàóó
Í á í áññèèèé ïýòøþ.

Куда его не пустили? Конечно, за границу. Почти каждое стихотворение-песня Высоцкого имели множество вариантов и куплетов, отброшенных в конечном итоге по разным соображениям самим автором. И в этой песне, в первой редакции, была еще такая строфа:

Í î ÷ àì ó æ á í í á èáòà
Â àì ó í á ãññèèèè?
Àèáí î ïýòàý ãñàóà
Í î ãññèèè á àí èáò á

Действительно, многих в Советском Союзе «подвела» пресловутая эта «пятая графа в анкете». Ситуация дикая, чисто советская.

И, вообще, если возникают разговоры о сионизме или антисемитизме, значит, ЕСТЬ проблемы; если вдруг звучит слово «жид», – значит, ЕСТЬ еврейский вопрос. Если травят анекдоты о правителях наших или о евреях – значит, ЕСТЬ проблемы.

Владимир Высоцкий – выдающийся русский художник-сатирик, художник-философ. Поэт с зорким глазом и острым мышлением, который в так называемом советском социалистическом обществе, где прожил свои 42,5 года, увидел множество несуразностей и бесконечное количество диких проблем. Увидел и поднял их до всеобщего обсуждения и осуждения. Это стало особенно ясным для него, когда в 1970-е годы он сделался (наконец-то!) выездным и получил возможность видеть и сравнивать: как у «них» и как у «нас».

Имена многих знаменитых, известных евреев встречаются в стихах, песнях, эпиграммах Высоцкого. Начиная от событий времен Адама, пророка Моисея до наших времен. Библейские сюжеты, библейские персонажи использовали многие писатели и поэты. Не избегал этого и Высоцкий. Но наряду с этими высокими героями, возникающими у поэта, так сказать, перечислительно, появляется в «Балладе о детстве» («Час зачатия я помню неточно...») сегодняшняя соседка по коммунальной квартире, бедолага «тетя Гися Моисеевна» со жгучими проблемами ее и близких ее родственников. Песня, в которой биография не одного поколения советских людей, военного и послевоенного. Загнанные в коммуналки, где «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», люди жили в беспросветном быту, каждый на виду у каждого, и выплывал наружу тот же жгучий еврейский вопрос:

(...) È áèèî ìëí óá á ò ðè éó:á

Ñéâçü äüðü éðüø î ðîñüí î,

Í à Áâîèèì Èèðèèü:á

È Áèñþ Î îèñüâí ó

Î í à àì á «Èáé ñüí î áü?»

«Áà ááç áñðè è î ðîí àâøèá!

Ýð, Áèñüè, î ù îáí à ñüí üÿ,

Âü - ò îæá î ñð ðââââøèá!

Âü - ò îæá î ñð ðââââøèá

À çíà:èò îáðüñüèèá

Î îè - ááç áñðè è î áâøèá

Òâèè - ááçáèí î î ñüèøèá!»

Обратите внимание на последние четыре убийственно сформулированные строчки, которые советская цензура, конечно же, никогда бы не пустила ни на печатные страницы, ни в эфир. Зато в жанре неподцензурной авторской песни, в записи на магнитофоны, строки эти проникли в уши и в души миллионов.

Боль детства. Боль с детства. И отзывчивость поэта на чужую боль.

У всех на слуху спетое Высоцким «Письмо в редакцию телевизионной передачи “Очевидное – невероятное” из сумасшедшего дома – Канатчиковой дачи». Экое название! Если «автор» этого «письма», от чьего имени пропет этот монолог, – сумасшедший, то очень уж своеобразный сумасшедший. Положите перед собой этот текст и всмотритесь в него внимательно: «Безумная больница» – не та ли страна, в которой всегда ТАСС уполномочивали сообщать миру важные сведения? Да и «графы пятая» у иных не давала клиенту психушки покоя, заставляла его кричать тоже на весь мир.

Β δαζάγαιεὸὰ ἰῖεῖῖὸαῖ οὐ,

ÈÍ ÎÁÐÛ, èçááðóù!

И врач Маргулис никак не вызывает симпатий у этого «безумного». Правда, там и «врачи-то» еще те были!. От чего врачевали-то?! И поглядите, как «умалишенный» этот призывает к радикальным мерам. (Все закавыченные слова в этом абзаце – из текста Высоцкого).

Áῖεῖῖῖ ἰ αῖψὸ ἰῖ ἰὰσεί ἄσσαι

«Áῖεῖῖῖ» çà òúùè ἰ èεῖ

çõÿ Àἰ ἀδὲέὸ ἰ ὐ ἄσσαι,

çõÿ ἰὰ ἄἄἄè Ἐçðἄèεῖῖ!

Ох, все песни-то у Высоцкого с двойным дном, как чемоданы были у революционеров, ленинских помощников.

В песнях Высоцкого, надо сказать, собран целый букет ученых – представителей еврейского народа. А из знаменитых евреев больше всего повезло Нобелевскому лауреату физика Альберту Эйнштейну, который чаще других и по-разному фигурирует в песнях Высоцкого. В 1960 году у него появляется стихотворение-песня частушечного склада «Ни о чем» («Есть у жизни много сторон...»). Один из куплетов звучит так:

Àèἄἄἄ èè ἰὰ ἄῖῖῖῖ

Ἰ δῖ Ἰέἰσὸἄείἰ ἰ èσἰὸ ἦδἄἄ

И вдруг поэт, продолжая СВОЙ стих, «прокидывает» неожиданную параллель с репертуаром блатных:

Á ἰ ἄἄçείἰ ἰ ὸδè ἰ ἰÿἰ:όἄἄ

Ἰ ἰψὸ ἰῖè-èèὸδἰ ἰὰ ὸδῖèῖ

Все вполне в рамках народного творчества, с его так называемым параллельным действием в песнях.

Снова и снова возникает имя этого ученого в песнях Высоцкого. Как иллюстрация к размышлениям поэта-певца:

*À i ú, ñëííéâéíéáíé,
Äëüäèì áëääññááéíí.
Òàéèõ, éàé íí, - íáí ííñ -
÷àòúðá íá í èëüíí!
Âîçüü àì é íðèì áðá, Áíðà
è ñòàðèéà Ýéíòàéíà,
Ðàç-ááà áà è íá:áéíü -
÷àòááðòúé Êíèèèüíí.*

Ах, как замечательно звучит это «благоговейно» в адрес евреев Бора и Эйнштейна! Вообще, надо сказать, Высоцкий запросто, накоротке «общается» с мировыми учеными величинами, «поручая» им выполнение самых неожиданных работ. Вспомним известнейшую смешную и озорную «Утреннюю гимнастику», а в ней:

*Äëääí úé áéääáì èé Êíòóá
Âíèàçàë - éííüýé è éíòá
Âàì çàì áíèò ñííðòà íðíòè-
éàèòééà*

Наверное, советский физик, академик Абрам Федорович Иоффе (1880-1960) был бы весьма удивлен, узнав, что он доказывал своей работой преимущества спорта перед коньяком и кофе! Он умер за восемь лет до того, как прозвучала эта звонкая песня Высоцкого, одна из любимых в народе.

А совершенно роскошная озорная песенная диалогия «В честь шахматной короны» («Я кричал: «Вы что ж там, обалдели?...»»), где Высоцкий обыгрывает еще одну гениальную фамилию талантливого народа, Фишер – Шифер, и рисует, ох, какие знакомые нам нравы, НАШИ нравы («ндравы!»). Поиграл наш герой с Фишером-Шифером. Да и с Талем-евреем сразился. Десять партий. Думаете, в шахматы? «В преферанс, в очко и на бильярде».

В своих стихах, песнях, эпиграммах Высоцкий вывел в свет, обозначил, воспел многих евреев – своих друзей, знакомых, коллег по работе. Увековечил их, посвятив им либо короткие юмористические эпиграммы, либо целые сюжетные стихотворения. С огромной симпатией ко всем этим персонажам.

Вот, к примеру, нежное посвящение его своему соратнику по театру, артисту «Готлибу Михайловичу Ронинсону в день его, Готлиба Михайловича, пятидесятилетия». Так назвал Высоцкий свое восьмистишие.

Áîëë áîëáí î îðàëüü î òú
Ëëë áîëáí òèçè:-áîëë,
Çàðáí áðëë ýî îðàëüü î òú
Ëëë ýî èçîáë:-áîëë, -
Í á õîáë òú î î ÷ áñî í èéáí,
Í á îëàðè è î í è áñî èéá
Ëäë é Áîðá í áñ-áñî í áí üëëé,
Òááý áîëá:-èò Áîðáí üëà

В связи с прозвучавшей фамилией Ронинсона я вспомнил совсем короткую сцену в конце фильма Леонида Гайдая «Двенадцать стульев». Сцену в летнем кафе на берегу теплого южного моря, где предприимчивый Остап Бендер вылавливает в толпе шапочно знакомого ему гражданина в белой панамочке, которого, ошарашив, тут же мгновенно заставляет раскошелиться на 500 рублей для спасения отца русской демократии Кисы Воробьянинова. Вот этого смертельно перепуганного, заикающегося человека, с трясущимися губами, выпученными глазами, играет Готлиб Ронинсон.

Высоцкий в буквальном и в переносном смысле воспел три творческих дуэта, с которыми довелось ему в жизни тесно общаться и работать.

Áîò è èíí ÷ èëüý î ðîááñ
Í á ñëü õàòü î áàòèþ -
Ááç î áàòèé áñ è ááç
Í ðááá í à èáññàòèþ (...)

Стихотворение это было написано по поводу скандально известного судебного процесса советских властей над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. По форме стихотворение представляет собой будто бы услышанные автором обрывки разговоров, разные реплики, комментарии к тому позорному для страны действу (расправе!), когда шельмовали (и уничтожали!) достойных людей, организуя «отклики масс», тех масс, которые сами не читали, сами не слышали, но гневно осуждали содеянное кем-то.

Тема получила продолжение у Высоцкого в другом стихотворении. А называется стихотворение «В день рождения Валерию Фриду и Юлию Дунскому». («У вас все вместе – и долги, и мнение...») – талантливым и плодовитым авторам сценариев многих фильмов, в том числе «Служили два товарища» и «Сказ про то, как царь Петр



арапа женил», в которых Высоцкий сыграл главные роли. Талантливые литераторы, кинодраматурги, которым пришлось испытать.

*Àãî ÿòèèàòèè ñààðí ùõ øèðòò,
Àãà í à àãî äèèèññî á ï ðàèò èéó çà: àò ù, -
Í è àãî ù çà òðè, í è ÿòèèàòèè à á ñã
À àãî ù ù èàò òèçè: àãèé è àãî ò ù (...)*

*В àññèðàéð - í à èãî í è í à èíòà
Ààø èñèðàí í á - ò àèè è èñòàðññî-
À ùñòèèè, àá: í ùé èàí àèààò à Ñîðç
Ñ í àãàèèé í à ññî ñòòò òòò ðààíòòò (...)*

Надо ли говорить, что удачный, интересный сценарий – основа будущего удачного фильма.

Существенная разница в возрасте Дунского – Фрида и Высоцкого не помешала им стать друзьями. Хочу обратить внимание читателей на эту горькую строчку: «Высоцкий, вечный кандидат в Союз...» – Союз писателей имеется в виду.

Последний год жизни Высоцкого подарил ему счастье сотрудничества с дуэтом писателей-сценаристов братьями Георгием и Аркадием Вайнерами, «родителями» незабвенного Глеба Жеглова в сериале «Место встречи изменить нельзя». А Высоцкий подарил им свою стихотворную трилогию (стихотворение и две песни):

а) «Я не спел вам в кино, хоть хотел...»

б) «Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...»

в) «Письмо торговца ташкентскими фруктами с центрального рынка» («Жора и Аркадий Вайнер! Вам салям алейкум...»)

Нельзя, конечно же, не назвать тут еще одну песню Высоцкого – «Если ночью был ты пьяный...», написанную в содружестве с Артуром Макаровым (ныне тоже покойным), другом поэта. А тут есть замечательные выразительные слова:

*(...) È àðòèñò ù, è ððèñò ù -
Òàññî ñààðèè à æèçí è èðòà
Àñò ù ñààññî ñàññèè è èíí ï òí èñò ù,*

È ãĩĩ Áóãĩ, è Áðãè.

È í á ñãÿòñÿ á í ãðãúé èèãñ

Ñãíçããçèá áðãè (...)



Широко известна песня Высоцкого с изящным названием: «Лекция о международном положении, прочитанная посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство своим соседям по камере». Здесь приводится одно из 22 (!) авторских названий ее. Лектор в разговоре с коллегами по нарам на популярные когда-то по линии Общества «Знание» международные темы, конечно, не мог обойти своим вниманием еврейский вопрос в его собственной, весьма специфической острой постановке. И выглядит это так:

Á Àì áðèéá èè, á Áçèè, á Áãñĩí á èè -

Øĩ ò í çãĩ ðĩ á, á ÿ ò ò ããðãã òĩ ðã ò.

Áĩ ò ì ãñ ò Ì Áĩéãú Ì áèð ì ú ì ðĩ òéĩ ì áèè,

Á ò àì - í á ÷ à ò ããð ò ú á ú á ç è è í á ç í ã ð ï ä

Ì í ç á Áãÿí á ç ãè ç à á ú è è ðãí á á -

Áðããé á ú á ì á è ò ù, í í ÷ ù ð ì í äé ì á è á!

È á ñè è í è ÷ à ì ó ñ è ÷ ã ñ á È ðãí á ÿ,

Øĩ ÿ ã ò ì á í í á ã ò ù á Øãéÿ Áãé á (...)

«На четверть бывший наш народ» – слова поэта, поистине ставшие крылатыми. Сейчас, спустя двадцать с лишним лет, наверное, надо петь: «наполовину бывший наш народ!»

Ну и если уж мы заговорили на международные темы, то нельзя пройти мимо «разоблачительной» песенной концепции Высоцкого в песенке «Мао Цзэдун – большой шалун...»:

(...) Èòî ñÎ àí àñòóíèò àñíîð, òíî óääóò îòíîð

Àã ññíòóã ñÈèí àí Áýí.

À èòî íá àáðèò íàì - òíò íááäýé è òàì.

Ì àðèñèçì àëý íáñàçí, áááü Ì àðèñíá íèóé áßíòçí.

Èèò ááü Ì àí òàçáíèááè ááðáý Ì àðèñí!



В те годы выступить с такой «концепцией» марксизма-маоизма – надо было иметь немалую смелость.

Коллизии сегодняшней новейшей истории показывают, что национальный вопрос в России так и не был решен на протяжении всего XX столетия – ни при царской власти, ни при коммунистах (которые утверждали, что национальный вопрос в СССР решен окончательно), ни при нынешних демократах. Да и будет ли он когда-то решен?

Итак, в обиходе писателей, поэтов, разрабатывавших в России (так называемую?!) еврейскую тему, надо поставить имя русского поэта, певца, философа Владимира Семеновича Высоцкого, чей вклад тут велик. А ведь одно из своих писем (из Свердловска в Москву, 4 марта 1962 года) к жене Людмиле Абрамовой он заканчивает словами:

«Теперь все.

Люблю. Я – Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе – русский...
24 года от роду. Влюблен. В тебя. Высоцкий».

Интересно, с чего бы эта любопытная фраза – «по паспорту и в душе – русский» – появилась в частном письме? Не значит ли это, что спровоцирована она была окружающей обстановкой, существующими отношениями между людьми, какими-то разговорами?

В заключение хочу привести – как иллюстрацию – полностью три произведения Владимира Высоцкого по нашей теме. Очень показательные, как мне представляется.



Í í áúë õèððãî, äàæá «í áéõí»,

Õíòÿ è ìòò äè ì èèè ñã,

Í à ñíàçãá â Ðè î-ãá Æáí áéõí

Í ðãã í èì áñá áúèè ì áèþçã

Âñã, èíì óæá æèòü í á ñãò èèí,

Í ðããðàìæ ñí á í îðì àèüü ùõ èþãáé.

Í í îãñí ì í í á ÿò í ñãò èèí,

È ñæàèáí èþ, áúèí áãðáé.

Â í áóéá íí ì ðèáíé áí õí òüü.

È çà ñèà-èíì - áñããà ñèà-íé!

Í í íãí ñí ó í áðáí îð õí äóó

Í ñò áãèè í í áúé ì í çæá-íé

Âñã, èíì óæá æèòü í á ñãò èèí,

Í ðããðàìæ ñí á í îðì àèüü ùõ èþãáé.

Í í îãñí ì í í á ÿò í ñãò èèí,

È ñæàèáí èþ, áúèí áãðáé.

Чувствуется какая-то незаконченность в этом, не успевшем стать песней, стихотворении с постоянным рефреном, некая сюжетная незавершенность. Вероятно, должно было последовать продолжение.

Çai ðaò è è è àíà ò à ð è àíà ò à ð à à è ÷ à ì
Ñ ò ð í à - í à ñ ò ð í à ò í à è ò ù ì ì Á ó ð à à è ÷ à ì ,
È Ð à à è í à è ÷ à ì í á ñ à ò ù , ò í à á - è Ð è ò ì à í à ì !
Í ð à à à , Ð è ò ì à í ù í ó à è í ù è è ò ù à è ý ð è ò ì ù í à ì .

Á ì ñ í à í ì ì à á ð à ÷ ù è à à ò ç à Á ó ð à à è ÷ à è :
Ò à ð í è è è ð í à í ó ò à è è ì ð à ò è è ò í à è à à à è ÷ ù à è -
Ò à ì ò ð è à í ÷ è è - ò ð è ñ à ñ ò ð ù , ò ð è è ð à ñ à è ò ù ...

Ç à ò à ð à à è ÷ à è ò à ð è ì ì à ñ à ð ò ñ ý .

È Á ó ð à à è ÷ è à ñ à à è ç í ù í ç à à í ÷ à í ù :
Ò ì ò ù à è à à ì ì á ð í à ù è í à è ñ ù è ç ç à à í ÷ à í à è !
Í á ò ò à è è à ù ì ð í í è ò ì à ñ à ð ù à ù ì ù ,
Í ì í à ç à à è è à ñ à ò ð í è ò à í ÷ à è à à à ù ù à ì è .

È ñ à è à è à ñ à ò ð à ò ò à ð è è ò , ò ì à ð ÷ è ,
È ò ù à à è è à í ç à ð è à í à ò à ð à à è ÷ è ,
Í á ó ñ à è ð à ñ à ò ù à ù ì ì ò è ñ ò ð í à à ù à -
À ò à ð à à è ÷ è ì í è è è è Ð à à è í à è ÷ à ì .

Ò à ì ò ð è à í ÷ è è - ò ð è ñ à ñ ò ð ù , ò ð è è ð à ñ à è ò ù
È ì ì ò ù , ì ì ò ù ò à ð è ì ì à ñ à ð ò ñ ý ..
Í ó à Ð è ò ì à í ù ñ à è í ó è è - è À è ì à ð è í é ó
À ì è à ì í è è í ó è è , ì à ò ì ó è è á À ì à ð è é á



Í àσ èèüüñêüüçèò íí Áííóèè, íí Οίδαί

Í í Òαì çá èè, íí Ναί á ðáεάò èèüü?

Êúú, êúú áú, í èüá ááðáè,

Í áεάò í è Êíðáαί ó á Êçðáèèüü?!

Í ñò ááÿ ñáò ó áú

è ááðí úé ááσ èóñé,

Ê - í! - êí è èñèíí í úó ááσ èó èðáèáé,

Νòðáì èò áñü á ò áñí í ò ó áú,

á í èçáðí úé óáèíé,

Á ðáçáòò úé áñ ááèè-èÿ Êçðáèèüü!

Í áíÿάò á áú ðáññèá í ðíñò í ðú,

Êèóφ ááçí áááε í ñò ü í áσ èó í èüü

Í á áñèáí ì áèðñèá óáñ áñ ðú,

Í á ÿò í ò í áááðáèñèè Êçðáèèüü?!

Итак, Высоцкий писал про евреев? Да. А от имени евреев? Кажется, нет. Окружающая его жизнь, опыт собственной бурной жизни определенно говорили поэту, что судьба евреев в СССР да и в других отечествах далеко не безоблачна. Несмотря на то, что взнос этого талантливой народа в мировое искусство, в мировую науку – огромен. Поэтому интонация стиха Высоцкого – горькая, сочувствующая незадачливому герою-еврею, но отнюдь не ироническая, не иронизирующая.

ЛЕХАИМ ИЮЛ 2000 ТАМУЗ 5760 — 7 (99)

РАЗМЫШЛЯТЬ И ПОБЕЖДАТЬ

Предлагаемый вниманию материал представляет собой компиляцию отрывков одной из глав книги доктора Юлианы Лепсиус «И вновь я вспоминаю (Людские судьбы после 1933 года)»

Péèàí à Èáííèóñ

Юлиана Лепсиус-Тренделенбург родилась в Берлине в период между мировыми войнами в семье начальника церковно-политического отдела прусского министерства культуры. Во времена нацистской диктатуры она узнала, что со стороны матери в ней присутствует 2/16 еврейской крови. Переживания детства и юности оказали значительное влияние на мировоззрение и творчество автора. Вслед за своим братом Бернд-Геро, погибшим на Восточном фронте, она как бы говорит: «Я горжусь моими предками, в том числе и евреями».

Изучив философию в Берлине, Тюбингене, Вене и Геттингене, Ю. Лепсиус после войны продолжила свое образование в США, после чего поступила на дипломатическую службу. Будучи консулом Германии в Стокгольме, она в 60-х годах занималась вопросами возмещения ущерба жертвам нацизма.

Знакомство с психоанализом, беседы с людьми, готовыми рассказать о своем прошлом, своих переживаниях, определили эмпирический характер, жанр этой книги тяжелых воспоминаний.

Глава, названная «Размышлять и побеждать», посвящена психоаналитикам Эдит и Лайошу Чекели. Эдит Чекели в настоящее время живет в Стокгольме, где в 1995 году умер ее муж Лайош. Как пишет автор, Лайош позволил ей исследовать его судьбу при нацизме. Данной публикацией это имя возвращается читателю.

Начальное образование Лайош получил дома. Он и его брат Юрий жили с их рано овдовевшей матерью в мелкобуржуазном районе Будапешта. Еще во время первой мировой войны они почувствовали на себе политический антисемитизм.

В школе, в 16-летнем возрасте, Лайош осознал, что методика обучения несовместима с творческим мышлением. При ознакомлении с законом инерции, который трудно воспринимается учащимися с их наивным физическим мышлением, ему вдруг стало ясно, что существуют и другие способы понимания, изучением которых он и занялся впоследствии.

Интерес к мышлению привел его от физики к психологии.

В лице Аккизиуса Паулера, который занимался главным образом логикой, он нашел научного руководителя, уважавшего «серьезность и основательность» исследования.

В 1925 году Лайош познакомился с Сандром Ференчи, одним из первых семи учеников Зигмунда Фрейда. Последовав совету покровителя, Лайош Чекели посвятил себя психоанализу. Среди его учителей были также Вильма Ковач, Михаэль и Алиса Балинт, Геза Рохайм и прежде всего Имре Херманн.

После книги С. Ференчи «Опыт науки о гениталиях» биология стала для Чекели исходной точкой в психоаналитических исследованиях. Гуманитарные науки в то время основывались на «психологии понимания», а она не могла привести к полному познанию интересовавших его проблем. В 1930 году в своей докторской работе «Пути психологического познания» Чекели высказал мнение по поводу отнесения психологии к естественным или гуманитарным наукам, а также противопоставил свои взгляды психологии мышления Шпрангера, Ясперса и Бресмана. Их метод непосредственного понимания был недостаточен, по мнению Чекели, «для познания непонятных соответствий, которые можно объяснить с помощью психоанализа».



Лайош и Эдит Чекели, Ирен и Эрнст Зусманович в Голландии перед отъездом в СССР. 1934 год.

Давление режима Хорти заставило молодого ученого задуматься об эмиграции. В Германию эмигрировали уже многие психоаналитики и исследователи. Лайошу были известны имена 104 венгерских профессоров в немецких университетах. В 1930 году социолог Карл Манхайм стал профессором во Франкфурте, его жена Джулия занималась психоанализом, а Макс Вертхаймер преподавал психологию личности. К нему и приехал Чекели.

В 1931 году он работает в психиатрической клинике в Гейдельберге, а позже уже вместе с Эдит Зусманович по известным причинам покидает третий рейх. Лайош получил место ассистента в Голландии, в Кальвинистском Свободном Университете, платили ему, однако, только треть того, что ему полагалось бы, будь он голландцем. «Заботиться о жене» на эти деньги было невозможно. Голландия, вынужденная принять у себя большое число эмигрантов, боялась, что это может привести к изменению социального положения ее граждан. Эдит снова почувствовала, что как еврейка она не желательна в этой стране. Голландцы мало знали о событиях в Германии и вряд ли подозревали о существовании концентрационных лагерей. Всякий, кто покидал родину, казался им скорее подозрительным, чем нуждающимся в защите. «Было унижительно просить помощи, задавая вопрос в еврейском комитете: «Нет ли все-таки возможности остаться?»»

В Голландии в то время находилось много врачей, которые работали без оплаты, среди них был и брат Эдит Эрнст. В 1934 году на средства американской организации, помогавшей евреям-эмигрантам, Эрнст выехал в СССР. Восторженные письма о работе там сельским врачом побудили и других эмигрировавших в Голландию врачей последовать его примеру.

Лайош тем временем установил контакт с московскими учеными. Он переписывался с психологом Александром Романовичем Лурье, который занимался тогда

новой областью – нейропсихологией. Эта наука интересовала и Лайоша, он надеялся, что сможет с ней познакомиться поближе в Москве, но с трудом представлял себе марксистское отношение к психоанализу.

В профессоре Лурье Чекели действительно нашли покровителя, когда в 1936 году приехали в Москву. Советский ученый пригласил их в день приезда на обед и рассказал об имеющихся возможностях для исследований. Но жить им было негде. В виде исключения психоневрологический институт Бехтерева в Ленинграде согласился предоставить им комнату, и они переезжают в Ленинград.

Для Лайоша тут же встал вопрос, как в России обстоят дела с психоанализом. «Я знал, что Ленин относился к нему положительно и даже приглашал Фрейда в Россию, но тот скептически относился к русской революции, в которой видел лишь интересный социальный эксперимент. В Одессе в 20-е годы образовалась психоаналитическая группа, одним из основателей которой являлся Лурье. Статья Лурье была опубликована в Международном журнале по психоанализу в Вене, и Фрейд поблагодарил его в одном из писем. После смерти Ленина, когда к власти пришел Сталин, в Москве был ликвидирован детский дом, в котором занимались психоанализом. При этом погибла его руководительница Вера Шмидт, о чем стало известно в Европе.

О дальнейшем развитии этой науки Лурье рассуждал в своей маленькой квартире в одном из московских переулков. Но слово «психоанализ» профессор произносил шепотом. «Об этих вещах здесь не говорят», – объяснял он. Ученый был уверен, что в его доме установлено подслушивающее устройство. «Тут я многое понял», – замечает Лайош.

Психоанализ был признан в России «буржуазным явлением» и запрещен вскоре после приезда Чекели. Была разрешена психотерапия, но только для практического лечения без какой-либо научной деятельности. Точно так же после закрытия Психоаналитического общества в Берлине при Институте Геринга был разрешен Немецкий институт психологического исследования и психотерапии, да и то потому, что его руководителем был родственник Геринга.

Лайош получил возможность в Ленинграде заниматься экспериментальной психологией для выяснения, как влияют повреждения мозга на психику человека. Это соответствовало его научным интересам. Напрасно он искал в библиотеке ежемесячный московский журнал, который, как ему помнилось, назывался «Под знаменем марксизма», где в прошлые годы еще публиковались статьи как русских, так и немецких психоаналитиков, разделявших взгляды КПП, в частности Отто Фенихеля, Зигфрида Бернфельда, Эдит Якобсон. Журнал регулярно рассылался и за границу, но в голландских библиотеках некоторые номера отсутствовали. Он трижды делал запросы в библиотеки и трижды ему отвечали, что журналы выданы. В третий раз библиотекарь посоветовала: «Лучше не заказывайте».

В Ленинграде Лайош выступил с докладом, который имел успех. Вместо одной комнаты им с Эдит выделили две. «Кухню мы делили с одной старшей медицинской сестрой, у нас был даже туалет, что вызывало зависть других семей», – рассказывает Эдит. Чекели еще не были настоящей семьей, еврейские эмигранты не спешили заводить детей, но дочь Миа не преминула появиться на свет.

Для родов Эдит легла в больницу, в которой когда-то рожала своих детей императрица. Теперь в одной палате лежало много женщин, родильной палаты не было.

Лайош послал Эдит небольшое письмо, она на обрывке газеты написала ему ответ. «По какой-то ошибке этот ответ мне принесли обратно, – рассказывает Эдит. – Меня охватил страх, что с мужем что-то случилось, потому что в России всегда думали о самом плохом, если друг с другом не было связи».

Лайош и Эдит подали заявление о предоставлении им советского гражданства, но их просьба еще не была удовлетворена, когда брат Эдит, который приехал в СССР раньше, гражданство уже получил. Его неутомимая врачебная деятельность в Крыму несколько раз отмечалась наградами. Высокой наградой тогда были часы и швейная машинка. Неожиданно Эрнста арестовали.

«Его жена писала нам в отчаянии, что это, должно быть, ошибка». Ее, беременную, выселили из служебной квартиры, и она жила в неотапливаемом заброшенном помещении. Родившийся ребенок вскоре умер. Только при Хрущеве Эрнст был объявлен умершим и официально реабилитирован. Его жена, которой вернули гражданские права, должна была оставаться в России. Она работала операционной сестрой в больнице, где раньше работал ее муж. В эту больницу он в свое время привез американскую помощь.

Лайош и Эдит продолжали ждать советского гражданства и не представляли себе, какое для них было счастье, что они не русские и не коммунисты. После заключения пакта с Гитлером немецкие беженцы должны были покинуть Россию. Прежде всего выслали немецких коммунистов, которые эмигрировали в эту страну. Они были направлены прямо в немецкие концлагеря. Затем эта же участь постигла немецких евреев.

У Лайоша и Эдит были не немецкие, а венгерские паспорта. «Мы знали, что без визы можем въехать в три страны: Венгрию, Польшу и Финляндию». Венгрия уже изгнала своих евреев. «Польша также была известна своими антисемитскими настроениями... Единственной доступной нам либеральной и демократической страной была Финляндия».

Эдит считала, что произошло чудо, когда в 1938 году они получили разрешение на выезд.

Втроем они выехали из России. Как говорил Лион Фейхтвангер, чтобы обосноваться в стране, где евреи были не очень желанны, нужно было хотя бы иметь деньги, чтобы прожить восемь дней в гостинице и осмотреться. «У нас было тринадцать с половиной долларов на полтора года жизни. Что же нам было делать в стране, на языке которой мы не говорили? Просить милостыню?»

«В Хельсинки у Лайоша оказался знакомый физиолог, с которым он вел научную переписку еще в Гейдельберге. Профессор Урил Ренквист-Ренпээ пригласил нас к себе и принял с большим вниманием, но не поинтересовался, есть ли у нас деньги! – вспоминает Эдит. – Я смогла вымыть ребенка, мы перекусили и отправились в самую дешевую гостиницу, в христианский приют. Когда мы вошли в столовую и Миа начала плакать, все обернулось в нашу сторону и воцарилась тишина, как перед объявлением приговора».

Пребывание Чекели в Финляндии как граждан Венгрии было ограничено тремя месяцами. После их истечения они хотели перебраться в страну, которая была их действительной целью, – в Швецию. Но по только что вышедшему в Венгрии закону они вдруг потеряли венгерское гражданство. А по финским законам людей без гражданства нельзя было выслать, даже если бы они совершили преступление. «Мы были благодарны

Венгрии за этот закон, которым государство хотело заставить нас вернуться. Именно благодаря ему мы получили политическое убежище в Финляндии».

Начало финско-советской войны зимой 1939 года внесло панику в ряды эмигрантов. Все боялись поражения Финляндии и, как следствие, оккупации Россией. «Мы тут же решили отправиться дальше, в Швецию, и обратились в дипломатическую миссию за визой. Когда мы, маленькие просители, сидели на ее пороге, шведский посланник приветливо проводил мужчину со свастикой на рукаве до дверей, уверяя его, что тот может со всеми вопросами обращаться прямо к нему. Нас не пустили к консулу. Швеция осталась закрытой для нас».

Только после войны Лайош узнал, что финское и шведское правительства договорились между собой оставить всех эмигрировавших в Финляндию евреев в этой стране. «Какое бы давление ни оказывала Германия на финское правительство, оно всегда защищало немецких эмигрантов. В то же время мы были пешками в их политической игре. Мы не могли покинуть эту страну, чтобы переехать в Швецию. Финны удерживали нас у себя, доказывая свое доброе к нам отношение». Но немецкий корабль стоял в порту, готовый, по всей видимости, к транспортировке немецких евреев, несмотря на заявление маршала Маннергейма: «Пока я маршал, никто не будет выдворен».

В 1944 году американцы назначили комиссара по вопросам беженцев. Чекели, которые все еще боялись оккупации Финляндии Германией, обратились к нему и получили наконец визу в Швецию.

В Швеции Лайош и Эдит, как и все эмигранты, находились в тяжелом материальном положении. Место на кафедре психологии в Стокгольмском университете было занято. Научные исследования Лайоша не нашли финансовой поддержки. Но до него дошло предложение из Венгрии, которое изложил профессор из Амстердама Гез Ревез, занять место на кафедре психологии в одном из четырех городов: Будапеште, Оцегедине, Дебрецине и Печи. Известный венгерский биохимик Альберт фон Сцент-Гюорги, в 1937 году получивший Нобелевскую премию в области медицины и психологии за открытие витамина С, не советовал Лайошу возвращаться в Венгрию: «Лучше ничего не иметь в Швеции, чем быть профессором в Венгрии». Через год в этой стране произошел пуч, после чего русские утвердились там, как и в Чехословакии, в роли «освободителей». Сцент-Гюорги предвидел это и в 1947 году занял должность директора в одном американском институте по исследованию деятельности мускулатуры.

В том же году друг и учитель Чекели Имре Херманн, который в 1945 году получил кафедру психоанализа в Будапеште, был вызван в министерство культуры. «Кто вы?» – грубо спросил его министр. Профессор еще раз представился. «То, что вы Херманн, я вижу, но не знаю, профессор ли вы!» Ему было объявлено, что он снят с должности. Имре Херманн остался аналитиком в Венгрии и продолжал публиковать свои труды на немецком и французском языках.

К возвращению в Германию Лайоша и Эдит никто не побуждал. «Мы были рады, что можем оставаться в Швеции, где хорошо себя чувствовали. У нас не было уверенности, что в Германии утвердится демократия. Что же касается антисемитизма, то у нас не было доверия ни к Германии, ни к Венгрии и Австрии».

После участия в конгрессе психоаналитиков в Цюрихе в 1949 году Чекели впервые побывали в послевоенной Германии и пришли к выводу, что в немецком

послевоенном обществе изолировали тех, кто пытался раскрыть то, что касалось преступлений национал-социализма.

В Швеции с 1934 года существовал небольшой психоаналитический союз, который распался во время войны. В 1944 году из Берлина вернулся Торе Экман, который сделал себе имя докладами в Немецком психоаналитическом обществе до его закрытия. Читал ли он лекции в национал-социалистическом институте Геринга, как и многие другие аналитики, неизвестно, но шведские коллеги подозревали его в этом. В конце концов он опять уехал за границу.

Значительную роль в воссоздании шведского психоаналитического союза сыграл голландский психоаналитик, который учился в Вене и эмигрировал вместе со своей женой-еврейкой в Швецию, когда нацисты захватили Голландию. Лайош и Эдит познакомились с супругами де Монхи, которые прекрасно говорили по-немецки и общались с эмигрантами. Медсестра, работавшая с де Монхи, Эстер Ламма, познакомила Лайоша с группой немецких эмигрантов – о них Петер Вайс рассказал в своих автобиографических романах «Прощание с родителями» и «Пристанище». Эстер была дочерью историка и литератора, «большого человека» в шведской культуре, ее интересовали одаренные люди этого круга, которые долго, не имея разрешения на работу, практически голодали. Кое-кто из них прошел через психоаналитические сеансы Лайоша, и наконец Эстер познакомила Лайоша с Петером Вайсом.

Изгнанный из Германии Вайс после изоляции в Швеции впал в глубокую депрессию. «Лишь теперь, летом и осенью 1946 года я начал понимать, что же произошло за прошедшее десятилетие. Образ моей прежней жизни еще глубоко сидел во мне, хотя больше не было ни бегства, ни изгнания и я был гражданином благословенной страны. Меня не покидала мысль, что я не принадлежу ни чему», – писал он в «Пристанище».

Петера Рооса, директора картинной галереи в Бохуме, где позже была организована выставка «художника Петера Вайса», особенно интересовали коллажи того и последующего времени, которые, как ему казалось, отражали переход от рисования к письму. «Именно ваши коллажи, а также оба романа и атмосфера нашей беседы навели меня на мысль, что вы прошли через психоанализ. Я не могу себе представить, как могли возникнуть эти видения без психоаналитического опыта. Вы прошли через психоанализ? Когда?»

На эти слишком прямые вопросы Петер Вайс дает уклончивые ответы. «Психоанализу я подвергся только после войны. Во время войны об этом нельзя было и подумать из чисто экономических соображений», – говорил он, чтобы потом перейти к разговору о картинах, написанных им в эмиграции в 1943–1945 годах. «Любитель картофеля» (1942) и «Улитка» (ок. 1944) висели в новом доме Чекелей в Накке рядом с картинами, которые Петер нарисовал еще в Праге и Швейцарии. Коллажи, которые вместе с другими материалами и элементами повседневной действительности представляют разрушившийся мир фантазии, датированы в каталогах лишь 50–60-ми годами.

Об этом времени Петер Вайс рассказывает после многочисленных вопросов: «В начале 50-х годов я подумал о том, что мне следует пройти через психоанализ. Венгерский психоаналитик Чекели, практиковавший в Стокгольме, показался мне хорошим специалистом...Чекели был в конечном счете учеником Фрейда, он интересовался проблемами художника, и я был ему интересен, я же находил в нем понимание своих проблем». Петер продолжает: «Несмотря на это, я не верю, что психоанализ сильно на меня повлиял». Наши беседы были лишь воспоминаниями о

трудностях, о которых я писал». Но на следующей странице писатель поясняет, что собственно творческое освобождение было связано с освобождением от сдерживающих его конфликтов.

«Мне потребовалось десять лет, чтобы переработать то, что со мной произошло за прошедшее десятилетие. Это было очень сложно. Я сам не мог правильно все осознать. Возможно, поэтому я так часто менял формы, искал новые возможности для визуального выражения в фильме, в коллажах, с помощью которых можно было убедительно показать разрушившийся мир. Это были, конечно, психологические проблемы, и психоаналитический опыт не прошел бесследно, только после психоанализа я впервые осознанно воспринял эти процессы. Создание таких автобиографических книг, как “Прощание с родителями” и “Пристанище”, неразрывно связано с психоанализом».

Психоаналитик, с которым он был дружен, объясняет: «Человека с неустойчивым чувством собственного достоинства, чье самоуважение базируется на таланте и творчестве, потрясает предположение, что на творчество в какой-то степени повлиял психоанализ, а не только он сам».

Это было особое стечение обстоятельств. Высокоодаренный молодой художник и будущий писатель встретился с аналитиком, знавшим эмиграцию по собственному опыту и чьи исследования в области психоанализа с давних пор составляли суть его научной и творческой деятельности. В 40-е годы Чекели опубликовал в Швейцарии и Швеции свои труды, освещающие влияние жизненных обстоятельств на процессы духовного творчества.

Петер Вайс сам рассказывал о возникавших трудностях в работе. «Он много трудился в конце жизни, – говорит Лайош, – но ничего из того, что он делал, не казалось ему удавшимся. Он прекрасно осознавал основную трудность. Это был вопрос, в каком языке, шведском или немецком, он найдет окончательное индивидуальное выражение. К этому времени издатель Бонье, который находился в постоянном поиске новых талантов, выпустил две его шведские книги, которые, правда, плохо продавались. После анализа стало ясно, что выразить себя Петер сможет через немецкий». Воспоминания шли на немецком.

Судьба евреев-эмигрантов, когда она затрагивала 14–15-летних подростков, оказывала негативное, но при некоторых обстоятельствах и позитивное влияние. Кроме того, эмиграция Петера была сопряжена с тяжелой травмой в юности, о которой он сам рассказывал так:

Вайс: В 1934 году, в год эмиграции, произошло решающее событие...

Роос: ... эмиграция!

Вайс: Нет! Решающий поворот в моей жизни связан не с эмиграцией, а со смертью сестры.

Петер и его 12-летняя сестра катались с горы на санках. Она поздно заметила выезжающую из-за угла машину... В больнице она прожила без сознания еще два страшных дня. Ее разбитое лицо неизгладимо запечатлелось в памяти старшего брата. Это был несчастный случай, в котором он винил себя.

Эмиграция совпала с периодом возмужания и одновременно началом тяжелых разногласий с отцом. Они касались прежде всего живописи, потому что родители считали профессию художника не подходящей для эмиграции. Отец Петера был родом из Венгрии, страны, которую его психоаналитик хорошо знал. Лайош вспоминает фотографию отца Вайса в форме венгерского офицера времен первой мировой войны. «На службе в венгерском батальоне он и говорить должен был по-венгерски, но в смешанном австро-венгерском батальоне командование осуществлялось на немецком языке. Это была вечная борьба за язык в двойной монархии». Мать Петера родилась в Швейцарии и говорила на многих языках. Таким образом, языковая проблема имела глубокие корни.

«Самая большая трудность возникла у Петера из-за критического отношения к самому себе и каждой своей мысли. Для него все должно было быть ясно и неоспоримо. Но зрелое мышление, которое, в отличие от инфантильного, нетерпимо к противоречиям, все же не может устранить их из реальной жизни. Нужно уметь переносить противоречия, что Петеру не удавалось. Одним из таких противоречий было непонимание того, как можно желать любимому человеку зла и при этом бояться его потерять. Одновременная ненависть и любовь к отцу лежала в основе всех противоречий Петера. Возможно, своеобразной защитой от внутренних противоречий служит сдерживание чувства. Но это приводило к депрессии».

Чекели был известен феномен, когда художники наделяют своих героев чувствами, которые не могут испытывать сами. «В книгах герои переживают то, что их автор себе не позволяет. И Томас Манн, о котором я слышал, что он внешне владел собой и был невозмутим, скорее всего, вложил собственный темперамент в персонажей своих книг». Когда Петер Вайс, как он сам говорил, пытался «переработать свои конфликты в книгах», Лайош при психоанализе наблюдал за возникновением этих произведений. С окончанием работы над «Прощанием с родителями» закончился и психоанализ.

Лайош Чекели вспоминает: «Больше всего я узнал во время рождения драмы “Преследование и убийство Жана Поля Марата”. После успеха драмы в Берлине и Ростокке Петер Вайс впервые поехал в ГДР. Там его очень тепло принимали, и это принесло ему полное удовлетворение. Он никогда об этом не забывал».

До этого момента Вайс, таким знал его Чекели, был вне политики. «Эмигранты даже обижались на него из-за его аполитичности. Заботили его собственная эмигрантская судьба, собственные картины, но не политика. В кругу бывших немецких, австрийских и венгерских эмигрантов царили если не коммунистические, то левоинтеллектуальные настроения. При всем предубеждении против холодной шведской природы и сдержанности к иностранцам эмигранты в общем глубоко уважали шведские социальные и гуманитарные достижения». То, что Петер Вайс ушел в социализм, было определено, по-видимому, внутренней принадлежностью к большому, охватывающему весь мир обществу «на месте родины». То, что поэт назвал «Мое местечко», «местечко, для которого я был предназначен и откуда произошел», был Освенцим. В этом напряжении он прожил до своей смерти в возрасте 65 лет. Он «сопротивлялся» любому угнетению и вмешательству, но напряжение между заинтересованным рассказчиком и сознательным слушателем, возникавшее при анализе, вдохновляло Петера.

Тесную связь литературного творчества с юношескими переживаниями и конфликтами автора Лайош позже изложил в статье о романе Томаса Манна «Смерть в Венеции», затем проследив на очередной пациентке влияние произведения на читателя.

В своих сочинениях Чекели рассматрив

ал творческие достижения и в области науки. Он установил, что они в той же степени зависят от опыта человека, как и художественные. Интересы ученого зачастую многогранны.

«Среди прочего, очень важным было найти ответ на вопрос, как заложенное генетически проявляется в определенном возрасте и на определенном этапе развития. Мальчик гордится возможностями своего отца, которые он рано узнал, например силой пальцев, с помощью которой тот поднимает стул. У ребенка появляется желание стать таким же, как отец. Личная судьба может помешать развитию этого естественного процесса». Лайош наблюдал за развитием этого процесса у сыновей, чьи отцы были активными нацистами. У него были два пациента, чьи отцы были врачами с национал-социалистическим прошлым. Один начал ненавидеть своего отца, когда узнал о его прошлых взглядах. Другой пытался оправдать что-либо в действиях своего отца. Отец, будучи анатомом, согласился быть судебным экспертом в делах, в которых ничего не понимал, составлял свидетельства о душевных заболеваниях на основе исследования костей трупов. Сын же пытался оправдать и представить это как научное достижение, хотя до сих пор нет оснований утверждать о телесных изменениях у таких больных.

Когда человек стыдится своего отца, но в сознании гордится его мнимыми достижениями, очень трудно самостоятельно выработать позицию по отношению к прошлому. Трудно признать вину близких родственников, но сыновья должны в такой же степени разделить эту вину, как, скажем, наследство или духовные достоинства отцов. Больше шансов избавиться от унаследованных неблагоприятных признаков у того, кто обладает принципиальной позицией по данному вопросу, эффективного взгляда на грехи отцов недостаточно. Их нужно переработать в самом себе, с тем чтобы они не сказывались на дальнейших поколениях.

Зигмунд Фрейд перестал идеализировать своего отца в возрасте 8 лет, когда однажды офицер сбил шапку с головы старшего Фрейда палкой, а он, ребенок, поднял ее, отряхнул и отдал отцу. Но несмотря на это, Фрейд позже говорил, что со смертью отца угасла любовь. Это было одним из самых значительных событий его жизни.

Когда Лайошу было столько же, 8 лет, в его жизни также произошло событие, в котором нашли отражение одновременно гордость и стыд, идеалы и разочарования. Юридический факультет Будапештского университета ходатайствовал о присвоении дяде Феликсу профессорского звания, но министерство образования отклонило его кандидатуру, потому что он был евреем. В 1900 году диссертация дяди была особо отмечена королем, и, как было принято в таких случаях, он получил приглашение в день национального венгерского праздника в Вену на прием к кайзеру Австрии и королеве Венгрии. Двенадцать лет спустя его племянник Лайош, который считал кайзера Франца Иосифа дураком, узнал, что дядя опустился перед ним на колени и поцеловал ему руку. «Я нашел унижительным, что талантливый ученый целовал руку невежественному кайзеру».

При тех больших достижениях, которых Чекели добился, исследуя продуктивное мышление, его, должно быть, обескураживало, что область, которой он себя посвятил, оставалась в тени в 50-е годы. «О жертвах преследования в концентрационных лагерях первые 20 лет практически не вспоминали. О тяжелых личных переживаниях умалчивали. Даже во время анализа трудно было что-то узнать. Только через два десятилетия память оживилась. Я тогда не мог понять, почему так происходило».

Случай из психотерапевтической практики показывает всю сложность ситуации. Среди его пациенток была женщина, оставившая своего сына на попечение няни, когда она с мужем получила извещение о депортации. Ребенка они могли оставить.

На одной из станций сразу после Будапешта поезд с депортированными остановился, и они услышали голоса знакомых врачей: «Мы здесь, мы откроем вагон и освободим вас». Они отклонили это предложение, чтобы не усложнять положение остальных.

Отец пациентки прежде часто говорил ей, что с семьей ничего не случится. Но поезд пришел в Освенцим. «У нее вырвались слова, что она поняла, куда они попали, но больше об этом не говорила». Женщина постоянно жаловалась аналитику на своего отца, обвиняя его в том, что произошло. Он должен был и мог избавить ее от этого ужаса. «Муж не пережил Освенцима, в воспоминаниях же пациентки ненависть была направлена не на убийцу, а на отца – она могла говорить именно о нем, а не о палачах.

Аналитические беседы помогли выяснить, почему пациентка постоянно упрекала отца. После смерти ее матери он женился на необразованной деревенской девушке. «Травма, которую ей нанесли нацисты, когда она вдруг поняла, что находится в Освенциме, была неосознанным повторением ранней травмы; теперь это слилось в единое целое. Дальше она рассказывала о своем детстве, но воспоминания о Холокосте заканчивались ее выходом из вагона».

Перед окончанием войны шведам удалось выкупить некоторое число еврейских заключенных из немецких лагерей. Их доставили в Швецию на белых автобусах Красного Креста. Дети этих людей объединились с детьми других жертв войны в группу «Дети Холокоста», которая поступила под наблюдение Лайоша Чекели.

«Были и другие аналитики в Голландии, США, Израиле, которые в это время вели свои наблюдения и писали о страданиях этих людей. С детства они ощущали потребность заменить родителям тех, кого они потеряли: их братьев, сестер и целые семьи. Дети хотели сделать их счастливыми, но сами были глубоко несчастны, потому что никогда не могли заменить им всех. Сознание того, что их горячее желание никогда не воплотится в жизнь, и приводило к депрессии, для преодоления которой необходим был анализ».

Лайош и Эдит понимали, что евреи не имеют равных с другими возможностей, после Холокоста они еще глубже почувствовали, больше осознали, какие страдания принесла им их национальная принадлежность. Лайоша интересовало, почему пациенты выбирали своим аналитиком именно его. Еврейские пациенты тоже не были свободны от фантазий негативного характера. Поэтому человек, который сам был евреем и маленьким мальчиком пережил захоронение своей бабушки по еврейскому ортодоксальному ритуалу, когда тело предается земле без гроба, боялся, что общаясь с другими евреями, он может быть подвергнут моральному разложению.

Другой пациент, нееврей, выбрал себе аналитика-еврея, хотя у него были некоторые предубеждения против евреев. В детстве он испытывал страх, когда смотрел на свою новорожденную сестричку, боясь потерять фаллос. Этот страх он пытался преодолеть с помощью фантазий, в которых присутствовали невидимые, но существующие части тела. Евреи были для него чем-то таким же тайным. Отсюда он сделал вывод, что аналитик-еврей должен обладать «тайной силой», способной помочь ему преодолеть преследовавшие его мысли о тайных частях тела. Поэтому он и нашел его.

Еще один пациент сохранил способность относиться к кому-нибудь с благоговением, несмотря на то что рано перестал идеализировать отца, который часто был безработным. Испытывая страх перед всеми острыми предметами, ножом, вилкой, ножницами, он нашел свой идеал в кочующем точильщике, который мог провести по большому пальцу острым лезвием и не порезаться при этом. Человек, которого он считал неуязвимым, был цыганом, но его «тайную силу» мальчик перенес на евреев. «Он выбрал еврея своим аналитиком неосознанно, потому что тайная магическая сила евреев стала притягивающей в его внутреннем неосознанном мире».

Была у Лайоша пациентка, считавшая, что еврей не будет осуждать извращенность, потому что евреи сами, вероятно, испытывают страх, и она рассчитывала на большую терпимость со стороны представителя «избранного народа», чем со стороны нееврея.

У этих людей было общее, присущее всем детям: «Их психическое развитие создавало картинку, в которой присутствовало какое-то сильное существо. У одних это были добрые, готовые помочь им существа, у других – злые демоны, которые символизировали разочарование и ненависть ребенка. Для ребенка родители являются носителями тайной силы, власти и знаний. Дети постарше, а также многие взрослые считают обладателями такой тайной силы людей с необычной внешностью, манерой говорить и необычным образом жизни. У некоторых евреи занимают промежуточное положение между положительным и отрицательным. Поэтому антисемитская пропаганда может легко проникнуть в души людей».

Своей работой «Традиции и инфантильность фантазий в образах современного антисемитизма» Лайош проложил мост к своему раннему экспериментальному психологическому и психоаналитическому исследованию о мышлении. При одностороннем рассмотрении предрассудков по отношению к иностранцам, евреям или неграм, к примеру, может возникнуть мыслительная ошибка.

Имре Херманн назвал ее «выборочным мышлением». Этим мышлением пользуются математики, чтобы вскрыть определенные свойства элемента, если все множество не обладает явными качествами. По мнению Гильберта: «Если даже Аристид, этот безупречный человек, считает себя подкупным, то абсолютно все люди подкупны». «Параноики применяют эту стратегию мыслить, чтобы отрицать очевидные вещи».

Имре Херманн описал роль этой мыслительной стратегии «при наличии мании преследования, возникновении коллективных галлюцинаций, ненависти и недоверия к чужим народам и расам». Всем известные стереотипы, типа «всеохватывающая власть евреев» или «богатый еврей» стали «единым целым со стратегией выборочного мышления». Банкиры-дворяне, такие известные личности, как Ротшильд и Оппенгеймер, «эта маленькая исчезающая группа среди всего еврейского населения Европы, являются для многих типичными представителями еврейского народа. За ними, однако, скрывались и еврейские зеленщики в подвалах, и продавцы пряжи, шнурков и спичек, которые сколачивали неслыханные богатства на своих лотках и должны были считаться частью мистической власти. Для семитофилов же все еврейские нобелевские лауреаты, ученые, писатели и художники – минимальная элита – были, согласно выборочному мышлению, представителями всего еврейства».

Эдит Чекели помнит те времена, когда ей, темноволосой еврейской студентке в Гейдельберге, пытались внушить светлый образ нацизма. Сейчас, когда ей приходится видеть портрет Гитлера, она не перестает удивляться, как «миллионы могли попасться на

удочку человека, который так выглядел!» Хромоногий Геббельс, пропагандировавший его политику, был одним из самых известных представителей этого движения. «Это тоже выборочное мышление, позволявшее людям забыть, что их предводитель не был высоким, светловолосым героем с голубыми глазами».



По Фрейду, в психоанализе различают первичное и вторичное мышление. «Одно из главных отличий заключается в том, что первое не знает противоречий. Вторичный процесс мышления, напротив, нетерпим к противоречиям. Поверхностное мышление не исключает того, что еврей может быть омерзительным типом и преступником, но одновременно с этим быть чистым, ухоженным и одетым с иголки. Евреи могут быть богатыми и властными, но это не отрицает того, что они религиозны, бедны и раблепны.

Мышление с такими простыми противопоставлениями, как белое и черное или плохое и хорошее, какими для ребенка являются герои сказок, может способствовать возникновению предрассудков. Так, еврей должен был быть негодяем, всегда готовым «насилловать невинных неевреек», а граф, имевший детей в каждой деревне, – всегда хорошим и право на его стороне. «Власть была легитимна даже будучи покрыта тайной, но на евреев известных, как хорошие семьянины, тем не менее падала тень, никто не пытался их идеализировать».

Для идеального воспитания молодежи мистические или вызывающие отвращение качества подходят меньше, чем поступки легендарных героев, наделенных видимой силой. «Легенда есть легенда. А мистическим атрибутам, напротив, легче избежать рационального и критического суждения». То, что евреи в Европе были покрыты тайной и мистикой, приводило к ошибкам мышления, а в особых случаях обобщения – к жертвам.

Лайош Чекели хотел противопоставить что-нибудь политическому антисемитизму, хотел извне повлиять на идеалы молодежи, превратить их инфантильные фантазии в зрелые идеалы. «В меньшей степени этому способствовали литература, сказки, кино и телевидение. Определенную роль сыграли выдающиеся писатели Льюис Кэрролл и Астрид Линдгрэн, которые вынесли на дневной свет мистику, покрывавшую евреев».

После Холокоста евреи поняли, что мудрость не может завладеть душами, на которые повлияли темные силы. «Возможность возвращения глобального уничтожения средствами технической цивилизации, спланированная, решенная и проведенная обученными специалистами, еще вызывает опасения». Выявить новые элементы традиционного антисемитизма стало для Лайоша целью длительных исследований, о которых он сделал только «предварительные» сообщения.

«Одного из моих пациентов мучили вопросы: был ли его аналитик в концлагере, подвергался ли он там пыткам, унижениям? Если да, то не означает ли это, что находясь в положении сильного, он будет мстить?» Это суждение основывается на «фантазии поменявшихся ролей». Корни же находятся в фантазиях наказанного ребенка: «Когда я вырасту, я закрою маму в темной комнате или отшлепаю папу!»

Страх перед тем, что за Холокост последует месть, описывали и другие аналитики. Лайош убежден, что этот страх рождает представление о преувеличенной силе Израиля. «Из событий на Западном берегу Иордана не следует, что Израиль настолько слаб, что не сможет справиться с несколькими сотнями молодых людей и женщин, бросающих камни. Наоборот, Израиль стал большим и сильным, игроки поменялись ролями, началась месть за Холокост».

Защитой от страха является вытеснение этой мотивации. Но люди избавляются от того, чего стыдятся. Нынешнее отношение к иностранцам, чужим и слабым может помочь занять правильную позицию по отношению к ближнему и забыть часть общего прошлого, которое отвергает совесть.

Защитная реакция против неприятных ощущений может лежать в основе сочувствия жертвам и тем самым должна служить созданию собственного душевного равновесия. Вместе с Максом Шелером Лайош говорит не только о подлинном, но и о мнимом сочувствии. Одна пациентка Лайоша вышла замуж за своего одаренного, но глубоко несчастного друга только из сострадания, чтобы «спасти» его. Когда ей это удалось и повода для сочувствия не осталось, она не смогла найти в нем то, за что можно было его любить. Она открыла наличие садистских компонентов в своем чувстве к слабому. «Никто не осознает, что сочувствие препятствует садистской радости при виде несчастья другого».



Лайош Чекели. Швеция, 1976 год.

Лайош Чекели предполагает, что после Холокоста евреи вызывают не только настоящее, но и мнимое сочувствие, которое может являться основой для преодоления антисемитизма. Отражение этого чувства он находит в отношении общества к окрепшему Израилю.

До недавнего времени основной задачей исследования и психоаналитической работы Лайоша и Эдит оставались развитие всех сил души, которые могут бороться с роком.

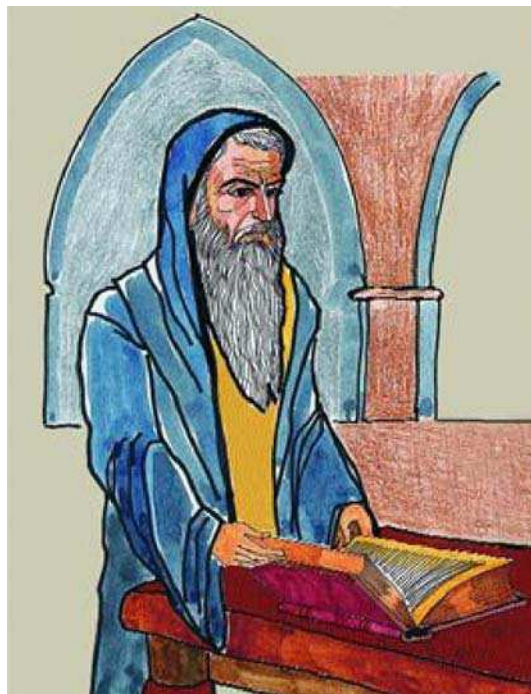
Если, как сказано в Торе, дети и внуки во многих поколениях страдают из-за грехов их предков, – значит, есть над чем работать, сколько бы на это ни ушло времени. Жизненно важная задача не знает возраста. «Мир не прозрачен, не предсказуем, и черные силы снова завоевывают души. Я желаю (вслед за Фрейдом), чтобы голос разума, хотя он и слаб, никогда не замолкал в нас», – написал Лайош своим друзьям в одном из новогодних поздравлений.

Ī āāāā ē ī āāāāāāōēy

Ī ēī ū Āūī ūēī ī ē

РОТЕНБУРГСКИЙ РАВВИН

יְאֵדוֹנֵי עַיִן אֵי



Глава первая

Раввин и его община

Убогий вид имело еврейское гетто Ротенбурга. Грязь и нищета на его узких улочках. Высокие дома прижаты друг к другу и похожи на огромный ковчег с множеством окон и дверей. Со стороны могло показаться, что в таких домах могут жить кочевники, построившие себе здесь временный лагерь из ящиков и досок. Но если взглянуть внутрь этих жилищ, открылись бы комнаты чистые, ухоженные, обставленные со вкусом, а главное, достойная и счастливая жизнь их еврейских обитателей. Посторонний наблюдатель увидел бы перед собой сынов древнего народа, образование и культура которых выгодно отличает их от соседей за стенами гетто.

В таком, в общем ничем не примечательном доме в свое время поселился раввин Ротенбурга, гордость германского еврейства рабби Меир.

Это был один из немногих глав народа, сиявших как маяк во тьме ночи, чей свет Торы привлекал к себе сотни молодых людей со всех концов Германии. Из ешивы, которую рабби Меир основал рядом со своим домом, уже много лет доносились голоса изучающих Талмуд. Отсюда вышли ведущие ученые и раввина поколения, распространявшие Учение в общинах Германии и даже за ее пределами. Ежедневно сюда за советом рабби обращались евреи всего мира. Люди приезжали, чтобы задать ему вопросы по Талмуду, отчаявшись найти ответы на них самостоятельно. И рабби Меир отвечал каждому, разъяснял темные места из книг, откликался на все просьбы. Никто не уходил от него неудовлетворенным. Слово рабби было свято для людей, и все, что

исходило из его уст, приобретало силу закона, распространявшегося далеко за стенами ротенбургского гетто.

Даже христиане Ротенбурга, пронесшие ненависть к евреям через века, с глубоким почтением относились к рабби Меиру. Граф Гогенберг, властитель Ротенбурга, время от времени приглашал его в свой замок, советовался с ним по самым серьезным проблемам, ценил его советы и всегда им следовал.

Иногда рабби Меира и графа Гогенберга можно было увидеть прогуливающимися в старинном парке графа, погруженными в серьезную беседу.

Графа считали другом, покровителем евреев. Действительно, он был одним из немногих рыцарей средневековой Германии, который защищал безвинно преследуемых людей, не позволял безумствующей толпе грабить еврейские жилища.

Но это вытекало не из чистого человеколюбия и чувства сострадания к гонимому народу. Германские вельможи жили тогда в безудержной распущенности, в постоянных кутежах, разгулах. В рыцарских замках днем и ночью устраивались оргии, обходившиеся в целые состояния. Туда доставлялись самые редкие, самые дорогие вина и фрукты. Эти оргии могли длиться месяцами. Естественно, что они разоряли хозяев замков, опустошали их карманы, некоторые попадали в трудное финансовое положение. В момент стесненности в средствах они всегда обращались к еврею. А тому – у него не было выбора – приходилось расставаться со своим малым состоянием, доставшимся ему трудом и потом. Высокомерный князь или граф даже не удосуживался поблагодарить его за помощь.

В обмен на глоток воздуха, который оставляли им для дыхания, евреи платили самую высокую цену. Тяжелые налоги изливались, как потоп, на жителей гетто. Евреи были для вельмож не чем иным, как золотой жилой, из которой они могли безнаказанно черпать себе средства, необходимые для того, чтобы вести привычный для них образ жизни. Вот почему они оказывали поддержку евреям, защищали их от христианских толп – не из любви, а от беспокойства за существование дойной коровы.

Таков, надо полагать, был в общем и граф Гогенберг.

Глава вторая

Дни катастрофы

Черные тучи заволокли небо Германии. Страна была разделена на княжества, между которыми то и дело возникали конфликты, переходившие в войны. Рыцари всегда дышали в атмосфере боев, война была единственной целью их жизни. И если отсутствовал враг со стороны, они воевали между собой.

Власть императора в стране была минимальной. Однако братоубийственные войны, разоряющие государство, несущие разруху, заставили его пробудиться к действию. Был издан ряд законов, направленных на усиление императорской власти. Князя же увидели в этих законах желание монарха вмешаться в их дела, ограничить их власть.

Обсудив в одном из рыцарских замков создавшееся положение, они решили игнорировать новые законы.

Император тотчас послал верные ему войска против восставших князей, началась гражданская война. Все немецкие города превратились в поле битвы, на котором братья противостояли братьям. Целые города были разрушены, сотни княжеств сожжены.

Жизнь евреев в условиях гражданской войны еще более осложнилась. Раскаленная толпа, которую в мирное время еще можно было обуздать какими-то законами, теперь сломала все преграды, еврейская кровь полилась потоками, как вода. Не только отсутствие какого-либо закона, который сдерживал бы беснующуюся толпу, было причиной этому – священники подзадоривали и подталкивали ее против евреев.

Евреев охватило глубокое отчаяние. Каждый день происходили погромы, толпа врвалась в гетто, жгла дома, трубные звуки перекрывали плач и крики евреев, заживо горящих. Где-то толпа под предводительством двух священников вытаскивали людей из домов и вели их на расправу, не проявляя милосердия даже к младенцам. Ко всему, что происходило, добавилось событие, которое усилило страшные погромы и резню. Священники объявили, что евреи пользуются христианской кровью для изготовления мацы.

Кровавый навет, как искра в бочке пороха, взорвал и без того раскаленную толпу, обезумевшие люди, как кровожадные звери, набросились на евреев. Погромщики прошли, как ураган, и оставили за собой горы пепла.

По улицам Германии гулял огонь. Князья сражались между собой, императорские солдаты – с восставшими рыцарями. А толпа, объятая инстинктом убийства, уничтожала лишенных всякой защиты евреев.

Ротенбург был одним из немногих городов, где евреи жили еще относительно спокойно. Граф Гогенберг, который был родственником императора и сохранял ему верность, собрал большие отряды в помощь ему. Стены Ротенбурга он окружил сильной охраной из верных императору солдат, отражавших каждую атаку рыцарей. Одновременно он заботился о том, чтобы в городе царил полный и жесткий порядок, не прощал даже мелких нарушений. Благодаря этому евреи Ротенбурга жили в безопасности. Однако они с болью в сердце следили за тем, что происходило в других общинах Германии. В Ротенбург стекались чуть живые евреи, сумевшие выбраться из ада.

Потрясенный, с глазами выдающими глубокую печаль, слушал рабби Меир рассказы пленных, в его душе поднимался гнев, вызванный страданиями униженного еврейского народа. Целыми днями он шагал в своей комнате взад и вперед, весь содрогаясь, останавливался около арон а-кодеша, тяжело вздыхал и восклицал:

– Г-сподь небесный, отец милостивый, как долго будешь Ты молча взирать на горе Твоего избранного народа?!

Пришла ужасная весть, что в праздник Швуэс погромщики напали на общину в Эльзасе, вывели всех евреев на улицу и жестоко с ними расправились. Рабби Меир собрал в синагоге прихожан Ротенбурга и объявил пост на следующий день. Дрожащим голосом, не в силах сдержать слезы, он произнес:

– Каждый еврей должен прийти в бейс а-мидраш молиться за наших братьев. Кара Б-жья обрушилась на наш народ. Приходите к нам завтра и разорвите небо вашим плачем и молитвами, может, защитит Он Свой народ, может смилостивится!

Когда измученный, печальный рабби Меир вернулся домой, он застал там своего молодого ученика, который был к нему очень привязан.

– Я пришел сказать тебе, что вчера вечером по дороге домой из бейс а-мидраша встретил одного из слуг графа, и он просил передать тебе, чтобы ты завтра в полдень явился в замок, – объяснил он свой приход. – Графу надо поговорить с тобой о важном деле.

Всю ночь рабби Меир не спал. Он понимал, что на этот раз он приглашен к графу не для беседы или дискуссии на какую-нибудь научную тему. В этом сообщении просматривалась тень угрозы, и это пугало рабби.

Утром он встал разбитый физически и духовно.

В гетто царило тихое отчаяние. Все лавки были закрыты. Население, взрослые и дети, собралось у большого бейс а-мидраш, никто не уклонился. Рабби Меир пришел со своим слугой реб Моше и учеником Ошером. Установилась полная тишина. Лицо раввина выражало всю тяжесть минуты. Он подошел к арон а-кодешу и задыхающимся голосом произнес:

– Молитва к Моше.

Как шум толпы, шум преследуемого стада, взывающего о помощи, под сводами бейс а-мидраш зазвучал мрачный напев молящихся, постепенно переходивший в угрожающий вой. Нельзя было разобрать ни фраз, ни слов, слышался лишь слезный призыв к небесам.

Глава третья

Презренный выкрест

Наступил полдень. Группами выходили евреи из бейс а-мидраша, переговариваясь между собой о погромах и мучениях, обрушившихся на еврейский народ, и тяжело вздыхая.

Ошер вышел вместе со всеми и быстрым шагом пошел к дому рабби Меира. Он вспомнил, что в этот час рабби должен отправиться в замок к графу, и хотел успеть застать учителя, чтобы пожелать ему удачи, вернуться домой с миром.

И вдруг он застыл на месте, в глазах его застыл ужас, как если бы в него ударила молния. Дрожь прошла по всему его телу. На углу, у дома рабби, стоял высокий и стройный молодой человек с холодным, леденящим кровь взглядом. Ошер узнал его, это был Кнеппе, бывший ученик и друг рабби Меира, который отрекся от своей веры, предал Б-га и свой народ. Он крестился в одном из монастырей Франкфурта и с тех пор начал притеснять своих бывших братьев по вере, причинять им всевозможные неприятности. Не проходило недели, чтобы он не придумал нового обвинения против евреев. Если он появлялся в каком-нибудь городе, все понимали, что предстоят еврейские погромы. Только в Ротенбурге его до сих пор не видели. Можно было

подумать, что он избегает этот город. Здесь рассказывали многочисленные неприглядные истории об этом выкресте. Еврейские пленники, добравшиеся до Ротенбурга из разных разрушенных общин, вспоминали его имя с отвращением. Даже кровавый навет, который священники возвели на евреев, был изобретен Кнеппе.

Увидев презренного выкреста возле дома рабби Меира, Ошер весьма обеспокоился. Он был одним из немногих в Ротенбурге, кто знал секрет неожиданного поведения Кнеппе и причину его ненависти к евреям. Причина этого была связана с дочерью рабби Меира.

Скромная, милая голубка, добрая и нежная, она была у рабби единственной дочерью, единственным утешением. Много лет назад во Франкфурте погибли ужасной смертью три его сына.

На эту девушку в свое время, будучи евреем, учеником рабби Меира, позарился Кнеппе. Он послал сватов к рабби, но получил отказ. Учителю не нравилось легкомысленное, вызывающее поведение ученика, свидетельствующее, по его мнению, о слабости характера.

Как только Кнеппе понял, что никогда не сможет жениться на Саре, его охватило отчаяние. Тогда-то он принял решение креститься и поклялся отомстить рабби Меиру, а заодно и всем евреям.

Вот почему так испугался Ошер, когда увидел Кнеппе. Сердце подсказывало ему худшее, своим видом выкрест напоминал ему хищника в засаде. «Это недобрый знак, – говорил он себе. – Кто знает, какая беда грозит гетто». И особая тревога наполнила его за судьбу Сары. Какие темные замыслы зреют в нем в отношении девушки? Необходимо поскорее предупредить рабби, чтобы он усилил охрану Сары. Этот злодей ни перед чем не остановится. Он способен отнять ее силой, увезти далеко и жениться на ней против ее воли. Сможет ли кто-нибудь ее защитить? Разве она не всего лишь еврейская девушка, что за ценность она представляет, в эту пору, когда толпа устраивает избиения евреев и на глазах у священников насмехается над бездыханными телами?

В доме рабби Меира Ошер встретил уважаемых людей общины, пришедших подбодрить рабби и проводить его до замка графа. Ошер не стал рассказывать ему, что видел на улице Кнеппе, отложил до более подходящего момента, когда рабби Меир будет один. Но в душе решил быть на страже, чтобы негодяй не смог добраться до Сары. Он проводил рабби горячим благословением

и отправился в бейс а-мидраш. На этот раз он уже не видел Кнеппе на улице. «Исчез презренный выкрест, – подумал Ошер, – однако, если он попытается, упаси Б-г, протянуть нечестивую руку к Саре...»

В бейс а-мидраше стояла тишина. Ученики, которые обычно наполняли его своими голосами, усталые от поста, уже разошлись по домам. Ошер достал из книжного шкафа книгу Мегилас Эйха, святую песню, которую пел пророк Иермияу на развалинах Первого Храма. Плачущим голосом он принялся читать строфы о разрушении Храма и о тяжком жребии народа. Но он недолго оставался в бейс а-мидраше, вернулся к дому рабби. Его сердце успокоилось лишь после того, как при осмотре улицы он не увидел предателя Кнеппе. Но надо быть на страже.



Кнеппе



Сара



Ошер

Глава четвертая

В ловушке

В замке графа рабби Меира и его сопровождающих встретил слуга, который удалил всех, кроме рабби, в боковую комнату. Скоро слуга покинул зал, и рабби Меир остался один. Он вознес горячую сердечную молитву Г-споду, чтобы уберечь его душу от всякой опасности и не лишил его Своей милости. После этого он почувствовал успокоение, так как поверил, что Б-г поможет ему во всякой беде, что бы ни случилось. Распрямившись и придав лицу уверенное выражение, он спокойным шагом направился к двери. Совершенно неожиданно она распахнулась, и на пороге появился презренный вероотступник Кнеппе. Рабби Меир замер, удивленный и сбитый с толку. По его телу прошел озноб, выкрест стоял и нагло смотрел на праведника. Приблизившись, он с ласковой насмешкой спросил:

– Ну что, рабби, ты совсем меня не узнаешь? Наверняка не надеялся увидеть меня здесь, да?

Рабби Меир с презрением посмотрел на него и ответил:

– Почему бы мне не узнать тебя, грешника Кнеппе? Разве не был ты моим учеником и не ел за моим столом? Я поддерживал тебя в надежде, что ты станешь хорошим человеком. Но небо мне свидетель, тогда я не знал, какую змею грею на своей груди.

Ненависть во взгляде Кнеппе возросла. Рабби Меир продолжал:

– Однако я наказан небесами, поставили они мне кровного врага – тебя. Следящего за каждым моим шагом и сживающего меня со света. Но видит Б-г, никогда не делал я тебе зла, ни я и никто из моих соплеменников. А вот ты всегда стремишься отомстить нам без всякой причины. Всевышний осудит тебя за все твои дурные дела.

Эти речи смертельно ранили выкреста, разожгли в нем неистовую злобу.

– Но до того как осудит меня ваш Б-г, я покажу еще и тебе, и твоим братьям мою силу. Имя мое будут вспоминать во всех ваших поколениях с ужасом и ненавистью.

Кровью и огнем врежусь я в ваши сердца. Вот тогда ты узнаешь и поймешь, перед кем осмелился произносить такие речи, на чью голову опрокинул проклятья!

Рабби Меир взглянул на него и сказал:

– Я никого не боюсь, кроме Б-га на небесах, награждающего и наказующего. И тебя не убоюсь, предатель, никогда! Знаю я, что ты вынашиваешь темные замыслы в отношении меня, но я надеюсь на моего Г-спода. Он расстроит все твои козни и спасет меня от беды. Твой конец будет горьким и унижительным, как всех, кто предает свою веру, свой народ!

Вся кровь Кнеппе бросилась ему в лицо, оно запылало, как огонь. Из его рта полился поток проклятий и ругательств на рабби Меира и на святую веру. Но рабби уже не обращал на него внимания, он направился к двери покоев графа.

Граф пошел навстречу гостю, усадил его рядом с собой и с приветливым, дружеским видом начал беседу:

– Уважаемый рабби Меир! С тех пор как у меня появилась возможность узнать тебя, я убедился, что ты человек мудрый и ученый, желаешь добра народам. Твои идеи в государственных вопросах и различных науках всегда так убедительны и гениально ясны. Почему я все это говорю тебе? Потому, что сейчас император набирает огромную армию, чтобы обуздать восставших. Когда война закончится его победой, он щедрой рукой воздаст всем, кто хранил ему верность и помогал ему в тяжелое время. Большинство христианского населения сумело это понять и выступило в защиту своего императора. А вот вы, евреи, оказались равнодушными к этой войне, не пришли на помощь императору в его великой борьбе с врагами. Вы не проливаете крови на военной службе, ваших сыновей не видно среди воинов, преданных императору. Однако я знаю, что ваши души страдают, вы не умеете сражаться с мечом в руках, но вы можете помочь императору другим путем. Война требует больших денег, а казна государства оскудела и вот-вот совершенно иссякнет. Докажите монарху свою преданность, помогите ему вашим золотом и серебром. Докажите, что вы достойны благодарности императора.

Рабби Меир, огорченный, несколько минут молчал, потом заговорил:

– Ваша светлость! Вы хорошо знаете,

все, что было в наших силах, мы сделали. Все тяжелые налоги, возложенные на нас, даже огромный подушный, мы целиком уплатили, до последнего пфеннига, несмотря на то, что среди нас много нищих. Мы не хотели, чтобы о нас говорили, будто мы уклоняемся от выполнения своих обязанностей. И налог на войну мы выплачиваем уже десять лет. Видит Б-г, этот налог мы выплачиваем из последних резервов, и это уже выше наших сил. Но мы знаем, что обязаны помогать императору в его войне против врагов. Нельзя говорить, что мы равнодушны к этому. Я понимаю важность требований Вашей светлости и готов собрать членов нашей общины, чтобы убедить их в необходимости поддержать императора дополнительными средствами.

На лице графа появилось недовольное выражение. Судя по всему, речи рабби Меира его не удовлетворили. Он снова обратился к своему собеседнику, изображая улыбку на своем лице:

– Я вижу, что уважаемый рабби не понял, о чем идет речь. Мне не хотелось бы требовать чего-либо от евреев Ротенбурга. Действительно, существующие налоги очень тяжелы для них, и я не заинтересован полностью разорить еврейское население своего города. Мое требование совершенно другое. Я хочу, чтобы ты обратился с призывом поддержать деньгами нашего императора к твоим братьям за границами Германии. Один из моих советников сказал мне, что ты пользуешься уважением евреев всего света. Несомненно, к тебе прислушиваются и будут рады исполнить твои просьбы. Я уверен, что твоя деятельность по сбору пожертвований у богатых евреев за границей окажется успешной.

Рабби Меир сидел как громом пораженный. Он легко догадался, что в этом деле замешан выкрест Кнеппе. Вот кто забросил сеть, чтобы втянуть его в беду, из которой он не сможет выбраться. Но рабби не дал отчаянию овладеть собой, он попытался убедить графа изменить свое решение:

– Ваша светлость! Простите меня, я осмелюсь возразить Вашей светлости. Известно, что ваша власть основана на мудрости и справедливости, что вы милостивы ко всем своим подданным. Народ это ценит и делает все, чтобы выполнить вашу волю. Прошу вас выслушать мое объяснение, и вы убедитесь в том, что на этот раз мы не в силах это сделать.

С тех пор как мы изгнаны с нашей земли, нет у нас ни царя, ни пророка, слово которого было бы свято и обязывало бы всех евреев в мире. Есть духовные вожди, но их слово обязывает только в области веры, духовности. Они учителя народа, а не правители. И я удостоился того, что меня считают учителем, ко мне обращаются со всех концов мира с разными вопросами, но это вопросы из области духовного. Надо мной просто стали бы смеяться, если бы я попытался приказывать им в мирских делах. Поэтому, всемилостивейший граф, я не уверен, что роль, которую вы мне отвели, может быть исполнена.

Умные речи рабби Меира вызвали у графа разве что противоположную реакцию. Глаза его налились кровью. Он застучал кулаком по столу и закричал не своим голосом:

– Я с тобой не обсуждаю, что я сделаю, а чего не сделаю! И мне все равно, прав я, по твоему мнению, или нет! Я позвал тебя, чтобы передать императорский приказ! Отвожу тебе два месяца! За это время ты обязан внести в императорскую казну двадцать тысяч серебряных марок, а через три месяца – столько же! И ни одним пфеннигом меньше! Меня не интересует, каким образом ты добудешь эти деньги. Это твое дело. И я еще раз предупреждаю, чтобы ты не вздумал уклониться от этого приказа. Не рассчитывай, что это как-нибудь обойдется. Ты ответишь жизнью. Полагаю, мне не надо тебе объяснять, как горек жребий того, кто пробудит гнев его императорского величества. Прислушайся к моему совету и не опаздывай ко дню, который я тебе назначил. Уверен, что ты сможешь собрать необходимую сумму. Евреи тебя почитают, и им нетрудно будет собрать любую сумму, чтобы откупить тебя от тюрьмы. Сейчас ты можешь вернуться домой. Однако берегись и не пытайся скрыться от меня. Твой дом окружен сыщиками, которые будут за тобой следить.

Ἰ δὲ αὐτὸς αἰεὶ ἐὰν ἴδῃ αἰὸν

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Уважаемый господин редактор!

В мартовском номере вашего журнала «Лехаим» за 2000 год опубликовано интересное исследование Владимира Розенבלата «Канторское искусство», которое вызвало у меня огромный интерес. Прежде всего, конечно, материал позволяет еще раз прикоснуться к небольшой, но весьма важной страничке еврейской культуры, в очередной раз почувствовать гордость за свой народ. Я, как вероятно, и многие другие читатели вашего журнала, выражаю искреннюю благодарность автору за его труд, а вам – за его публикацию.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить вас и весь коллектив редакции журнала за то великое дело, которое вы делаете. Каждый его номер – это бальзам на еврейскую душу, это радость и гордость за наш народ, это слезы за его страдания, это негодование и презрение к тем, кто сеет злобу и ненависть к народу, который на протяжении тысячелетий вносил и вносит в человеческое бытие огромный и неопенимый вклад.

Несколько слов о себе. Мне 73 года. Окончив 4-ю Московскую артиллерийскую спецшколу, со времен войны тридцать лет служил в Советской Армии. Последнее место службы – город Брянск.

С глубокой признательностью и пожеланиями успехов в вашем благородном труде

Ėאַאַדי Ėיִאַי , אַ אָדיינע

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮЛЯ

2 ИЮЛЯ

20 лет со дня смерти живописца, графика, художника театра и кино, педагога, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора ВГИКа, участвовавшего в создании фильмов «Арсенал», «Пышка», «Человек из местечка», «Петербургская ночь», «Зори Парижа», «Александр Невский», «Семья Оппенгейм», «Бабы», «Машенька», «Иван Грозный», «Заговор обреченных», «Сестры», «Восемнадцатый год», «Хмурое утро», «Суд сумасшедших», «Год, как жизнь» и др., лауреата Государственной премии СССР **Иосифа Ароновича Шпинеля** (1892, Белая Церковь – 1980, Москва).

3 ИЮЛЯ



65 лет со дня смерти промышленника, основателя и владельца французского автомобильного синдиката **Андре Ситроена** (1879 – 1935, Париж).

4 ИЮЛЯ



115 лет со дня рождения одного из основоположников американской кинопромышленности, совладельца киностудии «Метро-Голдвин-Майер», одного из основателей Американской Ассоциации владельцев кинотеатров и Академии киноискусства, президента ассоциации продюсеров США, продюсера фильмов «Большой парад», «Бен Гур», «Принц-студент», «Анна Кристи», «Гранд-отель», «Великий Зигфельд», «Сан-Франциско», «Добрая земля», «Город мальчиков» и др. **Луис Бурта Майера** (1885, Минск – 1957, Лос-Анджелес).

7 ИЮЛЯ



140 лет со дня рождения композитора, оперного режиссера, дирижера Венской придворной оперы, театра «Метрополитен-опера», главного дирижера и директора оперных театров Будапешта и Гамбурга, руководителя Нью-Йоркского филармонического оркестра **Густава Малера** (1860, Калишт, Чехия – 1911, Вена).

8 ИЮЛЯ



100 лет со дня рождения композитора, пианиста, автора оперы «Трансатлантическая», музыкальной комедии «Елена уходит», балетов «Механический балет» и «Столица мира», музыки для кино **Джорджа Антейла** (1900, Трентон – 1959, Нью-Йорк).



15 лет со дня смерти экономиста, члена Шведской королевской АН, члена-корреспондента Британской академии, члена и президента Американской экономической ассоциации, профессора Пенсильванского и Гарвардского университетов, автора трудов в области экономической статистики и эконометрии, разработчика методики исчисления валового национального продукта и других экономических показателей, лауреата Нобелевской премии по экономике 1971 года **Саймона Кузнеца** (1901, Харьков – 1985, Кембридж, США).

9 ИЮЛЯ



85 лет со дня рождения композитора, дирижера, автора балетов, симфоний и др., лауреата трех премий Гуггенхайма **Дэвида Дайамонда** (р. 1915, Нью-Йорк).

10 ИЮЛЯ



165 лет со дня рождения скрипача и композитора, придворного солиста в Петербурге, профессора Петербургской и Брюссельской консерваторий, чьим именем названы проводимые с 1935 года Международные конкурсы скрипачей, с 1957 года – также композиторов и скрипичных мастеров **Генрика Венявского** (1835, Люблин – 1880, Москва).



85 лет со дня рождения поэта, автора текстов лирических песен «Школьный вальс», «Подмосковные вечера», «Это было недавно, это было давно», поэм «Не забывай», «Суть», мемуаров «Семейный альбом» и др., лауреата Государственной премии СССР **Михаила Львовича Матусовского** (1915, Луганск – 1990, Москва).



170 лет со дня рождения живописца, представителя импрессионизма, автора пейзажей «Вспаханная земля», «Бульвар Монмартр» и др. **Камиля Писсарро** (1830, Сент-Томас, Франция – 1903, Париж).

14 ИЮЛЯ



110 лет со дня рождения скульптора, мастера европейского экспрессионизма, автора памятников «Разрушенный город» в Роттердаме, «Ван Гог» в Овере-сюр-Буаз близ Парижа и др., кавалера ордена Почетного легиона **Осипа Алексеевича Цадкина** (1890, Смоленск – 1967, Париж).

15 ИЮЛЯ



70 лет со дня рождения физиолога, члена-корреспондента РАН, автора исследований по физиологии слуха, формированию акустической виртуальной реальности **Якова Абрамовича Альтмана** (р. 1930, Кишинев).

16 ИЮЛЯ

90 лет со дня рождения литературоведа, театроведа, доктора искусствоведения, редактора (совм. с А.А. Смирновым) 8-томного собрания сочинений Шекспира, автора книг «Бернард Шоу», «Даниэль Дефо», «Шекспир», «Театр эпохи Шекспира», «Шекспир. Ремесло драматурга», «Первое издание Шекспира», «Творческий путь Гете» и др. **Александра Абрамовича Аникста** (1910, Цюрих – 1989, Москва).



15 лет со дня смерти генетика, биохимика, члена-корреспондента АН СССР, исследователя механизма регуляции биосинтеза белка, энзимологии генетических процессов, структуры и функции фермента ДНК-зависимая РНК-полимераза, автора монографии «Непостоянство генома», лауреата двух Государственных премий СССР **Романа Бениаминовича Хесина-Лурье** (1922 – 1985, Москва).

18 ИЮЛЯ



100 лет со дня рождения писательницы, представительницы школы «нового романа», автора романов «Портрет неизвестного», «Золотые плоды», «Вы слышите их?», «Ты себя не любишь», «Между жизнью и смертью», мемуаров «Детство» и др. **Натали Саррот** (наст. фамилия Черняк; 1900, Иваново-Вознесенск Владимирской губ. – 1999, Париж).

21 ИЮЛЯ



80 лет со дня рождения скрипача, интерпретатора произведений Баха, Бетховена, Брамса и др., обладателя премии «Оскар» 1981 года **Исаака Стерна** (р. 1920, Кременец Волынской губ.).

22 ИЮЛЯ



100 лет со дня смерти живописца-передвижника, создателя «пейзажа настроения», автора работ «Март», «Озеро. Русь», «Над вечным покоем», «Владимирка» и др. **Исаака Ильича Левитана** (1860, Кибарты Сувалкской губ. – 1900, Москва).

24 ИЮЛЯ



80 лет со дня рождения первой еврейки-члена конгресса США, правозащитницы, активистки феминистского движения **Беллы Абзуг** (р. 1920, Нью-Йорк).

25 ИЮЛЯ



115 лет со дня рождения писателя, члена Французской академии, мастера жанра романтизированной биографии, автора книг о Байроне, Бальзаке, Тургеневе, Жорж Санд, Дюма-отце, Дюма-сыне, Гюго, психологических романов «Превратности судьбы», «Семейный круг» и др. **Андре Моруа** (наст. имя Эмиль Херцог; 1885, Эльбеф, Франция – 1967, Нейи-сюр-Сэн, Франция).

28 ИЮЛЯ

40 лет со дня смерти музыковеда и пианиста, доктора искусствоведения, профессора Киевской и Московской консерваторий, автора трудов по истории русской и зарубежной музыки, монографии о Бетховене **Арнольда Александровича Альшванга** (1898, Киев – 1960, Москва).



75 лет со дня рождения генетика, профессора Пенсильванского университета открывшего антиген сывороточного гепатита, разработчика метода лабораторного контроля доноров крови на его присутствие, лауреата Нобелевской премии по медицине 1976 года (совм. с К. Гайдузеком) **Баруха Бламберга** (р. 1925, Нью-Йорк).

29 ИЮЛЯ

160 лет со дня рождения врача, первым в США осуществившего аппендэктомию, **Саймона Баруха** (1840, Шверсен, Германия – 1921, Нью-Йорк).



10 лет со дня смерти министра иностранных дел, председателя Социалистической партии, федерального канцлера Австрии **Бруно Крайского** (1911 – 1990, Вена).

30 ИЮЛЯ

30 лет со дня смерти дирижера, музыкального директора Немецкой оперы, филармонии в Праге и Кливлендского оркестра **Георга Шелла** (1897, Будапешт – 1970, Кливленд).

ИСААК ЛЕВИТАН

30/VI 1860—22/VI 1900



Исаак Левитан умер в ясный летний день, когда в его саду благоухали пышные цветы, с любопытством заглядывавшие в настезь открытые окна притихшей квартиры. Прощаясь с человеком, которым гордился не только еврейский народ, представитель московской еврейской общины в своем надгробном слове сказал:

– Он был наш...

Присутствовавший на кладбище известный меценат, друг и почитатель скончавшегося художника, заметил своему соседу:

– Слышите, они находят, что Левитан был «их». Вот неожиданное открытие! Впрочем, может быть, может быть...

Да, Левитан был «наш».

Наш – прежде всего по своей еврейской судьбе.

Поэт русской природы, открывший миру своеобразные красоты подмосковного и приволжского пейзажа, мимо которых, не замечая их, проходил до него и мещанин-обыватель, придавленный камнем ежедневных суровых забот, и художник, ищущий яркой красочной радости или «нарядной печали», которых решительно нет в окружающих его лесах, полях и деревушках, великий лирик интимной красоты родной земли, Левитан испытал всю унижительную горечь еврейского бесправия.

Право восхищаться Б-жьим миром – это, оказывается, одно, а право жить в этом мире, жить в самом элементарном смысле, совсем другое. В юные годы Исаак Левитан не

решался ночевать в тех местах, которые воспроизводил в своих картинах и этюдах; как преследуемый бродяга, он не раз тревожно следил за погасающей зарею: в деревне ночевать опасно, до города, где находятся приятели, готовые укрыть «нарушителя запретов», далеко...

Душа еврейского мальчика была ранена беспричинной злобой толпы, ее насмешками над «жидом», и впоследствии, окруженный людьми прекрасными и благородными, он в самой невинной шутке над его восточным типом лица, над библейским именем «Исаак», которое для некоторых звучало слишком торжественно, видел возврат пережитого в детстве кошмара. Сразу притихал, уходил в себя. Такие будто бы ничем не мотивированные перемены в настроении художника удивляли его друзей (в том числе и Антона Павловича Чехова), и они объясняли тоску, охватывавшую Исаака Ильича, нервной удрученностью, болезнью... Левитан из гордости никогда не объяснял причины подобных омрачений...

Исаак Левитан был «наш» и в самой интимной области своего существования – в области творчества.

Критики и историки искусства отмечали чувство грусти, осеняющее большинство (если не все) полотна художника. Не только во «Владимирке» и «Над вечным покоем», имеющих сюжетами скорбное, но и в картинах, передающих игру весенних лучей, улыбку золотой осени, разлив синей речной воды, думы темных могучих лесов, полет легких тучек, озаренных закатными огнями, – во всем, от неба до земли, разлита непреходящая, безысходная грусть.

Это поет песни матери-природы сын древнего народа, измученного несправедливостью тысячелетий...

Вспоминая Левитана, я всегда почему-то вижу весенний праздник еврейских детей Лаг Баомер. Ребята прыгают по траве, поют песни. Солнце румянит их бледные лица. Оно, солнце, доброе: ему все равно, еврейские это дети или какие-либо другие, оно греет всех, светит всем в голубое апрельское утро.

Любят эти дети поле, траву, лес, речку, пусть редко приходится им, бедным, любоваться родной природой. Эта любовь – источник их будущих страданий.

Нужно ли доказывать, что человек не может не любить места, где он родился, мечтал, учился; где под мшистым камнем, под трепетной плакучей ивой, спит его мать. Если бы нужно было евреям представить своим обвинителям доказательства этой любви, им достаточно было бы назвать только одно имя – имя величайшего поэта русской природы Исаака Левитана.

На его полотнах запечатлены самые сокровенные стороны русской природы. Прочувствованные еврейским сердцем «кейданского мещанина», они переданы русскому обществу в простых, трогающих своей искренностью мотивах.

Кто же дерзнет утверждать, что не любил родины самой восторженной любовью этот еврей, высланный из Москвы – уже в период своей славы из-за отсутствия у него рокового правожительства?

Тяготение к зеленой травке, растущей на городском выгоне, к березке, что стоит перед стареньким домом и стучит ветками в окошко, – вещь тяжелая и беспокойная.

Берет она человека за белую руку и ведет непосредственно к увлечению культурой данной страны, созданием ее разумной общественности.

Как утверждали древние физики, «природа боится пустоты». Духовная природа, во всяком случае, боится ее. Не может человек жить без идеи родины. Эта идея, как стрела, вонзается в сердце еще в раннем детстве, дает ощущение непрекращающейся боли. Выньте, люди добрые, стрелу, и прекратится эта боль, но вместе с ней уйдет и сама жизнь. И боятся все этой пустоты, ибо знают, что в ней, в пустоте, смерть лютая...

Ê. Áàðòèí, Áàðàéííçäÿ Î ääàéÿ,

1915, ¹ 10